

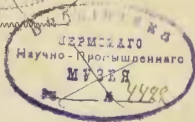
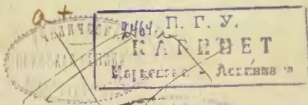
Отт. 206

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

(По поводу воззрѣній на христіанство графа Л. Н. Толстаго и
Вл. С. Соловьева).

Александръ Вилевъ

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

Содержаніе и объемъ двухъ понятій, положенныхъ въ заглавіи, слишкомъ обширны, чтобы можно было ихъ исчерпать въ небольшой журнальной статьѣ. Но мы и не ставимъ своей задачей всестороннее обсужденіе предмета. Тема навѣяна надѣлавшей много шума исторіей по поводу реферата Вл. С. Соловьева: *О причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія*, прочитаннаго имъ въ засѣданіи Психологическаго Общества 19-го октября 1891 г. Нѣкоторые слушатели реферата остались крайне недовольны какъ духомъ его, такъ, и въ особенности, нѣкоторыми мыслями его и отдѣльными выраженіями, которыя показались слишкомъ рѣзкими и оскорбительными для слуха и сердца православныхъ русскихъ людей. Недовольные выразили свой протестъ на страницахъ *Московскихъ Видомостей*. къ нимъ примкнули Редакція этой газеты и нѣкоторые сотрудники ея. Редакціей, кромѣ того, были приглашены и нѣкоторые стороннія лица высказать свои мнѣнія по предметамъ возникшаго спора. На возраженія отвѣчали самъ г. Соловьевъ въ *Московскихъ Видомостяхъ*, а потомъ въ *Русскихъ Видомостяхъ*, и его сторонники — въ *Русскомъ Обзорникѣ*.

Сущность возраженій противъ реферата сводилась къ тому, что г. Соловьевъ, указывая недостатки средневѣковаго христіанства, порицалъ и православную Церковь, или христіанство восточной церкви по терминологіи самого г. Соловьева, что, дажѣ, его порицанія были несправедливы и преувеличенны по существу, рѣзки по способу выраженія, и что, наконецъ, его положенія не согласны съ уче-

иамъ Православной церкви. Въ полемикѣ были затронуты многіе пункты реферата г. Соловьева, но именно только затронуты, обсуждались вскользь. Это не понятно, потому что ежедневной и притомъ свѣтской газетѣ не удобно уделять много мѣста для обширныхъ ученыхъ статей о спеціальныхъ богословскихъ предметахъ.

Впрочемъ, было сделано исключеніе для одного вопроса, обсуждавшася въ цѣломъ рядѣ статей, — вопроса о томъ, была-ли въ Восточной церкви, Византійской и Русской, инквизиція. Г. Соловьевъ въ своемъ рефератѣ и въ полемикѣ противъ своихъ противниковъ настойчиво утверждалъ и доказывалъ: инквизиція была въ Восточной церкви; они доказывали и, по нашему мнѣнію, доказали, что инквизиціи въ Восточной Церкви не было. Кромѣ *Московскихъ Видомостей*, это послѣднее положеніе было раскрываемо и доказываемо въ *Юридической Литературѣ* профессоромъ Горчаковымъ, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (февраль 1892 г.) профессоромъ П. П. Барсовымъ.

Самый рефератъ г. Соловьева не цензурнымъ затрудненіямъ напечатанъ не былъ. Но о содержаніи его можно составить понятіе частью по тезисамъ, напечатаннымъ въ двухъ московскихъ газетахъ, частью по возраженіямъ, которыя противъ него были написаны, и по отвѣтамъ на нихъ самого г. Соловьева. Выходя изъ этихъ данныхъ мы и рѣшаемся высказать свои мысли о нѣкоторыхъ предметахъ, важныхъ по существу, по въ полемикѣ малораскрытыхъ. Побуждаемся къ этому чисто научнымъ интересомъ, а не полемическимъ задоромъ. Поэтому больше обсуждаемъ предметы по существу, положительно, только стороною касаясь мнѣній г. Соловьева. Напр., мы отнюдь не считаемъ г. Соловьева глашатаемъ альтруизма, въ особенности крайняго, а только полагаемъ, что нѣкоторыя его мнѣнія напѣаны послѣдними теперь въ воздухъ идеями альтруизма.

Въ тезисахъ г. Соловьевъ утверждаетъ, что средневѣковое міросозерцаніе и связанный съ нимъ строй жизни, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, представляютъ собою историческій компромиссъ между христіанствомъ и язычествомъ и имѣютъ характеръ двоевѣрія, или полувѣрія и т. д. Этотъ компромиссъ ошибочно принимается за само христіанство, какъ его противниками, такъ и защитниками (Тез.

1-й); что вслѣдствіе „господства языческихъ началъ христіанству былъ приданъ несвойственный ему характеръ: а) односторонняго и нетерпимаго догматизма, б) односторонняго эгоистическаго индивидуализма, в) односторонняго и безсильнаго спиритуализма“ (Тез. 3, 4 и 5); что эти три бохѣзны внутренне подорвали средневѣковое міросозерцаніе и ~~низвели~~ по необходимости и по справедливости критическое разлагающее движеніе мысли и жизни“ (Тез. 6). Но „критическое движеніе послѣднихъ вѣковъ, наевъ г. Соловьевъ, ведетъ къ обнаруженію и торжеству истиннаго христіанства, — живаго, общественнаго, универсальнаго, — не отрицающаго, а перерождающаго человѣческую и природную жизнь“ ¹⁾ (Тез. 7).

Такимъ образомъ г. Соловьевъ приписываетъ христіанству среднихъ вѣковъ и новаго времени также недостатки, которые, по его мнѣнію, лишаютъ это христіанство права носить названіе христіанства, дѣлаютъ его христіанствомъ поистиннымъ, а появленіа истиннаго христіанства, по его мнѣнію, нужно еще ждать; начиная съ среднихъ вѣковъ и доселѣ истинное христіанство будто бы или вовсе не существовало, находилось только въ возможности, или существовало скрытно, не обнаруживалось, во всякомъ случаѣ не торжествовало.

Итакъ, истиннаго христіанства нигдѣ на всей землѣ нѣтъ, и давно нѣтъ; и всѣ тѣ миліоны миліоновъ людей, которые за послѣднюю тысячу лѣтъ признавали себя и другихъ истинными христіанами, на самомъ дѣлѣ обманывались, находились въ заблужденіи, — тѣмъ болѣе тяжкомъ и страшномъ, что пѣды они заблуждались относительно своей вѣчной участи: они были увѣрены въ своей принадлежности къ истинному христіанству и потому имѣли надежду на спасеніе, а въ дѣйствительности они истинными христіанами не были, и надежда ихъ на спасеніе была жалкимъ самообманомъ, пустой мечтой. Уже этотъ выводъ, вытекающій изъ взгляда г. Соловьева на христіанство, возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности его взгляда и заставляетъ признать его преувеличеннымъ, даже абсурднымъ.

Къ тому же заключенію приводятъ понятія о сущности

¹⁾ Московскія Вѣдомости 1891 г. № 321.

христіанства и объ отношеніи его къ человѣку, къ жизни, о проявленіяхъ его въ исторіи.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какое христіанство слѣдуетъ признавать истиннымъ и какое неистиннымъ, и соответственно этому сдѣлать оцѣнку взгляда г. Соловьева на средневѣковое христіанство, нужно предварительно уяснить себѣ сущность христіанства.

Какъ извѣстно, въ христіанствѣ двѣ стороны: божественная или объективная и человѣческая или субъективная. Первую сторону составляютъ чрезвычайное, особенное, отличное отъ общаго промышленія о мирѣ, дѣйствіе тридневнаго Бога, выражающееся въ томъ, что Богъ даетъ людямъ откровеніе, совершаетъ дѣло искупленія ихъ и устанавливаетъ средства для освященія ихъ. Вторая сторона состоитъ въ воспріятіи и усвоеніи человекомъ откровенія и искупительнаго освященія, она состоитъ въ вѣрѣ и любви человека, чрезъ которыя божественная сторона христіанства воспринимается человекомъ, плодоощается въ его жизни, перерождаетъ человека или дѣлаетъ духовнымъ и спасаетъ его. Воспринимаемая вѣрою и любовью, божественная сторона христіанства въ свою очередь возводитъ вѣру и любовь человека, а слѣдовательно и всю жизнь его, до высшихъ степеней совершенства; но степеней этихъ, — степеней воспріятія, усвоенія и воплощенія въ человѣкѣ божественной стороны христіанства, очень много.

Эти двѣ стороны христіанства могутъ быть разсмотрѣны и каждая въ отдѣльности, и въ сочетаніи одна съ другой. Именемъ христіанства называется и одна объективная сторона его, и соединеніе ея съ субъективной стороной, соединеніе божественно-христіанскаго съ человѣчески-христіанскимъ. Говоря иначе, христіанствомъ ~~называется~~ или христіанство само въ себѣ, безъ отношенія къ человеку, принимаемое отвлеченно, или христіанство, осуществляющееся въ человечествѣ, христіанство историческое, христіанство не въ идей, а какъ фактъ.

Христіанство само въ себѣ безусловно истинно, есть совершеннѣйшая религія. Христіанство историческое можетъ и не быть истиннымъ, напр., ~~католическое~~ христіанство не истинно. Да и истинное христіанство можетъ имѣть разные степени совершенства. Различія въ совершенствѣ истори-

ческаго христіанства зависать отъ мѣры полноты воспріятія, усвоенія и воплощенія въ жизни человѣческими обществами божественной стороны христіанства.

Что касается теперь до порицаній г. Соловьевымъ христіанства, то, судя по томъ и тезисамъ, они относились къ историческому христіанству. Правда, въ печати было указываемо на несоотвѣтствіе самого реферата съ темой, но мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и признаемъ, что г. Соловьевъ принималъ упомянутыя болѣзни исключительно историческому христіанству, какъ это подтвердилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, напечатанныхъ въ *Московскихъ Видомостяхъ*¹⁾. Ему, однако, по поводу этого заявленія возражали, что; порицая историческое христіанство, онъ не могъ не порицать и самой церкви. „Развѣ можно говорить объ историческихъ судьбахъ христіанскаго человечества, не говори объ историческихъ судьбахъ христіанской церкви?“

Это возраженіе имѣетъ силу. Объяснимъ это.

Когда рѣчь идетъ о сектантскомъ, или еретическомъ, или инослапномъ христіанствѣ, тогда при порицаніяхъ его легко отдѣлять божественную сторону отъ человѣческой, не касаясь первой и осуждая только вторую. Напр., и еретики, и сектанты, и инославные имѣютъ Библию; но они заблуждаются или въ общемъ взглядѣ на нее, или въ дѣлѣ усвоенія ея и пониманія, или въ томъ и другомъ. Напр., одни изъ нихъ не всѣ каноническія книги признаютъ боговдохновенными, другіе допускаютъ неправильный принципъ толкованія писанія, третьи явно извращаютъ смыслъ тѣхъ мѣстъ его, въ которыхъ книги найдти подтвержденіе своего ученія. Точно также они принимаютъ догматы; но или не всѣ догматы принимаютъ, или ~~извращаютъ~~ новые догматы, или считаютъ догматомъ то, что не есть догматъ, или извращаютъ принимаемыя ими догматы. Въ полемикѣ противъ нихъ и отмѣчаются эта неполнота, или извращеніе божественнаго элемента христіанства въ ихъ ученіи, и самое

¹⁾ „Нислапного, на отрывочнаго глумленія надъ христіанскою церковью въ моемъ рефератѣ не было. Церковь по существу (со стороны божественной или благодатной) вовсе не была предметомъ моихъ разсужденій, которыя ограничивались только историческими судьбами христіанскаго человечества“, такъ говоритъ г. Соловьевъ. № 296.

ученіе ихъ, самое христіанство ихъ, въ силу существенныхъ недостатковъ его, признается неистиннымъ. И если бы г. Соловьевъ говорилъ о недостаткахъ еретическаго, сектантскаго и неправославнаго христіанства и называлъ его христіанствомъ неистиннымъ, то, конечно, никто бы на него не поспѣвовалъ. Но онъ нападалъ не на одні только извращенныя формы, въ которыхъ проявилось христіанство въ исторіи, а на все историческое христіанство, существовавшее на всей землѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ, и это-то христіанство онъ объявляетъ неистиннымъ.

По въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, гдѣ-же и въ комъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, существовала Церковь Христова? Скрывается-ли она въ отдѣльныхъ людяхъ, разсѣянныхъ по всей землѣ, и есть церковь невидящая, или она живеть въ какомъ нибудь народѣ, или въ частной церкви? Или же она вовсе не существуетъ?

Судя по тому, что г. Соловьевъ все существующее христіанство называетъ неистиннымъ, а между тѣмъ истинная Христова Церковь должна содержать истинное христіанство, можно подумать, что, по мнѣнію г. Соловьева, истинная Церковь уже давно прекратила свое существованіе, что она существуетъ, такъ сказать, только на бумагѣ, а не въ жизни, что хотя и пребываетъ на землѣ божественная сторона ея, но она въ жизнь такъ называемыхъ христіанъ не вошла, стоитъ особнякомъ отъ жизни ихъ, или если и вошла въ нее, то совсѣмъ не такъ, какъ должно, и потому остается бездѣйственной, не перерождаетъ людей. Но такое мнѣніе столь отчаянно и явно ложно, что даже никто изъ сектантовъ или еретиковъ не рѣшился высказать его. Всякая секта, признавая отличныи отъ насъ христіанскіи общества неприловѣрными, самое себя неизбежно признаетъ истиннымъ христіанствомъ, истинною Церковью, а иначе никакая секта не могла бы и возникнуть. Да и какъ можно думать о прекращеніи существованія Церкви, хотя бы самымъ кратковременномъ, въ виду ясныхъ словъ Іисуса Христа: *Я съ вами во все дни до скончанія вѣка. Аминь* (Мат. 28, 20). И подъ вѣнцемъ Церкви, всегда и непрерывно существующей въ мірѣ, нельзя разумѣть только одну божественную сторону ея, а непременно сочетаніе двухъ сторонъ ея — божественной и человѣческой. Церковію на-

зывается не Христось: Онъ глава Церкви; Церковью называется та часть человечества, которая главою своею имѣетъ Христа ¹⁾. И вотъ это-то человечество, имѣющее своей главой Христа, перестать существовать на землѣ, даже и на краткое время, не можетъ. Въ тяжкаго времени оно можетъ сокращаться въ числѣ, ослабѣвать въ силѣ, подвергаться униженію и гоненіямъ соудь, или страдать отъ внутреннихъ нестроений, но перестать существовать не можетъ.

Мы увѣрены, что и самъ г. Соловьевъ не отрицаетъ непрерывности существованія Церкви. Но онъ или не имѣетъ отчетливаго понятія о существѣ Церкви и объ отношеніи ея къ историческому христіанству, или не хотѣлъ отказаться отъ своихъ ~~идей~~ относительно судьбы христіанской Церкви. Иначе нельзя понять, какъ можно допускать непрерывность существованія Церкви и въ то же время отрицать существованіе истиннаго христіанства въ средніе вѣка, или въ какую иную эпоху. Говора о „болѣзняхъ“ средневѣковаго христіанства, нужно было выдѣлать изъ него истинную Христову Церковь, истинное христіанство. И это не въ интересахъ только вѣры, но по требованію только христіанскихъ и вѣроисповѣдныхъ убѣжденій, но и въ чисто научныхъ интересахъ. Не будутъ-ли нарушены элементарныя требованія правды и исторической науки, если мы, прикрываясь широкимъ терминомъ „Христіанство“, будемъ одни и тѣ же обвиненія изводить и на истинное христіанство, или истинную Христову Церковь, и на христіанство неправославное, еретическое и сектантское? А г. Соловьевъ огульно прикладываетъ все средневѣковое христіанство, не отличая истиннаго христіанства отъ ложнаго, представляя его даже несуществующимъ.

Но быть можетъ г. Соловьевъ подъ именемъ истиннаго средневѣковаго христіанства разумѣетъ собственно сердцевину христіанства, церковное христіанство, попросту тогдашнюю Церковь, и въ ней-то онъ и нашла „болѣзнь“, а еретическаго и неправославнаго христіанства онъ по счоту нужнымъ и касается въ своихъ порицаніяхъ, ~~или~~ осужденнаго и безъ его суда? Если это такъ, то порицанія г.

¹⁾ Этѣ идеи раскрыты въ послѣднихъ апостолѣ Павла въ Ефессахъ.

Созонова не могут быть оправданы ни съ догматическо-принципіальной, ни съ историческо-фактической точки зрѣнія.

Догматическая точка зрѣнія обязываетъ насъ признавать Церковь святой и истинной. По ученію апостола Павла, Церковь *освящена благодатию и словомъ* (Еф. 5, 26); *есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). И въ этихъ словахъ говорится не о божественной сторонѣ Церкви, ибо божественное само по себѣ свято и не зачѣмъ, и не чѣмъ осмѣивать его, а о человѣчествѣ, освященномъ благодатию и словомъ, и это-то освященное челоѣчество и называется Церковію. Не считаемъ нужнымъ приводить многія другія мѣста Писанія, въ которыхъ также именемъ Церкви означается не одна божественная сторона ея, и не идеаль, къ которому она должна стремиться по завѣту Христа и апостоловъ, а именно общество вѣрующихъ во Христа и освященныхъ Св. Духомъ, и этой-то Церкви, какъ обществу освященныхъ, приписываются высокія достоинства, напр., святость. Съ другой стороны, ни въ Св. Писаніи, ни въ отеческихъ твореніяхъ, ни въ актахъ соборовъ нѣтъ и гдѣни обличеній и порицаній, предметомъ которыхъ было-бы все церковное челоѣчество, все историческое христіанство, вся Церковь, хотя бы только по одной челоѣческой ея сторонѣ. Обличенія и порицанія всегда относились или къ христіанамъ, какъ лицамъ, или иногда и къ цѣлымъ обществамъ христіанскимъ, но никогда ко всей совокупности христіанскаго челоѣчества, ко всей Церкви. Какъ ни печально было во времена Иисуса Христа состояніе склонившейся къ закату Церкви іудейской, уже давно лишившейся главной ветхозавѣтной святости—Кивота Заѣта и управляемой фарисеями и саддукеями, какъ ни были слѣпы эти вожди слѣпыхъ, которые хотя и нѣбли въ рукахъ Св. Писаніе, но плохо понимали его и еще хуже исполняли его предписанія, которые выше заповѣдей Божіихъ ставили преданія своихъ старцовъ и въ то же время были напыщены своимъ жнимымъ превосходствомъ, какъ ни велико было огрубѣніе нравовъ и затѣніе релігіозныхъ понятій всего вообще іудейскаго народа: тѣмъ не менѣе Иисусъ Христосъ обличалъ именно только фарисеевъ, саддукеевъ, книжниковъ и всѣхъ вообще закрублѣныхъ грѣшниковъ, но

ни разу не сказалъ укоризненного слова о всемъ іудействѣ въ совокупности, а напротивъ, въ словахъ Ханынейникѣ выразилъ такое предпочтеніе іудейству предъ измечествомъ, какое имѣютъ люди предъ псами.

Несоостоятельныя съ догматической точки зрѣнія, порицанія г. Соловьева христіанства не подтверждаются и исторіей. Въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ своего существованія христіанская Церковь въ обществѣ постоянно стремилась къ той высокой задачѣ, которая была продуказана и предсказана сп Основателемъ Іисусомъ Христомъ и перемыи ея руководителями св. апостолами и осуществлена ея. Она дѣйствительно перерождала натуральное челоуѣчество, освещала людей, одухотворяла и возвышала ихъ жизнь и вела ихъ къ побѣ, а вовсе не отрицала истинной челоуѣческой жизни. Исторія христіанскихъ народовъ говоритъ сама за себя. Въ теченіи послѣднихъ девятнадцати вѣковъ гдѣ процвѣтали философія, наука, искусство? Въ „честномъ“ ли, какъ выразился г. Соловьевъ, магометанствѣ и измечествѣ или у христіанскихъ народовъ? Гдѣ было меньше рабства — тамъ, или здѣсь? Откуда возникло и гдѣ постоянно поддерживалось движеніе противъ деспотизма и рабства, какъ не изъ христіанства и не въ христіанствѣ? Въ магометанствѣ и въ азычествѣ женщина — вещь: въ христіанствѣ она — челоуѣкъ. Въ магометанствѣ и въ азычествѣ жестокость, кровавая месть, кровавый фанатизмъ, многоженство и многожудіе — общее правило: въ христіанствѣ — случайныя и историчныя исключенія. Все это можно сказать не только объ истинномъ церковномъ, православномъ христіанствѣ (о немъ преимущественно), но и обо всемъ вообще христіанствѣ, за исключеніемъ развѣ наиболѣе уклонившихся отъ идеи истиннаго христіанства сектъ, въ родѣ американскихъ мормоновъ, или русскихъ хлыстовъ. Даже страшно въ 19 в. доказывать несравненное превосходство христіанства предъ магометанствомъ.

Восхваляя послѣдовательность магометанства, г. Соловьевъ возводитъ на пьедесталь нравственнаго и религіознаго величія, объявляетъ чуть не спатыми и во всякомъ случаѣ признаетъ облагодѣтствованными свыше и чудесно, считаетъ настоящими христіанами тѣхъ людей, которые сами объявляли себя невѣрующими, боролись противъ Церкви и хри-

стианства, были язычниками въ христіанствѣ, до которыхъ борьбой противъ официальной Церкви достигли того, что до слюдажъ г. Соловьева, „были закрыты диканшионныя судилища, прекращены религіозныя гоненія, погасли костры, уничтожены пытки, отменено феодальное, и крѣпостное рабство“.

Выходитъ такъ, что въ официальномъ или церковномъ христіанствѣ завелись такіе ядухи, обнаружались такіе рѣзкія и повальныя нарушенія духа Христова, духа христіанской любви, что само это христіанство, собственными силами не могло уврачевать и не врачевало этихъ стращныхъ извъ религіознаго фанатизма, безчеловѣчія и жестокости, а отличными врачами неспѣльныхъ извъ церковнаго христіанства и вмѣстѣ спасителями его отъ той глубокой, упадка, къ которому оно склонилось, явились едо вражды, враги вѣры, враги Христа, или по крайней мѣрѣ равнодушныя ко Христу и вообще къ религіи. Такое смѣденіе, чтобы не сказать сильнѣе, перенесеніе центра тяжести духа Христова изъ церковнаго христіанства, въ которомъ будто бы укоренился совсѣмъ противоположный духъ, въ сердца невѣрующихъ и даже положительныхъ враговъ Церкви и христіанства показалось особенно соблазнительнымъ для многихъ слушателей реферата и уже одною неожиданностію, можно думать, озадачило даже и не однихъ религіозныхъ людей. Поэтому въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ остановиться не смотря на то, что онъ уже подвергался изъ печати обсужденію.

Мы не станемъ говорить о томъ, что жестокости религіознаго фанатизма продавались преискусственно въ неправославныхъ христіанскихъ обществахъ, что онѣ обнаруживались не повсемѣстно и не постоянно, что въ системѣ и принципѣ онѣ возведены развѣ только въ одномъ римскомъ католицизмѣ; мы не станемъ также ссылаться на невѣрующихъ гуманистовъ противопоставлять примѣры дѣятельныхъ сумъ людей вѣры въ пользу христіанской любви и противъ религіознаго фанатизма; не будемъ распространяться о томъ, что у невѣрующихъ гуманистовъ ихъ наудача провѣстительныя и гуманныя тенденціи имѣли склонность переходить и дѣйствительно переходили въ свои противоположности, — ихъ заботы объ общемъ благѣ часто служилируднею для достиженія ихъ личныхъ честолюбивыхъ и власто-

любимыхъ замисловъ, ихъ защита правъ человека переходила въ совершенную разнузданность, гуманная мягкость въ кровожадную жестокость, борьба за свободу и противъ рабства — въ насиліе, отрицаніе власти — въ деспотизмъ личнаго произвола, — все это извѣстно и довольно ясно свидѣтельствуемъ или о неискренности этихъ людей, или о преобладаніи въ нихъ разрушительнаго духа оппозиціи, борьбы и вражды ради самой борьбы, или о шаткости основъ, на которыхъ жили и держится ихъ гуманность, или объ отсутствіи высокихъ мотивовъ въ ихъ любви къ меньшей и страдающей братіи. Мы спросимъ только, откуда заимствовали они все, что было лучшаго въ ихъ ученіи и дѣятельности? Откуда взялись у нихъ основныя начала ихъ гуманистической дѣятельности: идолъ о чловѣчности, о равенствѣ, свободѣ, братствѣ людей? У кого научились они уважать и высоко цѣнить эти начала? Откуда почерпнули они силы распространять и защищать ихъ? Изъ наивнаго, грубаго, суевѣрнаго, подугубляющаго рабствомъ, узкимъ націонализмомъ и калкибализмомъ, измѣщения или изъ магоматства хотя бы и „честнаго“, но фаталистическаго, безжизненнаго, жесткаго и кровожадно-фанатическаго? Но такъ этихъ началъ нѣтъ и въ коминѣ; такъ они отрицаются въ принципѣ. Или они навѣяны созорціонно-радужной картиной невиннаго натурального состоянія интеллектуальнаго чловѣчества, начертанной Ж. Руссо и его похлдователями? Но не говоря о томъ, что эта картина изображаетъ не дѣйствительное натуральное состояніе чловѣка, а протическую мечту о томъ, каково бы оно должно быть, — спрашивается, откуда живописатели этой картины взяли замисель ея и яркія краски для ея осуществленія? Или можетъ быть гуманныя начала у похлвующихъ зародились въ ихъ неспорченномъ натуральномъ сердцѣ, возрасли и окрѣпли силою возвышеннаго отъ природы разума, богато одареннаго и гармонически раскрытаго духа? Но не говоря о томъ, что безъ благотворнаго вліанія истинной религіи не можетъ быть ни теплаго сердца, ни возвышеннаго разума, ни гармоническаго раскрытія всѣхъ силъ духа, почему же только среди христіанъ явились обладатели горячо любящаго сердца и возвышеннаго разума и почему среди христіанъ оказались таковыми именно нелѣ-

рушіе, т. е., не христіане, а отрицатели, враги христіанства? Если невѣрующіе гуманисты не были ни христіанами, ни язычниками, то почему же ~~сказались~~ болѣе благопріятствующей ихъ происхожденію среда христіанская, а не язычская? Если христіанство поражено хроническими и тяжкими недугами и даже перестало быть истиннымъ христіанствомъ, то хотя и не ~~возможно~~ происхожденіе изъ среды его великихъ ревнителей истиннаго христіанства, возстановителей идеи его, реформаторовъ отступившаго отъ своей идеи христіанства, но такіе сами всегда бывають пылками сторонниками и поборниками христіанства, они вооружаються только противъ уклоненій отъ идеи христіанства, и самая борьба ихъ противъ существующихъ формъ христіанства происходитъ отъ ихъ любви къ идеалу христіанства, все равно — правильно, или ложно они понимаютъ его. Но какъ понять положеніе, когда дѣлителями недуговъ, объявившихъ будто бы все христіанство, являются не ревнители его чистоты, а люди, исторгнувшіе его изъ своей души, отрицающіе его въ принципѣ, усматривающіеся стереть его съ лица земли? Какъ объяснить то, что по существу дѣла и по результатамъ своей дѣятельности они оказываются лучшими христіанами, нежели дѣйствительные христіане, и въ то же время они заклятые враги христіанства вообще, — извращеннаго, или ~~истиннаго~~ — это безразлично? Не христіане и въ то же время лучшіе, нежели христіане; ~~исходящими~~ отъ христіанства по убѣжденіямъ и чуждые ему по симпатіямъ, и въ то же время связанные съ нимъ происхожденіемъ и родственные по духу своей нравственной дѣятельности; враги его и въ то же время благодѣтели его, — эти невѣрующіе гуманисты полны непримиримыхъ противорѣчій. Все дурное у нихъ отъ невѣрія; но откуда у нихъ возвышенно-прекрасное? Можно-ли невѣріе признавать состояніемъ ненормальнымъ, злосчастнымъ и злостворнымъ, когда одержимые имъ оказываются способными проводить столь высокую нравственную жизнь, руководствуются въ своей дѣятельности столь высокими началами и совершаютъ такіе подвиги любви и самоотверженія, что превыщаютъ не только лучшихъ язычниковъ, магометанъ и иудеевъ, но даже и самихъ христіанъ? Справедливо-ли порицать невѣріе, когда представители его высоко держать

знамя любви къ людямъ, между тѣмъ какъ, не говоря уже о христіанахъ, даже въ христіанствѣ во всей его совокупности она будто бы ослабѣла, сознание ея необходимости затмилось и ей мѣсто заступили безчеловѣчныя жестокости религіознаго фанатизма?

Г. Соловьевъ самъ, повидимому, чувствовалъ несообразности, вытекающія изъ положенія, что невѣрующіе во Христа испознаны духа Христова больше вѣрующіхъ, и трудность объяснить рационально происхождение этого страннаго факта, этого, въ своемъ родѣ, чуда. Дѣйствительно, онъ допускаетъ дѣйствіе чуда въ тѣхъ, которые сами въ чудо не вѣрятъ. Источникомъ гуманистическихъ началъ и дѣятельности въ невѣрующіхъ онъ признаетъ *приветвенно-практическую благодать*, которая будто-бы была дана имъ Богомъ специально для выполнения ихъ исторической миссіи и силой которой самая борьба ихъ противъ неистиннаго христіанства послужила дѣлу возстановленія и торжества истиннаго христіанства.

Новѣрная основная мысль ведетъ къ нецѣлѣсообразному изъясненію ея. Если г. Соловьевъ высказалъ мнѣніе о дѣйствіи въ невѣрующіхъ историческихъ лицахъ особой нравственно-практической благодати въ видѣ предположенія, то вѣдь онъ знаетъ что для науки могутъ быть полезны только научныя, т. е., имѣющія нѣкоторую основательность, предположенія, а не фантастическія догадки, или праздныя и произвольныя выдумки. Если же онъ считаетъ свое мнѣніе несомнѣнной истиной, то нельзя не удивляться смѣлости его мысли.

Что дѣйствія враговъ христіанства, не только добрыхъ, но даже и злыхъ, верѣдко служатъ на пользу послѣднему, это несомнѣнно. Но это — результатъ установленнаго порядка вещей и дѣйствія общаго Промысла Божія о мірѣ и чело-вѣческомъ родѣ, а не особой благодати. Если подъ благодатію разумѣть естественныя дары Божіи, то такая благодать, называемая естественной, свойственна всѣмъ людямъ. Но г. Соловьевъ нѣко разумѣетъ не эту, а чрезвычайную, особенную, специфическую благодать, подаваемую Богомъ для особахъ цѣлей, благодать сверхъестественную. Однако есть-ли въ св. Писаніи и въ св. Преданіи указанія на сообщеніе нехристіанамъ и тѣмъ болѣе противни-

какъ Христа и христіанства благодати, — сверхъестественной дѣятельности и специфической по цѣли? Никакихъ, Вѣровъ сверхъестественной благодати много, но всѣ оны составляютъ исключительную принадлежность христіанъ и не проявляются ни въ іудействѣ, ни въ магометанствѣ, ни въ индуизмѣ, ни въ безбожникахъ. Это — азбучная богословская истина. Да и какъ могутъ повѣрующіе во Христа и противники христіанства быть участниками сверхъестественной благодати, когда она подается Богомъ не иначе, какъ чрезъ Христа, въ христіанствѣ и чрезъ христіанство?

Г. Соловьевъ измыслилъ неслыханную нравственно-практическую благодать, дѣйствующую будто-бы въ повѣрующихъ историческихъ дѣятеляхъ, съ цѣлію объяснить, какимъ образомъ люди, отрѣшившіеся отъ христіанства, оказались по своимъ нравственнымъ принципамъ и нравственно-общественной дѣятельности лучшими вѣрующихъ во Христа и даже исправданы даже христіанство, вдохнувши въ него духъ Христа, до крайности въ него ослабѣвшій. Но, такъ какъ такой благодати ни самою дѣлѣ цѣль, до съ точки зрѣнія Г. Соловьева не христіанство и не нравственно-гуманистическую дѣятельность повѣрующихъ остается необъясненнымъ и даже необъяснимымъ фактъ происхожденія послѣдней. Самая попытка его объяснить происхожденіе этой дѣятельности допущающаго чуда показываетъ, что тутъ что нибудь да не такъ; о томъ-же говорить и неудача этой попытки.

Въ чемъ же кроется фальшь, которая привела г. Соловьева къ измысливію несуществующаго чуда, несуществующей нравственно-практической благодати?

Фальшь заключается, съ одной стороны, въ преувеличеніи достоинства сущности и результатовъ гуманизма повѣрующихъ, и съ другой, въ чрезмѣрномъ умаленіи достоинства историческаго христіанства, говоря иначе; фальшь дожить въ самыхъ децарахъ реформы г. Соловьева.

Гуманистическая дѣятельность повѣрующихъ ни по мотивамъ, ни по существу и характеру, ни по окончательнымъ результатамъ, никогда не была столь высокой, чистой и благотворной, чтобы слѣдовало признавать ее вдохновенной свыше, или считать, какъ-то особеннымъ дѣломъ Провидѣнія, Рядомъ, съ возвышенными мотивами у повѣрующихъ

гуманистовъ, часто цѣли силу, мотивъ самокорыстнаго; или по крайней мѣрѣ чуждые интересамъ общаго блага. Подобно всѣмъ идеалистамъ, они постоянно впадали въ утопію, добивались недостижимаго, и для осуществленія своихъ несбыточныхъ мечтаній не пренебрегали никакими средствами, идя съ сноровъ идею на проломъ, а отъ этого ихъ дѣятельность становилась деспотическою, насильственной, жестокой, фанатически-безразсудной. Вооружавшіеся противъ деспотизма сами становились ужасными деспотами; искоренявшіе рабство стремились все и всѣхъ подчинить своимъ доктринамъ, подавляя и уничтожая тѣхъ, которые осмѣливались не признавать ихъ непогрѣбимости; возставашіе противъ религіознаго фанатизма сами становились фанатиками своихъ идей. Въ перѣбравшихъ гуманистахъ не замѣтно ни мудрой мѣры и благоразумія, ни снисхожденія къ недостаткамъ людей, ни кроткаго отношенія къ своимъ противникамъ, ни, тѣмъ болѣе, любви къ врагамъ, ни сердечной мягкости и теплоты, ни душевнаго равновѣсія и возвышенно-свѣтлаго настроенія, которыя свойственны людямъ благодетельствующимъ и проявляющимъ истинною любовью къ людямъ. А отъ этого и въ окончательныхъ своихъ результатахъ дѣятельность невѣрующихъ гуманистовъ часто оказывалась или безплодною, пустоцвѣтомъ, или приводила къ такимъ печальнымъ и ужаснымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ они сами отшатнулись-бы, если бы могли ихъ предвидѣть съ самаго начала. Развѣ не бывало, что желавшіе осчастливить всѣхъ людей умножали потоки слезъ и крови?

Съ другой стороны, историческое христіанство, не только православное, но даже и неправославяющее, никогда не падало до такой степени, чтобы невѣрующіе гуманисты не могли заимствовать изъ него все лучшее, что было въ нихъ, ученійхъ и въ ихъ дѣятельности. Правственный уровень христіанскихъ народовъ, даже въ самыя несчастныя и неблагопріятныя для христіанства эпохи, все-таки несравненно возвышался надъ уровнемъ нравственности нехристіанскихъ народовъ; среди христіанъ всегда были люди свѣтлыя, нравственною высотой и высотою далеко превосходяшіе невѣрующихъ гуманистовъ; въ христіанствѣ всегда пребывали божественныя источники истины — религіозныя и нравственныя, — разжижемъ св. Писаніе и

св. Преданіе. Откуда больше, какъ не изъ христіанства, невѣрующіе почерпали принципы гуманистическаго ученія и гуманистической дѣятельности? Зачѣмъ Богъ сталъ бы давать имъ нравственно-практическую благодать, когда все хорошее, чему они учили и что дѣлали, они могли воспринять изъ христіанства? Ихъ вражда противъ христіанства не могла этому препятствовать, потому что она начиналась не съ дѣтства. Пусть невѣрующіе никогда не имѣли въ рукахъ Библии, никогда не читали церковныхъ и богословскихъ книгъ: ~~не могли~~ они не могли не знать христіанства. Довольно того, что они родились отъ христіанъ и жили среди христіанъ, въ странахъ издавна христіанскихъ. Въ такихъ странахъ люди, учрежденія, обычаи, законы, нравы, преданія, исторія, воззрѣнія, науки, искусства, правила, просвѣщеніе, вся жизнь—все это, или чисто христіанское, или хотя и воспринято изъ язычества, какъ напр. матеріалы классическаго образованія, но осмысленно, освящено и проникнуто христіанствомъ. Вотъ почему даже и противники христіанства, если только они родились и живутъ среди христіанскихъ народовъ, оказываются безсознательно напоенными христіанствомъ. Сколько бы затѣмъ они ни усилывались отрѣшиться отъ христіанства, они могутъ достигнуть этой цѣли только отчасти. Можетъ-ли человѣкъ освободить себя отъ дѣйствія на него климата, окружающей природы, унаслѣдованныхъ отъ предковъ свойствъ души и тѣла, воспринятыхъ чрезъ воспитаніе привычекъ? Можетъ ли онъ не дышать окружающимъ его воздухомъ? Христіанство для живущаго ероди него человѣка есть духовная атмосфера, и невѣрующій, родившійся, воспитавшійся и живущій въ христіанской странѣ, противъ воли на половину христіанинъ. Отрицаи все христіанское, невѣрующіе изъ христіанства же почерпаютъ свои идолы, только берутъ ихъ околными путемъ, напр. изъ философіи и изъ свѣтской науки, и выдвуютъ ихъ за свои собственныя и за чисто рациональныя идеи, но имѣющія будто бы ничего общаго съ христіанствомъ, а чтобы замаскировать плагиатъ и чтобы никто не сомнѣвался въ оригинальности этихъ идѣй, придумываютъ новые названія. Напр., ученіе о любви къ ближнимъ есть чисто-христіанское, самобытно-христіанское ученіе. Невѣрующіе моралисты не могутъ этого отвергнуть; не могутъ они отринуть и возвышенности этого ученія. Но,

съ другой стороны, имъ не хочется сознаться, что это ученеіе принесть въ міръ Христооъ, а распространили въ мірѣ послѣдователи Христа. И вотъ они тоже самое ученеіе, только въ иной формѣ, болышею частію не въ полномъ видѣ и извращенно ¹⁾, раскрываютъ раціональнымъ образомъ, выдаютъ за свое собственное ученеіе и называютъ его то *гуманизмомъ*, а самую любовь къ ближнимъ *гуманностію*, то, въ самое послѣднее время, *алтруизмомъ*. Это похоже на то, какъ наши русскіе торговцы на недоброкачественныя туземныя издѣлія накладываютъ иностранныя клейма и продаютъ за иноземные товары высшей доброты. И такіхъ-то плагиаторовъ и извратителей христіанскаго ученеія о любви къ ближнимъ г. Соловьевъ признаеть чудесно и свыше облагодатствованными и признанными самимъ Провидѣніемъ дѣлать недуги христіанства! Не значитъ ли это быть „метафизикомъ“ и о простыхъ вещахъ говорить мудрено!

Преувеличеніе важности трехъ болѣзней средневѣковаго христіанства обнаруживается и въ выводѣ реферата, что именно этими тремя болѣзнями вызвано критическое разлагающее движеніе мысли и жизни. Этотъ выводъ исторически повѣренъ. На Западѣ критическое движеніе релігіозной мысли явно и рѣзко проявилось въ реформаціи и въ подготовлявшихъ ее протестахъ гражданскихъ и церковныхъ дѣятелей. Реформація же и ея предвѣстники были вызваны вовсе не этими тремя болѣзнями, а чрезмѣрнымъ властолюбіемъ и порочностію папъ, преобладаніемъ мірскихъ интересовъ въ духовенствѣ, особенно высшемъ, и развращеніемъ его, отступленіями Римской церкви отъ древне-церковнаго преданія и введенными въ ней, не согласными съ этимъ преданіемъ, новшествами.

¹⁾ Корень всѣхъ недостатковъ ученій невѣрующихъ о любви къ людямъ, какъ и всей вообще ихъ морали, въ томъ, что они, по причинѣ невѣрія въ Бога, ~~отказываются~~ у любви къ людямъ ся опору и осмивающую ее силу, именно любовь къ Богу. Вся любовь къ Богу любовь къ людямъ никогда не можетъ быть твердая и постоянная, полная и истинная, возвышенная и святая. Вотъ почему ученія невѣрующихъ о любви къ людямъ мало того что не оригинальны, ~~отсутствуют~~ отъ христіанства, но и по достоинству никогда не достигали высоты христіанскаго ученія о любви къ ближнимъ и даже никогда не могли и не могутъ достигнуть этой высоты, пока невѣрующіе ~~остаются~~ невѣрующими.

Гуситы требовала „чаши“, т. е. причащения и Тѣла и Крови Христа; въ изъ одного Тѣла; какъ самоотлично произвольно ввели католики; Говоря иначе, Гуситы требовали восстановления важнаго обычая древней „вселенской“ церкви, имѣющаго неоспоримое основаніе въ св. Писаніи, требовали отъѣма латинскаго обычая, явно несогласнаго ни съ св. Писаніемъ, ни съ восточною практикою древней „вселенской“ церкви.

Далѣе, что возмущило Лютера въ Римѣ? Спиритуализмъ? забота о личномъ спасеніи? догматизмъ? Напротивъ: бывши самъ монахомъ, онъ надѣялся все это найти въ Римѣ. Онъ пошелъ туда не съ мыслию протеста противъ лжи, противъ духовенства, противъ католичества. Онъ шелъ поклоняться святынямъ Рима, посѣтить „вѣчный городъ“, престольный городъ католическаго міра. Но, пришедши туда, совершенно разочаровался въ своихъ, быть можетъ, преувеличенныхъ ожиданіяхъ. Ему показалось, что онъ нашелъ тамъ мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ! Быть можетъ, въ Лютерѣ была нѣкоторая доля самолюбія, или преувеличенной релігіозной ревности; или недостатокъ смиренности, но во всякомъ случаѣ къ протесту противъ Рима привели его совсѣмъ не тѣ недуги католичества, которые отмѣтилъ г. Соловьевъ въ своемъ рефератѣ.

Наконецъ, чѣмъ были вызваны первая французская революція и соединенный съ нею разрывъ безбожій? Безплоднымъ спиритуализмомъ французовъ? Но развѣ не известно, что въ 17 и въ первой половинѣ 18 вв. во Франціи процѣтали философія, наука, литература, искусство, промышленность? Или они забыли тѣмъ, что „духовенство заботилось о своемъ личномъ спасеніи и строго держалось догматическаго ученія своей церкви? Итъ; не ѣтимъ, а напротивъ тѣмъ, что оно о своемъ спасеніи заботилось мало, или заботилось лицемерно, что оно своему житію подавало дурной примѣръ народу, а отъ того и Христоно ученіе въ устахъ его оказывалось бездѣйственнымъ. Равнодушное къ вѣрѣ, испорченное нравственно, поглощенное мірскими интересами, французское духовенство временъ Людовика XIV было бессильно удержать аристократію отъ порочной жизни, а въ народѣ укрѣпить вѣру въ Бога и уваженіе къ цоркамъ. А въ лицѣ іезуитовъ католическа

церковь, подъ предлогомъ поддержанія католичества, подъ видомъ служенія Богу, сама попирала основные законы вѣры и нравственности. Иезуитскій принципъ оправданія средствъ цѣлю и отсюда крайняя неразборчивость въ средствахъ составляла этотъ орденъ, а вмѣстѣ съ нимъ отчасти и католическую церковь, на путь скольскій, опасный и страшный. Дѣйствуя посредствомъ этого ордена, она тянулась за обоюдоострымъ ножомъ, которымъ она наносила раны и самой себѣ не менше, чѣмъ своимъ вратамъ. Иезуиты ограничили распространеніе протестантства въ католическомъ мірѣ и ~~составили~~ много услугъ католическому богословію учеными трудами нѣкоторыхъ своихъ сочленовъ. Но ихъ лицемеріе, наглос вторженіе въ семейный очагъ гражданъ и въ политическія отношенія государствъ и правительствъ, ихъ политика, исполненная подлости и коварства, проникнутая макіавелизмомъ, запятанная кровью жертвъ, имѣвшихъ смѣлость или неосторожность стать поперекъ ихъ дороги, ихъ злодѣйства, тѣмъ болѣе страшныя и отвратительныя, что они совершаютъ ихъ хладнокровою, мило службу приносить Богу, наконецъ, само-внутреннее устройство этого ордена, основанное на недоверіи къ человеку, проникнутое шпіонствомъ и неограниченнымъ деспотизмомъ, исключющее жизнь сердца и отрицающее права личности и человечность—все это возбуждало и доселѣ возбуждаетъ къ иезуитамъ недоверіе, отвращеніе и ненависть, все это вооружало противъ нихъ и правительства и народы всѣхъ странъ, гдѣ только они ни появлялись. „Иезуитизмъ“—слово нарицательнымъ и общеупотребительнымъ—словамъ. Всею образованнымъ христіанскій міръ положилъ этимъ словомъ неизгладимое клеймо на орденъ, который дерзко присвоилъ себѣ имя Іноуса и достигъ того, что имя за него имя Божіе хулился во языцѣхъ. Сторонники иезуитовъ не должны бы забывать, что Вольтеръ вышелъ изъ иезуитской коллегии. Одинъ онъ принесъ больше ала христіанству и въ частности католицизму, чѣмъ всѣ иезуиты принесли пользы своими учеными трудами. Какъ бы то ни было, но общая ненависть къ иезуитамъ невольно переносилась и на католическую іерархію, потому что она почти всегда покровительствовала этому ордену, дѣйствовала съ нимъ и чрезъ него, или по крайней мѣрѣ терпѣла его. Естественно, что въ эпоху революціи

врагами духовенства оказались не одни безбожники и безумные демагоги, но и значительная часть народа, которая до безбожия не доходила. Естественно и то, что духовенство, обезсмѣивши нравственно, утратило влияние на народъ и не могло воспрепятствовать распространенію равнодушія къ себѣ въ народѣ, безбожія и вражды къ церкви въ высшемъ и среднемъ классѣ.

Но если-бы мы и признали вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ причинами критическаго разлагающаго движенія мысли и жизни на Западѣ указываемыя имъ „болѣзни“ христіанства, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы ни малѣйшаго основанія примѣнить такое же сужденіе къ Восточной и въ частности къ нашей Русской церкви. Въ Россіи не было ни реформаци, ни революціи. У насъ есть расколъ и сектанство. Но расколъ уже не могъ быть результатомъ односторонняго спиритуализма, или нетерпимаго догматизма церкви или іерархіи, что онъ самъ представляетъ проявленіе крайняго и односторонняго обрядоваго догматизма, который ему и препятствуетъ воссоединиться съ церковью. А наши рационалистическія и мистическія секты большею частью занесены къ намъ съ Запада, — перенесены то поселившимися въ Россіи иностранцами, то самими Русскими, побывавшими за границей, или воспитавшимися у иностранныхъ учителей и по иностраннымъ книгамъ. Равнымъ образомъ и невѣріе, или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ вѣрѣ, незнаніе ученія вѣры, нерасположеніе къ Церкви и неуваженіе къ служителямъ ея, главнымъ источникомъ своимъ имѣютъ обезьянское подражаніе нашего образованнаго и полуобразованнаго свѣтскаго общества Западу. На Западѣ распространились идеи Вольтера и энциклопедистовъ: и русскіе образованные и инимно-образованные люди сдѣлались вольтерьянцами и поклонниками энциклопедистовъ. Затѣмъ началось тамъ господство философіи Гегеля: и русскіе стали гегельянцами. На смѣту гегельянства явился тамъ материализмъ: наши не отстали отъ Запада и въ материализмѣ. Вмѣстѣ съ материализмомъ процвѣталъ тамъ рационализмъ: явились у насъ сочувствовавшіе и этому направленію мысли, хотя, кажется, рационализмъ мало сроденъ русскому чеховѣку. Вслѣдъ за материализмомъ на Западѣ возникъ и широко распространился дарвинизмъ, а раньше еще позити-

низмъ, затѣмъ пошелъ въ моду ~~инженеризмъ~~ и усилился социализмъ: а каждое изъ этихъ ученій находило откликъ въ Россіи, а нынѣ, какъ дарвинизмъ, и широкое распространіе.—Корни же нашей подражательности Западу лежатъ частью въ податливости славянской природы, частью въ отсталости Россіи отъ Запада въ философіи, наукахъ, искусствахъ и промышленности. Винить же служителей Русской церкви за то, что ихъ слово и ученіе оказывалось часто маловліятельнымъ и не могло воспрепятствовать напору отрицательныхъ ученій съ Запада и широкому распространію ихъ въ Россіи, не справедливо потому, что возникновенію и распространію философскихъ и ученыхъ идей есть результатъ дѣйствія историческихъ законовъ, которое ~~можетъ~~ быть ослаблено или отклонено только въ малой мѣрѣ; и притомъ служители нашей церкви не рѣдко были ограничиваемы и стѣсняемы въ своемъ словѣ и дѣятельности гораздо больше, нежели этого требовали заботы о чистотѣ православія и польза церкви, а отъ этого духовное просвѣщеніе много теряло въ своей силѣ и жизнеспособности, и само не процвѣтало, и оказывало мало вліянія на свѣтскую науку и свѣтское образованное общество. И востанки, не смотря на то, что образованные и полуобразованные русскіе люди дѣлались то французами, то нѣмцами, или англичанами, впадали то въ католицизмъ, то въ протестантизмъ, в то и въ сектанство, нигде становились материалистами, другіе язвителями, третьи дарвинистами, четвертыя рационалистами, не смотря на рабское подражаніе нашей свѣтской наукой Запада, не смотря и на многія нынѣ неблагоприятныя условія: Русская церковь отстояла свою самобытность, сохранила въ чистотѣ вѣру, ударила православные обряды и вообще весь строй и духъ восточнаго православія, согласнаго съ православіемъ древней вселенской церкви. Въ этомъ пользы по видѣть признака истинности нашей церкви и залогъ того, что она и въ будущемъ сохранитъ ~~самостоятельность~~, вѣрность древне-церковному преданію, православію.

Когда рѣчь идетъ о духовныхъ болѣзняхъ христіанства, какъ въ рефератѣ г. Соловьева, то естественно возникаетъ вопросъ, какіе недостатки могутъ быть и дѣйствительно бываютъ въ христіанствѣ, не препятствуя ему оставать-

ся истиннымъ христіанствомъ, истинною Церковію Христа, и какіе недостатки низводятъ его на степень христіанства неистиннаго, поцерковнаго.

Что истинное христіанство не можетъ не имѣть недостатковъ, это несомнѣнно. Христіанство не дѣлаетъ людей безгрѣшными ангелами. Безгрѣшны только члены небесной, торжествующей Церкви, а не земной; или вознотвующей. Даже люди святые въ этой жизни не безгрѣшны. Истинное христіанство или истинная Церковь только ослабляетъ силу грѣховности человѣка и даетъ средства для очищенія отъ грѣховъ, но не искореняетъ ихъ окончательно. Совершенство есть идеаль, къ которому оно направляетъ и даетъ силы и средства приближаться своимъ членамъ, а не есть свойство или принадлежность этихъ послѣднихъ.

Имѣя въ виду несовершенство и грѣховность человѣческой природы, православная Церковь съ мудроюнисходительностію и прощательностію не только не требовала отъ своихъ чадъ невозможнаго, но даже и въ предѣлахъ достижимаго христіанскомъ совершенствѣ она различала обязательное отъ желательнаго. Она никогда не обязывала пѣкъ христіанъ идти высшимъ путемъ жизни и достигать высшихъ степеней совершенства, которымъ или, или которыхъ достигали немногіе, а только рекомендовала стараться къ нимъ и прославляла святость стремившихся къ высшему совершенству и по возможности достигавшихъ его. Она, напр., допустила не только второй, но даже и третій бракъ; и второй и третій браки она также освящаетъ таинствомъ, какъ и первый, несмотря на то, что идеальная норма брака есть единоебрачіе, и цѣломудреннее дѣйствіе нѣчто брачной жизни. Она даже прямо осуждала ригористовъ, требовавшихъ обязательнаго единоебрачія. Она отвергла ученіе донатистовъ, будто истинная Церковь только тамъ, гдѣ нѣтъ грѣшниковъ, и будто совершаемые грѣшными людьми таинства не дѣйствительны. Этимъ она ясно показала, что даже и священнослужители она не признаетъ безгрѣшными и ихъ грѣховность не считаетъ препятствіемъ для совершенія таинства и всего ихъ служенія Богу и Церкви. Она кротко и милостиво отвесилась даже къ положительнымъ нарушителямъ обязательныхъ и притомъ важныхъ требованій ученія вѣры и закона нравственности, если только они

не обнаруживали упорства и коснѣнія въ джовѣрїи и нераскаданности въ безразличномъ поведенїи.

Такъ смотрѣла, такъ учила и такъ поступала древняя Церковь.

Восточная православная Церковь всегда подражала ей въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ. Духъ ригоризма чуждъ нашей Церкви. Она всегда дозволяла, второй и третїй бракъ, не разрѣшая его только священнослужителямъ. Она не допустила безбрачія священниковъ и дьяконовъ, за исключенїемъ тѣхъ случаевъ, когда санъ священнослуженїя принимается въ болѣе чѣмъ зрѣломъ возрастѣ. Для епископовъ въ нашей Церкви безбрачіе обязательно. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и въ первые вѣка христіанства многіе епископы не были женаты, что въ епископы рѣдко ставили раньше сорокалѣтняго возраста, что наша Церковь не возбраняетъ принимать епископство лицамъ, бывшимъ женатыми и имѣющимъ семейства, если только оvdовѣли. Никогда также Церковь наша не признавала безгрѣшными не только миряне, но и монаховъ, и священнослужителей, даже епископовъ и самихъ патріарховъ, и никогда не видѣла въ грѣховности своихъ членовъ неодолимаго препятствїя для ихъ спасенїя и въ грѣховности іерархическихъ лицъ—препятствїя для осуществленїя ихъ служенїя Церкви; никогда также не раздѣляла она мнѣнїя, будто грѣшныя люди препятствуютъ Церкви быть святой и будто къ Церкви принадлежатъ только немногіе святыя и совершенныя люди.

Общее сознанїе православной Церкви относительно грѣховности христіанъ можно вкратцѣ выразить такъ: всѣ члены Церкви грѣшны и не могутъ не быть грѣшными; по свойственнымъ всѣмъ имъ *простительнымъ* грѣхамъ не препятствуютъ имъ быть членами Церкви, пользоваться всѣмъ благодатными средствами ея и получать спасенїе и вѣчную жизнь, а сама Церковь не перестаетъ быть святой отъ того, что члены ея грѣшны.

Но христіане перестаютъ быть членами Церкви, становятся неистинными христіанами, если они заражаются грѣхами непростительными, къ которымъ относятся: сребъ, или упорное преступленїе противъ вѣры; расколъ, или упорное отчужденїе отъ православной Церкви и противленїе ей; нераскаданное пребыванїе въ тяжкихъ преступленїяхъ про-

твѣ нравственнаго закона. Но и эти грѣхи непростительны и препятствуютъ христіанину быть истиннымъ христіаномъ только до тѣхъ поръ, пока онъ остается въ нихъ, но кается; раскаяніе въ нихъ и обращеніе къ Церкви ошнѣ приобщаетъ его къ Церкви.

Видимая принадлежность къ православной Церкви большаго или меньшаго количества такихъ непростительныхъ или нераскаянныхъ касательно вѣры, или правѣтвенности, грѣшниковъ не препятствуетъ ей оставаться Церковію святой и православной. Но если всѣ или почти всѣ члены избѣотнаго христіанскаго общества, или помѣстной церкви становятся нераскаянными грѣшниками въ вѣрѣ, или нравственности, тогда само это общество перестаетъ быть истинно христіанскимъ, эта Церковь перестаетъ быть Церковію истинной, святой, православной. Не только міряне, монахи, священники, но и епископы и даже патріархи иногда впадали въ ересь, но это не мѣшало церквамъ, въ которыхъ они были, служили и даже предсѣдательствовали, оставаться православными, если онѣ во всемъ своемъ составѣ не держались ереси и продолжали общеніе въ вѣрѣ съ прочими православными церквами; и вселенская Церковь не ставила даже и въ малѣйшую вину помѣстнымъ церквамъ то, что ихъ престолы ~~заняты~~ иногда люди, недостойные святительства и даже еретики; скорѣе она считала это несчастіемъ ихъ и своимъ собственнымъ, отечески и братски соображала имъ и принимала рѣшительныя мѣры къ усуграненію несчастія, зла и соблазна.

Какъ ни снисходительно и кротко относится Церковь къ согрѣшеніямъ своихъ членовъ, есть, однако, такіе грѣхи, которые отбѣиваютъ отъ Церкви не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя общества. Это такіе грѣхи, которыми извращается или бундается ~~сама~~ идея, самое существо Церкви и которые составляютъ нарушеніе основныхъ ея законовъ и отклоняютъ ее отъ ея высокаго назначенія. По существу своему Церковь есть тѣло Христово (Еф. 1, 4 и 5 гл.; 1 Кор. 12, 27). Главное основаніе ея—*либуеу* Христовъ; второстепенныя основанія—пророчи и апостолы (Еф. 2, 20). Она одушевляется и оживляется живущимъ въ ней Св. Духомъ (Рим. 8 гл.; 1 Кор. 12 гл.). По назначенію своему Церковь должна быть *сладной, не имѣющей пятна, или*

порока, или чем либо подобнаго, должна быть святой и непорочной (Еф. 5, 27). Въ силу особенной близости Церкви къ Богу (Еф. 2, 18. 19), особеннаго обитанія Бога въ Церкви и чрезвычайнаго, благодатнаго дѣйствованія Его въ ней, а также по своему высокому назначенію, она всегда хранила, всегда будетъ хранить и не можетъ не хранить въ поприкосновенности и чистотѣ основныя начала христіанства. Именно: она всегда имѣла и всегда будетъ имѣть въ полномъ составѣ св. Писаніе и св. Преданіе, а также всегда правильно понимала и всегда будетъ правильно понимать и толковать существенное содержаніе того и другаго; она никогда не погрѣшала, никогда не будетъ погрѣшати и не можетъ погрѣшати въ догматахъ вѣры и въ основахъ нравственнаго закона; она всегда была и всегда будетъ исполнена благодати Божіей и духа Христова; она сохранила и сохраняетъ основныя формы своего устройства, предначертанныя Иисусомъ Христомъ и апостолами.

Соблюденіе основныя начала христіанской вѣры и жизни есть признакъ истинной Церкви. Отступленіе отъ нихъ, или извращеніе ихъ, или отрицаніе хотя бы одного изъ нихъ какимъ-либо христіанскимъ обществомъ есть знакъ отпаденія его отъ гѣла Церкви. Христіанское общество, не соблюдающее въ чистотѣ и неприкосновенности основныя начала христіанской вѣры и жизни, не есть поимено-христіанское общество, но есть истинная, православная Церковь.

Этимъ положеніемъ опредѣляется точка зрѣнія на разсужденія г. Соловьева о неистинномъ христіанствѣ и оцѣнка якъ.

Такъ, если онъ признаетъ средневѣковое христіанство не истиннымъ христіанствомъ, а полу-измѣствомъ, полу-христіанствомъ, исполненнымъ антихристіанскаго духа, то онъ не можетъ не признать, что средневѣковое христіанство не было истинною Церковію. *Что не имѣетъ духа Христова, тотъ и не Его.* Что за Церковь, если она не только не исполнена духа Христова, а напротивъ, нанитана прямо антихристіанскимъ духомъ? Такимъ образомъ мнѣніе г. Соловьева объ антихристіанскомъ духѣ средневѣковаго христіанства ведетъ къ отрицанію существованія въ средніе вѣка истинной Церкви на землѣ, — къ выводу, догматически невозможному.

Далѣе, онъ утверждаетъ, что средневѣковое христіанство отрицало, а не порождало человѣческой жизни. Но если это правда, то, значить, средневѣковая Церковь не выполняла своего назначенія; потому что назначеніе Церкви въ томъ и состоитъ, чтобы перерождать людей и, перерождая, спасать ихъ. Если же она главнаго ~~своего~~ назначенія не выполняла, значитъ она не была истинною Церковью, значить истинная Церковь въ средніе вѣка на землѣ не существовала; но такъ какъ это не возможно, то ясно, что невѣрны самыя послыки, которыя приподать къ такимъ заключеніямъ: преувеличена мысль, что средневѣковое христіанство было проникнуто антихристіанскимъ духомъ и совершенно повѣрну положеніе, будто оно не порождало, а отрицало человѣческую жизнь. — Человѣка перерождастъ не только истинная, православная Церковь, которая несомнѣнно существовала и въ средніе вѣка, но православная Церковь вѣруетъ и допускаетъ, что порожденіе всякаго человѣка въ ~~какомъ~~ совершается даже и въ неправославныхъ церквахъ, только оно тамъ менѣе обезпечено и менѣе совершенно.

Самыя болѣзни средневѣковаго христіанства, указываемыя г. Соховаевымъ, вовсе не такъ ужасны, какъ думаетъ послѣдній: онъ не заражалъ всего христіанства; онъ по существу своему, кромѣ религіознаго фанатизма, не препятствовали христіанству оставаться истиннымъ христіанствомъ; не онъ, или, по крайней мѣрѣ, не онъ одинъ вызвали разлагающее критическое движеніе мысли и жизни.

Что въ средніе вѣка былъ односторонній догматизмъ, этого мы не отрицаемъ. Онъ проявился въ схоластическомъ богословіи, преимущественно въ западной, католической, церкви; былъ перелосимъ оттуда и въ русскую Церковь. Но этотъ догматизмъ, какъ и сама схоластика, почти ограничивался стѣнами школы и мало проникалъ въ жизнь, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Кромѣ того, въ средніе же вѣка на Западѣ противопоставъ, хотя и не очень сильно, одностороннему догматизму схоластики былъ мистицизмъ. Схоластика вредила дѣлу христіанства не столько одностороннимъ догматизмомъ, сколько мертвымъ, сухимъ формализмомъ, а также отрѣшеннымъ отъ жизни рационализмомъ и абстрактностію.

Что касается до религиознаго фанатизма, который не слѣдуетъ отождествлять съ одностороннимъ и нетерпимымъ догматизмомъ, то, дѣйствительно, на христіанствѣ едва-ли можно найти иное, болѣе темное пятно, нежели рѣзня изъ-за иды, или сожиганіе еретиковъ и иновѣрцевъ на кострахъ, инквизиціонныя жестокия пытки и т. п. Къ счастью, все это въ огромныхъ и ужасныхъ размѣрахъ было на Западѣ, въ неправославномъ христіанствѣ, преимущественно въ римскомъ католицизмѣ. Поражая самого себя страшнымъ бичемъ религіознаго изуверства, Западъ самъ себя наказалъ и получилъ справедливое самоотщепеніе за отпаденіе отъ истины и чистоты православнаго христіанства. Г. Соловьевъ тенденціозно, пристрастно, несправедливо, вопреки исторической очевидности, разнѣтъ православный Востокъ съ неправославнымъ Западомъ въ религіозномъ фанатизмѣ. Преслѣдованія или, чаще, утѣсненія еретиковъ бывали и на Востокѣ, но ни качественно, ни количественно они не достигли здѣсь и малѣйшей доли тѣхъ ужасовъ религіознаго изуверства, которые окровавили страницы церковной и гражданской исторіи Запада. Было-ли въ восточной православной Церкви что-нибудь похожее на утонченныя пытки католической инквизиціи? Было-ли въ православной Церкви такая страшная рѣзня, какъ въ Варезомесскую ночь во Франціи? Глази-ли гдѣ нибудь на православномъ Востокѣ иновѣрцевъ такъ, какъ преслѣдовали и мучили иудеи въ Испаніи? Въ Испаніи были сожжены десятки, быть можетъ и сотни тысячъ еретиковъ: въ Россіи одна нѣсколько человѣкъ.

Но и этихъ, какъ напр., главарей раскола, казнили по той причинѣ, что они производили волненіе въ народѣ, и, всѣмънародно и дерзко распространяли свое лжеученіе и были опасны для правительства и вредны государству и народу. Первые расколоучители были мѣтежики, и ихъ преслѣдовало и казнило собственно гражданское правительство, а не церковная власть.

Въ Россіи, преслѣдуя еретиковъ, или раскольниковъ, имѣли въ виду охрану чистоты православія, старались воспрепятствовать пропагандѣ, явной или скрытой, неправославныхъ ученій. Напротивъ, на Западѣ преслѣдовали и казнили еретиковъ или невѣрующихъ только за

то, что они были невѣрующіе или еретики. Большая раз-
ница—казнить еретика изъ-за того, чтобы воспрепятство-
вать ему вредить господствующей вѣрѣ и производить без-
порядокъ въ государствѣ, или казнить его только за то,
что онъ иной вѣры, или отступился отъ господствующей
вѣры, подобно тому, какъ есть существенная разница,
убьешь ли мы вора, защищая свою жизнь отъ его нападе-
нія, и когда притомъ другихъ средствъ самоохраны не имѣ-
емъ, или убьешь его только за то, что онъ воръ.

Русскимъ тѣмъ астественнѣе и извѣстнѣе было зорко
и ревливо слѣдить за неприкосновенностію своей вѣры,
недовѣрчиво и враждебно относиться къ иновѣрцамъ и
сектантамъ и принимать противъ нихъ пропаганды даже и
крутымъ мѣры, что вѣдь русскіе втайнѣ не могли не созна-
вать своего невѣжества и умственного превосходства ино-
вѣрцовъ и даже своихъ доморожденныхъ сактантовъ. Они
опытомъ могли убѣдиться, что свои сектанты хитры и ко-
варны и отлично знаютъ свою вѣру и умѣютъ приводить
доводы въ пользу ея, что западные иновѣрцы гораздо уче-
нѣе ихъ и умнѣе и знаютъ тонкости богословія, а сами они,
напротивъ, простодушны и утонченностей вѣры не знаютъ.
А когда человѣкъ чувствуетъ себя неспособнымъ или без-
сильнымъ охранять, или защищать свою вѣру умомъ, онъ
неизбѣжно, по чувству самосохраненія, начинаетъ оборо-
няться жезломъ.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ рассказать одинъ случай, кото-
раго мы были свидѣтелями. Однажды въ вагонѣ ѣхалъ ка-
кой-то сектантъ, шелачуть, или что-то въ этомъ родѣ. Про-
тивъ него сидѣлъ мѣщанинъ, или ремесленникъ, православ-
ный. Сектантъ, притворившись пылымъ, началъ осуждать
многіе обычаи православной вѣры и обряды ея. Началъ,
напр., сираливать православнаго, откуда извѣстно, гдѣ на-
писано, что нужно почитать святыхъ и жемтѣся имъ, ска-
завъ, что святые были такіе же люди, какъ и прочіе, что
при апостолахъ святыхъ не было, и потому апостолы свя-
тымъ молиться не могли, что даже пятьдесятъ лѣтъ тому
назадъ не было акакистовъ ни Тихону Задонскому, ни По-
крову Божіей Матери, что все это и многое другое введе-
но недавно и потому никакой важности не имѣетъ; началъ
даже дерзко требовать отчета о томъ, кто былъ свидѣте-

лемъ того, о чемъ написано въ разныхъ книгахъ, похрустываетъ, православныхъ. Православный, человекъ простой и хотя быть можетъ и грамотный, но не свѣдущій въ предметахъ вѣры, кое-что отгѣчалъ, но, само собою понятно, не могъ опровергнуть дерзкихъ возраженій сектанта. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ ближе сидѣвшихъ и слышавшихъ разговоръ отъ времени до времени вставляли свои замѣчанія, направленныя противъ словъ сектанта, и помогали православному обороняться, а одинъ уговаривалъ сектанта прекратить неприличныя рѣчи о вѣрѣ, хотя такимъ образомъ и сочувствіе и поддержка въ опорѣ со стороны пассажировъ были оказаны православному, а отнюдь не сектанту; однако православный не могъ не чувствовать самымъ обиднымъ для своего самолюбія образомъ, что онъ безуспѣшно опровергнулъ нападенія сектанта. Это сознаніе было для него тѣмъ тагостнѣе, что вѣрующимъ сердцемъ онъ не могъ не чувствовать, что его собесѣдникъ говоритъ что-то циничное, несетъ какую-то нечестивую чепуху, а между тѣмъ онъ почти ничего не можеть сказать противъ этой чепухи. Не смотря на то, что сектантъ личности его вполнѣ не затрогивалъ, онъ былъ оскорбленъ и возмущенъ до глубины души. Чуть не съ плачемъ сказалъ онъ своему противнику, что еслибы онъ былъ съ нимъ педикъ, то ифниломъ бы ему въ носъ и выколотилъ зубы. Словомъ русскій человекъ, грубоватый, но простодушный и съ горячей душой. Сектантъ этими словами вполнѣ не обидѣлся и даже какъ бы не обратилъ на нихъ вниманія. Да и могло-ли быть иначе, когда онъ видѣлъ, что они—выраженію безсилья его противника, что онъ взялъ надъ послѣднимъ рѣшительный верхъ. Чтобы отвязаться отъ назойливыхъ вопросовъ и задирчивости сектанта, православный замолчалъ и притворился спящимъ. Но сектантъ началъ подсеиваться: „заснуть, пашатырю ему подъ носъ“, и опять втравилъ его въ разговоръ. Съ подходомъ поѣзда къ станціи сектантъ заблагоразсудилъ выйти изъ вагона раньше остановки, и когда на станціи въ вагонъ вошелъ жандармъ, приглашенный, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ пассажировъ, то сектантъ и слѣдъ простылъ; онъ или перешелъ въ другой вагонъ, или сошелъ съ поѣзда. Къ концу разговора выяснилось, что сектантъ былъ совершенно трезвъ, и двукрат-

ное заявленіе, что онъ пьянъ, очевидно, было сдѣлано имъ съ цѣлю, чтобы никто изъ слушателей не возражалъ ему, такъ какъ никому нѣтъ охоты связываться съ пьянымъ, да и безопаснѣе было притвориться пьянымъ. Говорилъ сектанта намѣренно громко, такъ что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это былъ одинъ изъ способовъ пропаганды сектантства.

Этотъ случай показываетъ, что русскій народъ, при своемъ невѣжествѣ, беззащитенъ отъ паденій на его вѣру сектантовъ и что онъ невольно вынуждается защищаться отъ нихъ кулаками, хотя и не сознавать нецѣлесообразности подобной защиты. Невѣжество—вотъ та мутная вода, въ которой раскольники и сектанты всякаго рода успѣшно ловятъ не рыбу, а живыхъ людей; невѣжество—вотъ та темная, грузная сила, та непроницаемая твердыня, отъ которой бездѣйственно отскакиваютъ удары борцовъ за православіе, и полемика противъ раскола и сектантства имѣетъ только незначительные успѣхи.

Но въ XVI или XVII в. невѣжества въ Россіи было гораздо больше, нежели теперь. Тогда не только народъ, но даже и правительство, даже и само духовенство въ огромномъ большинствѣ плохо знали ученіе вѣры, были умственно перазвиты, стаянъ не могли не чувствовать своей неподготовленности для борьбы противъ сектантовъ и иновѣрцевъ перомъ и словомъ, а потому для охраны своей вѣры въ неприкосновенности и чистотѣ и для болѣе успѣшнаго отпора пропагандѣ иновѣрія и сектантства не могли не прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ.

Но это были именно только полицейскія мѣры. По дѣламъ вѣры не только смертная казнь, но и менѣе тяжкія наказанія не практиковались. По было ни законовъ о сожженіи и вообще казни еретиковъ, ни на практикѣ эти казни не существовали. А какого нибудь инквизиціоннаго трибунала, какъ особаго учрежденія, которое дѣйствовало бы на основаніи кодекса законовъ, дѣйствовало бы постоянно и систематически, и совсѣмъ не было.

Замѣчательно еще, что въ Россіи крутыя, гражданскія и уголовныя, мѣры противъ еретиковъ и раскольниковъ почти постоянно прилѣпала гражданская власть, а не Церковь. Это—существенное отличіе нашей Церкви отъ католической,

которая въ кровавыхъ прѣслѣдованіяхъ еретиковъ дѣйствовала въполнѣ самостоятельно, независимо отъ свѣтской власти, далеко упреждая послѣднюю въ релігіозномъ фанатизмѣ.

Коснемся здѣсь одного частнаго случая, которымъ г. Соловьевъ подтверждаетъ свое мнѣніе о существованіи въ Россіи инквизиціи въ концѣ XVII в. и по поводу котораго его противники почему-то ему ничего не возражали.

Я могу прямо сослаться, писалъ г. Соловьевъ, на несомнѣнный фактъ существованія инквизиціоннаго трибунала въ Москвѣ не далѣе, какъ въ концѣ XVII в. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ рѣшено было существовавшее при Заиконоспасскомъ монастырѣ духовное училище превратить въ высшее богословское, научное и вмѣстѣ съ тѣмъ церковно-практическое учрежденіе, сообщая ему, между прочимъ, формальную привилегію инквизиціоннаго судилища для розыска, суда и приговора въ сожженію и другимъ наказаніямъ всѣхъ обвиняемыхъ въ различныхъ релігіозныхъ преступленіяхъ. Передалъ въ своей *Исторіи Россіи* подробности этой „привилегіи“, О. М. Соловьевъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Московская Академія по проекту царя Ѳеодора—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная Церковь при необходимости столкновени съ ересью Западомъ; это не училище только, это *инквизиціонный трибуналъ*: произнесутъ блюстители съ учительными слова: „виновенъ въ неправославіи“, —и костеръ запылаетъ для преступника“ (т. XIII, изд. 2-е, стр. 314). Преобразование Академіи, дѣлаетъ свое заключеніе Вл. Соловьевъ, со стороны научной было осуществлено весьма не полно, но инквизиціонный трибуналъ въ Москвѣ сталъ фактомъ и приписалъ за свое дѣло съ такимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ, что защищалъ огнемъ не только наше собственное православіе, но и лютеранскую ортодоксію. Такъ, въ 1689 году былъ судимъ (по доносу пастора) и сожженъ въ Москвѣ первый появившійся въ Россіи философъ, — мистикъ Квиринъ Кульмапъ“¹⁾.

И Соловьевъ-историкъ и Соловьевъ-не-историкъ впади въ риторическое преувеличеніе мнимаго инквизиціоннаго ду-

¹⁾ Московскія Вѣдомости 1891 г., № 304.

ха академическаго устава или грамоты. Пункты грамоты, наиболее отзывавшіеся инквизиторскимъ духомъ, слѣдующія: „Иностранцы, желающіе поступить на царскую службу, прежде испытываются въ вѣрѣ блюстителемъ Академіи и учителями, и только по ихъ рекомендаціи принимаются въ службу, а въ которыхъ усмотрѣно будетъ анти-православное направленіе, тѣ высылаются за границу. Блюститель и учителя обязываются наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-нибудь распрѣй и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ. Иновѣрцы, принимающіе православную вѣру, записываются въ особыя книги, которыя должны храниться у ректора и учителей, послѣдніе должны наблюдать за образомъ ихъ мыслей и жизни; если они измѣнятъ православію, то ихъсылать въ Сибирь. Ректоръ и учителя должны наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ и чтобы неуучившіеся свободнымъ наукамъ не вступали въ союзы о вѣрѣ“.

О кострахъ, о сожженіи еретиковъ нѣтъ и помину. Высылка за границу иностранцевъ и сама по себѣ—не тяжелое наказаніе, а при данныхъ условіяхъ она—мѣра благодарумія и справедливости. Вѣдь иностранцевъ насильно не тпнули на службу къ русскому царю. Разъ они знали, что для поступленія на эту службу требуется принятіе православія, то, поступая на службу, они должны были свято исполнить это условіе. Въ противномъ случаѣ они оказывались обманщиками, и русскіе естественно могли въ такомъ обманѣ подозрѣвать скрытый замыселъ тайной пропаганды среди нихъ иновѣрнаго учоція.

Наблюденіе за тѣмъ, чтобы среди неученыхъ людей и въ простонародѣ не было ли состязаній о вѣрѣ, ни неприличныхъ толковъ о ней, есть мѣра непредосудительной охраны православія. Вышеприведенный случай состязанія сектанта съ православнымъ воказыруетъ, что даже и въ настоящее время для прекращенія соблазна отъ „непристойныхъ толковъ о вѣрѣ“ православный человѣкъ не найдетъ лучшаго средства, какъ пригласить жандарма. Конечно, тутъ нѣтъ никакого соответствія средства съ цѣлію; противъ духовной силы сила физическая оказывать существеннаго дѣйствія не можетъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сектанты при пропагандѣ своего ученія обыкно-

венно не разборчивы въ средствахъ. Они не стѣсняются дѣлать всякія послѣдовательныя господствующей вѣры, пусть это насиліе копитъ духовный характеръ. Правительство и охраняетъ невѣжественную чернь отъ называнія ей сектантскихъ ученій, отъ пропаганды ихъ, потому что она сама часто не въ силахъ охранить свою вѣру. А главное, ректору и учителямъ предоставлялось право наблюдать за тѣмъ, чтобы не было состязаній и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ, и, подразумевается, прекращать ихъ, а не усвоилось право наказывать виновныхъ.

Наконецъ, ссылка въ Сибирь хотя наказаніе тяжкое, но все-таки не то, что сожженіе на кострѣ. Притомъ, оно опредѣлялось ни иновѣрцамъ, ни сектантамъ, а иновѣрцамъ, принявшимъ православіе и потомъ измѣнившимъ ему, отступникамъ. Такіе люди нигдѣ и никогда не пользуются ни сочувствіемъ, ни довѣріемъ. Человѣкъ, по разъ мѣняющій свою вѣру, въ лучшемъ разѣ существо легкомысленное, пустое и ничтожное, въ худшемъ—негодяй и злодѣй, ради выгоды торгующій тѣмъ, что есть самаго заветнаго и священнаго въ человѣкѣ. Въ 17 жѣ в. наши предки на такихъ людяхъ иначе и не могли смотрѣть, какъ на тайныхъ пропагандистовъ иновѣрія, принявшихъ православіе для того, чтобы уснѣшнѣе и безопаснѣе для себя распространить свою (прежнюю) вѣру.

Нужно еще сказать, что уставъ академіи—не чисто туземнаго происхожденія. Составителемъ его считаютъ Симеона Полоцкого. А Симеонъ Полоцкій получилъ образованіе въ польскихъ школахъ, быть можетъ, даже въ иезуитской коллѣжій, былъ у насъ представителемъ латинскаго, западнаго образованія, держался многихъ католическихъ мнѣній, несогласныхъ съ православіемъ, и написанный имъ академическій уставъ есть сколокъ съ уставовъ католическихъ академій.

Этимъ, быть можетъ, отчасти объясняется то, что оны не получали полнаго примѣненія на практикѣ,—и не въ одной только учебной своей программѣ, а и по части охраненія вѣры и преслѣдованій за проступки противъ нея. Такъ, вскорѣ по основаніи Академіи возгорѣлся въ Москвѣ споръ о времени прѣсуществованія Св. Даровъ во время литургіи и настолько овладѣлъ умы, что объ этомъ тайн-

ствоицонъ, и возвышенномъ предметѣ вѣры рассуждали даже на рынкахъ, а между тѣмъ не слышно, чтобы кто-нибудь за это подвергся наказанію или зыскалію. Другой пражеръ. Ученикъ и наперсникъ Симеона Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ защищалъ католическое ученіе о времени пресуществленія даровъ въ Евхаристіи и держался и прочихъ католическихъ, несогласныхъ съ православіемъ, мнѣній своего учителя. Крокъ того, противъ него были вооружены ученые греки Іоаннѣиій и Софроній Лихуды, а они въ то время были учителями въ Академіи и заправителями богословскихъ споровъ въ Москвѣ, имѣли большую силу, какъ люди ученые и несомнѣнно православные, и успѣли вытѣснить латинское, западное направленіе. Однако, не смотря на силу враждебной Сильвестру партіи, не смотря на то, что католическое мнѣніе о времени пресуществленія даровъ было признано неправославнымъ и осуждено, Московскій соборъ не только не подвергъ Сильвестра уголовному наказанію, — о смертной казни и говорить нечего, — но даже не лишить его сана (оръ былъ много), а опредѣлилъ подвергнуть только церковному покаянію. Но такъ какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, въ виду этого опредѣленія, сознался въ неправотѣ своего мнѣнія, то и это опредѣленіе было отмѣнено. Правда, сочиненіе его — *Мана* было сожжено. Но вѣдь ~~какое~~ сочиненіе — далеко не то, что съжечь чело-
вѣка.

Выла-ли въ Россіи инквизиція въ 18 в.? На этотъ вопросъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (ноябрь 1891 г.) данъ отвѣтъ утвердительный. Но Н. Д. Барсовъ въ дѣльной, не смотря на краткость, статьѣ, помѣщенной въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (февраль 1892 г.), доказалъ, что въ русской церкви при Петрѣ I и при его преемникахъ инквизиція не было.

Позволимъ себѣ привести дѣя заключительныхъ страницъ его статьи, въ которыхъ выражена сущность ея.

„Послѣ краткаго обзора учрежденій временъ Петра I по дѣламъ раскола, говоритъ онъ, намъ теперь легко отвѣтить на поставленный въ началѣ вопросъ: имѣли-ли эти учрежденія характеръ инквизиціонный и можно-ли обвинять православную русскую церковь временъ Петра I въ томъ, будто она была причастна западному грѣху, инквизиціоннаго от-

258881

М. И. Г.
С. 10
С. 10

ношенія къ заблуждающимся въ вѣрїи. Очевидно, на эти вопросы не можетъ быть другаго отвѣта, какъ только отрицательный. Патріаршій духовный приказъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, раскольническая контора Святѣйшаго Синода, тѣлеская контора и самъ Синодъ имѣли предметомъ своей дѣятельности лишь „обращательныя“ дѣла, то-есть увѣщаніе раскольниковъ обратиться къ церкви, состязаніи съ ними, для которыхъ раскольники особыми, повсемѣстно распубликованными, указами приглашались являться въ Синодъ добровольно и „безоязненно“, изданіе сочиненій, опровергающихъ раскольническія заблужденія и т. п. Ни съскожь раскольниковъ незаконныхъ, ни тѣмъ болѣе судомъ надъ ними по „градскимъ“ законамъ „Коричей“ и „Уложеніи“ эти учрежденія не занимались, отиудь не усвоили себѣ правъ гражданскаго, тѣмъ болѣе уголовнаго суда, не назначали ни денежныхъ штрафовъ, ни какихъ-либо другихъ наказаній, кромѣ отлученія нераскаяшыхъ отъ церкви, лишь отчасти („приказъ церковныхъ дѣлъ“) совмѣщая въ своей дѣятельности, по требованію государства, функцію фискальную, то-есть, регистрацію раскольниковъ въ видѣ отиѣтокъ въ исповѣдныхъ росписахъ неисповѣдывавшихся, и обора, съ записью, поступавшихъ съ раскольниковъ двойнаго подушнаго платежа и штрафовъ. Ни самъ Синодъ, ни оставшіяся при немъ учрежденія, не имѣли по отношенію къ раскольникамъ права „розиска съ пристрастіемъ“ (каковой розискъ характеризовалъ бы эти учрежденія, какъ инквизиціонныя). О существованіи или „оказательствѣ“ раскольниковъ въ той или другой мѣстности Синодъ узнавалъ или отъ епархіальныхъ иеросвященныхъ, которые въ свою очередь руководились домошными приходскихъ священниковъ, или отъ государственныхъ учреждений, узнавалъ для того о прихожанахъ, не явившихся къ исповѣди или открыто отроковавшихся отъ Церкви и учившихъ противно ея ученію, чтобы принимать противъ раскола лишь свои „обращательныя“ мѣры, въ случай безуспѣшности которыхъ раскольники становились для Церкви „лю же измичникъ и мятарь“, и поступали по силѣ законовъ государственныхъ, въ заиѣдываніе государственныхъ учреждений, каковыми были: тайная канцелярія, канцелярія Плосцеева, отчасти Прображенская канцелярія, розискная раскольническихъ дѣлъ

канцелярія. Но и эти государственныя учрежденія въ царствованіе Петра I были учрежденіями отнюдь не инквизиціонными, а лишь фискальными, и существовали не для иныхъ какихъ-либо цѣлей, какъ только для цѣлей взиманія назначенныхъ государственною властію штрафовъ и двойныхъ подушныхъ окладовъ. Мѣры, практиковавшіяся этими учрежденіями для взиманія денегъ съ раскольниковъ, были обычныя въ то время, да и послѣ, полицейскія мѣры, какія употреблялись вообще для поспустительнаго взыскапія (Жопѣлова, Рожнова и др.), употреблявшіяся для этой цѣли, не могутъ быть приравняемы къ дѣяніямъ инквизиціоннымъ по той причинѣ, что это были мѣры по инквизиціи, а ревизіи, и употреблялись не какъ казнь за расколъ, а какъ принудительная мѣра для исполненія раскольниками наложенной на нихъ государствомъ гражданской обязанности. Былъ лишь одинъ родъ раскольническихъ дѣлъ, когда употреблялось въ дѣло пытка (въ Тайной канцеляріи и въ Проображенской канцеляріи) и даже смертная казнь: это когда приходилось власти имѣть дѣло не съ простымъ отступленіемъ отъ Церкви или раскольниковствомъ, а съ расколу-учительствомъ политическаго и противогосударственнаго характера, съ оскорбленіемъ величества и съ воззваніемъ, яко бы по имя вѣры, къ открытому бунту противъ верховной власти: таковы были дѣла Тазницлаго и Левина и многихъ другихъ, провозглашавшихъ императора Петра I антихристомъ. Но это были уже не дѣла по отступленію отъ Церкви, а преступленія политическія, которыя и судились обычнымъ уголовнымъ судомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ инквизиціей, которая всегда судила подобнымъ-же образомъ преступленія собственно противъ вѣры. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу замеченія автора упомянутой статьи ¹⁾ о томъ, будто „долго и послѣ Петра I все гражданское и церковное управленіе было проникнуто инквизиторскими настроеніемъ“. Достаточно припомнить личный составъ высшаго церковнаго и гражданскаго управленія въ Россіи при Екатеринѣ I, при Петрѣ II и при Аппѣ Ивановнѣ, для того, чтобы видѣть всю несообразность такого

¹⁾ Разумѣется статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

обмеленія. При Екатеринѣ I и при Петрѣ II Св. Синоду не разъ приходилось подавать имъ жалобы, въ видѣ доподданнѣйшихъ докладовъ, на то, что „церковное правительство въ уничтоженіи бытъ значитель“, отъ правительства гражданскаго верховнаго тайнаго совѣта, который перѣдко стѣснялъ Церковь въ самыхъ законныхъ ея требованіяхъ и нуждахъ, въ томъ числѣ и по дѣламъ „обращательнымъ“. Управлявшіе государствомъ иѣмцы, Остерманъ и Миллигъ, позже, при Анніѣ, Баронъ и Левенвольдъ, открыто покровительствовали протестантству въ ущербъ интересамъ церкви государственной. Исторія отъ „Камнямъ въры“ и страдальческая кончина архіепископа Феофилакта Лопатинскаго, котораго за православіе „били шабенами сдемъ рубаху“, два года, томилъ въ тяжкомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, пока не замучилъ до „полнаго изнуренія, достаточно показывающаго, на сколько „диклазиціонно“ равновадо въ интересахъ Церкви „православное“ гражданское правительство „времени преимикора Петра I“. Да и изцерковнымъ правителямъ вице-президентъ Синода Феофанъ Прокоповицъ, архіепископъ новгородскій, дружественно соединился съ расколъ-учителями, велъ переписку отъ знаменитымъ выговскимъ настоятелемъ Андреемъ Динисоникъ, котораго, по словамъ совершенно достовернаго свидѣтельства раскольниковъ, въ своихъ письмахъ „возлюбленнымъ о Христѣ братомъ ублажаше“...

... Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какое тогда было время. „Я теперь занимаюсь чтеніемъ разныхъ монографій временъ послѣ-петровскихъ, пишетъ профессоръ Накитенко въ своемъ дневникѣ. Что за ужасная картина деспотическаго произвола, казней, олигархическихъ козмовъ и интригъ, клеветитіа, застѣнковъ и т. п.“¹⁾ Но такая кровавая неурядица господствовала въ области гражданскаго правительствъ. Церковное-же правительство нисколько не заразилось духомъ дикости, интригъ, ни кроваваго преслѣдованія иновѣрцевъ и еретиковъ, ни вообще карательнаго къ нимъ отношенія. Тѣмъ болѣе чести ему, что оно въ эпоху государственной неурядицы и казней не было увлечено теченіемъ, а сохранило свойственный истинному

¹⁾ Русская Старина 1892 г. Январь, 155 стр.

христианству духъ любви, человечности и въротерпимости. Хотя русская церковь не имѣла силы удержать гражданское правительство отъ примѣненія застѣнковъ съ ужасными пытками, но хороши уже и то, что она сама въ лицѣ своихъ представителей и служителей не устранивала ихъ для наказанія, или вразумленія еретиковъ.

Замѣчательно, что въ Россіи и гражданское правитель-ство ввело пытки только съ того времени, какъ оно одѣ-лось „западническимъ“, т. е. съ Петра Великаго. При Іоаннѣ Грозномъ были казни, но пытокъ не было. А въ періодъ времени, соответствующій второй половинѣ сред-нихъ вѣковъ, т. е., во весь періодъ до-монгольскій и мон-гольскій, въ Россіи совсѣмъ не было ни пытокъ, ни каз-ней. Въ то время Россія была гуманнѣе Запада: религіоз-ный гонимый не было; инквизиція не знала, пытокъ и казней, какъ системы, не существовало.

Когда мы читали эти слова свои въ корректурѣ, случайно, изъ лекцій графа Камаровскаго: „Война или миръ“⁴⁹ и изъ рецензіи, помѣщенной въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, мы узнали о рѣчи профессора Загоскина, читанной имъ въ ноябрѣ прошлаго года на актѣ въ Казанскомъ Унверситетѣ. Въ этой рѣчи профессоръ доказываетъ, что смертная казнь въ древней Руси совсѣмъ не существовала, была введена подъ вліяніемъ византійскаго законодательства, кроткому духу русскаго народа никогда не была симпатична, и русское законодательство обнаруживало тенденцію къ от-казу этой безчеловѣчной и чуждой русскому духу кары. Мы вполне сочувствуемъ взгляду проф. Загоскина на не-благоволеніе русскаго народа и туземнаго русскаго законо-дательства къ смертной казни. Но полагаемъ, что вліяніе Византіи на введеніе и примѣненіе въ Россіи смертной казни было незначительно въ сравненіи съ вліяніемъ За-пада. Припомнимъ, когда у насъ было всего больше влія-ній: не въ эпоху-ли господства гнѣмовъ въ первой поло-винѣ XVIII в.? А застѣнки съ пытками были введены у насъ въ это время въ первый разъ. Разнообразныя и упои-сенныя пытки—это не русское и не византійское, а западно-европейское изобрѣтеніе.

Между тѣмъ какъ въ Россіи въ періодъ времени, соответ-ствующій среднимъ вѣкамъ на Западѣ, не было ни смертной

казни, ни, тѣмъ болѣе, пытокъ и инквизиціи, средневѣковой періодъ на Западѣ исторіи уже давно и почти единогласно признали временемъ варварства, грубости и невѣжества. Дѣйствительно, средніе вѣка, какъ въ гражданской, такъ и въ церковной жизни, представляютъ шагъ назадъ. Тогда приносившію безкровную жертву становились палачами, проливали человеческую кровь съ утонченными жестокостями и подвергали жесточайшимъ мукамъ не только—либо закоренѣлыхъ преступниковъ, а лишь еретиковъ и иновѣрцевъ—что можетъ быть ужаснѣе этого? Въ предыдущія времена, не только въ первые три вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, когда Церковь была гонима, но и во весь періодъ вселенскихъ соборовъ, ничего подобнаго не было. Тогда, напротивъ, страдали православные, частію отъ лзычниковъ, частію отъ еретиковъ. Не говоря о временахъ гоненій христіанъ со стороны языческихъ императоровъ Рима, припомнимъ эпоху аріанскую, или время иконоборческой смуты, когда столпы православія были не только свергаемы съ епископскихъ кафедръ и ссылаемы въ заточеніе, но и подвергались истязаніямъ. Правда, и въ средніе вѣка жилось отличалась церковностію, такъ что недавно папа Левъ XIII въ этомъ отношеніи отдавъ имъ рѣшительное предпочтеніе предъ нашими временемъ, но тогдашняя церковность имѣла важные недостатки. Богословіе сдѣлалось близкимъ отъ крайняго буквализма; отсутствіе истиннаго просвѣщенія обнаруживалось въ суевѣріяхъ и предрасудкахъ; изсякъ духъ христіанской онисходительности къ заблуждающимся к любви къ иновѣрцамъ; узкое доктринерство, огрубленіе нравовъ, постоянныя войны, благоприятствовали развитію религіознаго фанатизма. Все это въ средніе вѣка существовало на Западѣ и было возведено тамъ, такъ сказать, въ систему. Но въ Россіи эти уродства церковной жизни проявлялись sporadически и притомъ безъ вліянія со стороны Запада. И мы подвигались бы подъ рефератомъ г. Соловьева, если бы онъ болѣзни средневѣковаго міросозерданія приписывалъ исключительно Западу, а къ Россіи, общіе къ Востоку, гдѣ жизнь издавна сложилась и текла особо и не одинаково съ Западомъ, примѣнилъ бы особливую оцѣнку, которая соответствовала-бы дѣйствительности, а не произвольно взятымъ рамкамъ.

Въ ученіи о христіанской нравственности и гуманизмѣ не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ объ отношеніи личной нравственности къ общественной, который составляетъ только часть болѣе общаго вопроса объ отношеніи личности къ другимъ людямъ, къ обществу, народу и государству, къ цѣлому человѣчеству. Оба эти вопроса, и частный и общій, въ настоящее время привлекли къ себѣ вниманіе и разрабатываются мыслящими людьми. Можно замѣтить два главныхъ направленія мысли въ постановкѣ и рѣшеніи ихъ.

Съ одной стороны, подъ вліяніемъ дарвинизма и ученія о безусловной свободѣ, которую имѣетъ право пользоваться каждый человекъ, выдвинута мысль о жизни, какъ борьбѣ за существованіе, борьбѣ каждаго противъ воѣхъ и воѣхъ противъ каждаго, и борьба эта признана естественной, даже полезной, во всякомъ случаѣ неизбежной, при немъ вопросъ о безнравственности и безчеловѣчности такой борьбы въ расчетъ не принимается; конечно, въ этой борьбѣ слабые погибаютъ, подавляемые болѣе сильными и сокрушаемые самой природой, по тѣмъ лучше для рода, который этимъ способомъ совершенствуется, такъ какъ худшіе члены его погибаютъ, не оставивши потомства, т. е., такихъ же слабыхъ, какъ они сами, или оставляютъ потомство, скоро вымирающее, и на племѣ остаются сильные, красивые и болѣе совершенные во всѣхъ отношеніяхъ люди. Этотъ выводъ глубоко антипатиченъ съ нравственной и вообще человѣчной точки зрѣнія, отзывается каннибализмомъ, отдаетъ запахомъ крови, и потому дарвинисты не осмѣливаются даже высказывать его явно, но онъ неизбежно вытекаетъ изъ началъ эволюціонизма ¹⁾.

Параллельно, и, можетъ быть, какъ противовѣсъ этому безчеловѣчному взгляду на отношенія личности къ членамъ его рода, идетъ другое теченіе мысли, раскрываются противоположный взглядъ на эти отношенія. Люди вѣрующіе въ возвышенныя требованія религіи, а невѣрующіе гуманисты въ естественномъ родствѣ между людьми и въ нрав-

¹⁾ Къ какому кровавику результатамъ ведетъ послѣдствіемъ болѣе приложеніе дарвинистическаго начала борьбы за существованіе, это художественно изображено въ романѣ „Помѣ Вурже“.

ственной обязанности воспитывать и развивать привязанность къ нимъ находятъ твердое основаніе для положенія, что должно любить другъ друга. Въ свою очередь политико-эконома доказываютъ, что человѣкъ если и долженъ съ кѣмъ бороться, то только съ вышней природою, и такъ какъ эта борьба трудна, то люди должны дѣйствовать противъ нея оплѣченно, артелью, міромъ-соброромъ. Во взаимной любви и взаимопомощи между людьми первѣе видятъ необходимое условіе ихъ нравственнаго и умственнаго совершенствованія и вмѣстѣ залогъ вѣчнаго спасенія, вторично—основу ихъ человѣческаго достоинства и благородства, а все вообще—первѣйшій источникъ ихъ матеріальнаго благосостоянія, ихъ счастья, ихъ поступительнаго движенія. Вопреки дарвинистическому взгляду на жизнь, какъ борьбу за существованіе, наблюденія надъ жизнью натуральныхъ народовъ и надъ жизнью животныхъ указываютъ на существованіе взаимопомощи даже тамъ, гдѣ нравственные мотивы слабы или и совсѣмъ отсутствуютъ, и подтверждаютъ справедливость христіанскаго и гуманистическаго взгляда на взаимопомощь. Въ нѣдѣйшее время широкое знакомство съ низшими племенами показало преувеличенность старатаго взгляда на ихъ звѣрскіе нравы и обнаружало разпоротопнее примѣненіе у нихъ взаимопомощи ¹⁾. Даже и въ животномъ царствѣ борьба не на жизнь, а на смерть, убійственная борьба за существованіе ведется между различными родами и видами животныхъ; въ предѣлахъ же одного и того же вида она примѣняется только въ особыхъ случаяхъ, напр. при спариваніи, или голодѣ, и никогда не бываетъ истребительной, а нѣкоторыя животныя живутъ и дѣйствуютъ самой дружной артелью и оказываютъ другъ другу помощь и нѣжную заботливость.

Такъ разсуждаютъ ученые люди, а люди, дѣйствующіе до нѣчалу взаимной любви, самою жизнью своею показываютъ твердость и великую благотворность этого начала, самымъ дѣломъ влияют въго, какъ источникъ нравственнаго совершенства и матеріальнаго благосостоянія и личности, и ассоціацій людей, и цѣлыхъ государствъ.

¹⁾ См. напр. статью въ журналь *Revue scientifique*, помѣщенную въ переводѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1891 Ноябрь: „Взаимопомощь у диваровъ“.

Но замѣчательно, что современные гуманисты, повидимому, совершенно совпадая въ своемъ взглядѣ на взаимную помощь съ христіанскимъ ученіемъ о любви людей другъ къ другу, на самомъ дѣлѣ значительно расходятся съ нимъ. Замѣчательно еще и то, что этотъ взглядъ, будучи противоположенъ дарвинистическому ученію о борьбѣ за существованіе въ своемъ исходномъ пунктѣ, совпадаетъ съ нимъ въ конечной цѣли. Въ борьбѣ за существованіе цѣлью полагается благо и совершенствованіе рода и ради достиженія этой цѣли оправдывается и даже считается полезнымъ убійство слабыхъ членовъ рода, личность является средствомъ для лежащей внѣ ее цѣли и безусловно приносится въ жертву ей. Но и во взаимной помощи, о которой проповѣдуютъ теперешніе гуманисты, конечною цѣлію признается общее благо, а не личное, хотя, правда, при этомъ предполагается, что съ достиженіемъ общаго блага и посредствомъ служенія ему осуществляется и благо личности. Такимъ образомъ въ обоихъ взглядахъ конечною цѣлію жизни считается достиженіе общественнаго блага, и расходятся они только въ выборѣ средствъ для достиженія одной и той же цѣли: первый предлагаетъ взаимную борьбу, второй—взаимную помощь.

Въ конечныхъ цѣляхъ своихъ эти два противоположныхъ взгляда сходятся потому, что въ томъ и въ другомъ имѣется въ виду исключительно земная жизнь, блага только земной жизни. И въ этомъ лежитъ тайная причина, почему въ конечныхъ выводахъ обоихъ взглядовъ цѣна личности сводится на нѣтъ, она закладана въ жертву Молоху, которому не достанетъ жертвъ, сколько ихъ имъ приноси. Эти выводы тѣмъ болѣе неожиданны, что представителями того и другаго взгляда не перестаютъ расписываться за права личности. На самомъ дѣлѣ они неизбежно вытекаютъ изъ сущности обоихъ взглядовъ. Спрашивается, какую цѣну можетъ имѣть личность человѣка, если допускается только существованіе его на землѣ, которое продолжается 30—70 лѣтъ, и *при болѣе тѣмъ краткости 80 лѣтъ?* (Иса. 89, 10). Въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или *станемъ есть и пиить, ибо завтра умремъ* (1 Кор. 15, 32), или, при болѣе возвышенномъ, нежели эпикурейскій, взглядѣ на жизнь, будемъ жить для блага рода, всего человѣчества. Иной цѣли не придумаешь.

Эту иную, высшую, цѣль указываетъ христіанство въ своемъ ученіи о загробной вѣчной жизни, какъ каждаго человѣка, такъ и всего человѣчества. По христіанскому ученію, земная жизнь человѣка есть приготовленіе къ вѣчной жизни и должно быть цѣлью для этой послѣдней. При такомъ взглядѣ, достиженіе блага самоличнаго и блага общаго составляетъ, съ одной стороны, цѣль земной жизни, ибо къ самоличному благу мы стремимся по естественной склонности къ людямъ, сколько и не нравственному долгу; а съ другой, оно есть средство для иной, высшей цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы и намъ самимъ достигнуть высшихъ благовъ вѣчной жизни, и другимъ людямъ помочь достигнуть ихъ. При такомъ взглядѣ цѣль личности человѣка, какъ сотрудника цѣлаго человѣчества въ достиженіи послѣднихъ благовъ, и притомъ высшаго блага, остается, и въ то же время сама личность человѣка не приносится съ безжалостною жестокостію въ жертву благу рода, не терится безнадёжно, подобно каплѣ въ морѣ, а напротивъ, чрезъ служеніе общему благу еще болѣе возвышается и достигаетъ своихъ личныхъ благовъ, временныхъ и вѣчныхъ—первыхъ не всегда, вторыхъ неотвѣнно.

Мы не говоримъ уже о томъ, на сколько это ученіе утѣлительнѣе для сердца, нежели тѣ два взгляда, мрачныхъ и способныхъ вдвѣхъ толкнуть въ эпилурейство, а другихъ повергнуть въ безнадежную тоску и довести до самоубійства, но оно превосходитъ ихъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Съ философской точки зрѣнія оно шире ихъ, возвышеннѣе и болѣе соответствуетъ природѣ человѣческаго духа съ его способностями, потребностями и стремленіями. Тѣ два взгляда приравниваютъ человѣка къ животному, а на самомъ дѣлѣ по духу онъ не животное, и философія, за исключеніемъ матеріалистической, никогда не признавала его животнымъ, хотя бы и первозряднымъ. Нечего и говорить, на сколько христіанское ученіе превосходитъ оба взгляда въ нравственномъ отношеніи. Въ дарвинистическомъ взглядѣ для нравственнаго начала нѣтъ мѣста: жизнь человѣка—жизнь натуральная, и всѣ, даже звѣрскія ея пробыленія, оправдываются. Гуманистическій взглядъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше дарвинистическаго, но

и въ томъ любовь къ ближнимъ, взаимопомощь, служение общему благу, признаются добродѣтелями, жадательными и необходимыми только потому, что онѣ полезны и благородны. Слова: *саннасьма* въ гуманистическомъ дискурсѣ нѣтъ, а уже это одно показываетъ, какъ низкопробны и по мотивамъ, и по существу, и по цѣли проповѣдуемые ими добродѣтели, не исключая и столь высокой добродѣтели, какъ любовь къ ближнимъ и забота объ общемъ благѣ.

Остаемъ безъ разсмотрѣнья дарвинистическій взглядъ, который не имѣетъ близкаго отношенія къ нашему предмету, обратимся къ болѣе подробной оцѣнкѣ воззрѣння современныхъ гуманистовъ на любовь чловѣка къ ближнимъ, на отношеніе личности къ обществу.

Между тѣмъ какъ христіанство уравниваетъ отношеніе между личностію и обществомъ и въ заботахъ объ общемъ благѣ не жертвуетъ личностію, современный гуманизмъ во имя общаго блага отрицаетъ самоцѣль въ жизни личности. Онъ неприязненно относится къ индивидуализму. Это сказалося въ самомъ названіи, которымъ янгицисты гуманисты обозначали любовь чловѣка къ ближнимъ, или взаимопомощь: они назвали ее *альтруизмомъ*. Альтруизмъ—противоположность не только эгоизма, но и индивидуализма. Индивидуализмъ эгонистическій, въ которомъ г. Соловьевъ обвиняетъ средневѣковое міросозерцаніе, есть, конечно, зло, но приписывая его средневѣковому христіанству, онъ, кажется, спрять не на исторической точкѣ зрѣнія, какъ бы слѣдовало, а на точкѣ зрѣнія современнаго намъ альтруизма, по которой индивидуализмъ вообще есть зло.

Что же такое альтруизмъ?

Ученіе объ альтруизмѣ раскрыто позитивистами и пессимистами. Сущность этого ученія въ томъ, что индивидуальность — зло, что нужно жить и дѣйствовать для блага другихъ людей, для блага общества или рода, для блага всего чловѣчества, и что другихъ людей нужно любить больше себя самого. Жертвуя собою и вѣкъ своимъ для блага другихъ людей, чловѣкъ достигаетъ счастья; напротивъ, онъ не можетъ достигнуть счастья, когда стремится къ личному счастью, для него живеть и дѣйствовать. Страданія рода, другихъ людей суть наши страданія, и счастье ихъ есть наше счастье, и потому, стремясь ослабить стра-

данія рода и увеличить его благо, мы тѣмъ самымъ уменьшаемъ свои собственные страданія и увеличиваемъ свое личное счастье. Цѣнно, велико и живуче, или даже вѣчно только цѣлое человечество, весь родъ. Каждый же членъ рода, личность человѣка есть совершенное ничтожество, ничто злое и измѣнчивое, призракъ. Будучи результатомъ общества въ лицѣ предшествовавшихъ и современнаго ему поколѣній, человѣкъ имѣетъ цѣну только какъ членъ общества, долженъ жить только для общества, а не для себя. Чѣмъ меньше онъ будетъ помнить и заботиться о своемъ личномъ я, чѣмъ болѣе онъ, такъ сказать, сольется съ родомъ, тѣмъ лучше и для него и для рода. Жить не для себя, а для другихъ — это законъ жизни, дѣйствующій съ неуклонной силой. Какъ часть рода, человѣкъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, потому что онъ живетъ въ предшествовавшихъ ему поколѣнιάхъ, будетъ жить въ послѣдующихъ и неразрывно связанъ съ современнымъ ему поколѣнiемъ. Предпочтительной любви къ кому бы то ни было не должно быть. Люби всѣхъ другихъ больше, чѣмъ себя; живи не для себя, а для другихъ; никому не вреди; не претивься злу; всѣмъ, сколько можешь, помогай. Вотъ основныя положенія альтруизма.

Повидимому, альтруизмъ есть ученіе столь же возвышенное, какъ и христіанское ученіе о самоотверженіи и любви къ ближнимъ и тождественно съ нимъ. Оно, дѣйствительно, имѣетъ съ нимъ большое сходство, но въ то же время и существенное различіе.

Основа альтруизма мистическо-пантеистическая и натуралистическая. По ученію пантеистовъ, фермы, въ которыхъ проявляется жизнь или божественное бытіе, суть или выраженіе бытія, или проявленія абсолютной субстанции, вытекающія изъ нея и опыты съ нею сливающимся, — это волны на бездѣрной поверхности океана жизни. И человѣческая индивидуальность и жизнь что иное, какъ не волна, на мгновеніе всплывшая и моментально погружающаяся въ бездну безличнаго бытія? Сліяніе всѣхъ и всего въ одно — это основная черта пантеизма, и она же преобладаетъ въ альтруизмѣ.

Другая, чуждая христіанству, особенность альтруизма — это близкая связь его съ детерминизмомъ, съ отрицаніемъ

свободы воли. Гдѣ ни во что ставится индивидуальность, тамъ можетъ-ли имѣть силу личная свобода воли? Она ничто и совершенно подчинена или силѣ рода, или мировой волѣ, или мировому разуму, или всеобщей жизни, или всебожеству.

Отрицая индивидуальность, трудно не придти къ отрицанію бессмертія души.

По ученію христіанскому, человекъ долженъ отвергнуться себя ради Христа: по ученію альтруистовъ—самоотверженіе требуется ради другихъ людей, ради рода человѣческаго.

По христіанскому ученію, людей должно любить, какъ самого себя: по ученію альтруистовъ ихъ должно любить больше себя.

Можетъ показаться, что въ этомъ пунктѣ ученіе альтруистовъ возвышеннѣе даже Христова ученія. Но когда люди желаютъ быть святѣе самихъ святыхъ и стремятся поставить идеалы выше въ сравненіи съ заповѣдями Божиими, то тутъ что-нибудь да по такъ. Тутъ есть или лицемеріе, или ведомое и неразуміе, или незнаніе челоѣческой природы, или безмірное самоишініе и жестокость сердца, или мечтательность, или самообольщеніе, или коренная ложь цѣлаго міросозерцанія человекъ, или, наконецъ, цѣлостическое разстройство. Всякаго рода утопіи потому и пользуются сочувствіемъ, что онѣ имѣютъ видъ чего-то возвышеннаго и величественнаго. Это фейерверкъ, изумляющій яркостью, красотой и разнообразіемъ въ сочетаніи лучей и искръ, но не способный ни свѣтить, ни грѣть, и мгновенно потухающій. Утопіи хороши въ рѣчи оратора, въ словѣ писателя, но несостоятельность ихъ обнаруживается, какъ только начинаютъ осуществлять ихъ въ жизни; при столкновеніи съ живою дѣйствительностію онѣ лопаются, какъ мыльные пузыри.

Что альтруизмъ есть одна изъ утопій, которыми себя тѣшатъ праздные мечтатели, это несомнѣнно. Индивидуальность не есть порожденіе грѣха, потому что была раньше грѣха. Она — твореніе Божіе, скажетъ вѣрующій; она — произведеніе природы; скажетъ невѣрующій въ Бога натуралистъ. Въ дѣйствительности, она — и твореніе Божіе и произведеніе природы, она — законъ бытія. Можно сколько угодно разлагать о ничтожествѣ индивидуальности, о томъ, что она есть зло, можно даже питать замыслы,

какъ это дѣлають буддисты и пессимисты, объ окончательномъ уничтоженіи индивидуальнаго бытія: мировой законъ останется закономъ, никакого ущерба отъ нихъ развѣгольствій не потерпитъ, ни на одно мгновеніе не прекратитъ своего дѣйствія, подобно тому, какъ горный кражъ ни мало не сдвинется съ мѣста отъ усилій ничтожнаго червяка, который, для продолженія себя пути, вздумалъ бы его передвинуть. Но альтруисты, — разужбены крайнихъ изъ нихъ: буддистовъ и пессимистовъ, — оказываются изъ положенія, болѣе компрометъ и жалкомъ, нежели тотъ червякъ, потому что подхвѣдній, употребляя ухищленія противъ горы, дѣйствуетъ не противъ себя, а альтруисты, выступая въ походъ противъ индивидуальности, пруть противъ закона, который животь и дѣйствуютъ въ нихъ же самихъ, идутъ противъ самихъ себя. Но самому отрицать самого себя въ сущности нельзя. Мы полагаемъ, что крайній альтруизмъ самообманъ. Есть альтруисты на словахъ, альтруистовъ на дѣлѣ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они — исключеніе. Уже самымъ фактомъ провозглашенія своего ученія они не только утверждаютъ законъ бытія своей индивидуальности, но даже проявляютъ демонически-гордую самость, потому что они идутъ при этомъ противъ закона Божія, противъ закона природы, противъ общаго сознанія воіхъ людей, и выше всего этого хотять поставить знамя своего ученія. Высшая степень отрицанія своей индивидуальности есть самоубійство. Однако уже въ самой рѣшимости покончить съ собой и еще болѣе въ осуществленіи этой рѣшимости опять таки проявляется сила индивидуальности. Замѣчательно, что за исключеніемъ случаевъ помраченія разсудка отъ мозговыхъ страданій или отъ другихъ причинъ, кончаютъ жизнь самоубійствомъ или имѣють склонность къ этому именно природы эгоистичныя¹⁾; а это-то и показываетъ, что индивидуальность и эгоизмъ — предметы разлукные. Повидимому, самоубійца несколько не нарушаетъ закона Божія, ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, ~~и~~ ~~и~~ самого себя (Гал. 6, 14. Ср. Лев. 19, 18). Въ особенности это можно сказать о тѣхъ, которые, страдая тяжкимъ и немс-

¹⁾ Это мнѣніе высказано нѣмецкимъ психологомъ Карусомъ въ сочиненіи „Psyche“; опытъ подтверждаетъ его.

цѣлѣныи недугомъ, служить въ тягость себѣ и другимъ и никакой пользы ближнимъ принести не могутъ. Однако Церковь признаетъ самоубійство самымъ тяжкимъ, даже непрощительнымъ грѣхомъ. Почему? Думаемъ, не только потому, что оно обнаруживаетъ недостатокъ въ человѣчкѣ терпѣнія, надежды на Бога и преданности Его волѣ, но и выражаетъ самостное присвоеніе себѣ правъ, принадлежащихъ Богу, самостное возстаніе противъ воли Божіей и противъ установленнаго Богомъ порядка. Какойнибудь жукъ, у котораго безжалостные мальчишки оторвали ноги и крылья, всетаки копошится, употребляетъ послѣднія усилія, чтобы уйдти и сохранить свою жизнь. Только человѣкъ сознательно и намѣренно проворачиваетъ свою жизнь. Пусть причиною и отчасти оправданіемъ самоубійства бывають иногда невыносимыя страданія. Но за кого же нужно признать тѣхъ, которые, какъ буддисты, ради погружанія въ Nirvanu, ради слиянія съ міровою жизнью, ради прекращенія индивидуальнаго бытія, самоубійство возводятъ въ принципъ, въ добродѣтель, въ дѣло мудрости, въ величайшій подвигъ жизни, въ идеаль, въ законъ бытія, къ осуществленію котораго должны всѣ стремиться? Буддистскою фалатикою, купающеюся въ священныиъ, по ихъ вѣрованію, водахъ Ганга съ намѣранною цѣлю быть проглоточными аллигаторами, лучше-ли поступаютъ, чѣмъ сѣткозавѣтные семитическіе поклонники Молоха и другіе религіозные каннибалы, мняшіе угодить Богу тысячами человѣческихъ жертвъ? И тѣ и другіе—ровныиъ поклонники своей вѣры, но такая ревность—безуміе, потому что безразсудны самыя принципы ея. Такія жертвы не могутъ быть угодно Богу, потому что Богъ есть Богъ жизни, а не смерти, которая есть дѣло діавола; Онъ Богъ любви и мира, а не огня и меча.

Даже и бѣглый взглядъ на природу и человѣческую жизнь долженъ бы научить альтруистовъ не считать индивидуальности зломъ и не облизать ее съ эгоизмомъ. Какъ въ природной, такъ и въ человѣческой жизни совершенствованіе идетъ рука объ руку съ индивидуализаціей. Въ неорганической природѣ, въ металлахъ и минералахъ, можно сказать, нѣтъ индивидуальной жизни или роста: мало отличающагося другъ отъ друга, каждый изъ нихъ состоитъ изъ

тождественныхъ частей. Почти такое же безразличіе замѣчается и въ самыхъ низшихъ растительныхъ и животныхъ организмахъ; однако въ нихъ уже есть зачатки органовъ и нѣкоторое равнообразіе функций. Но чѣмъ дальше мы идемъ по ступенямъ растительнаго и особенно животнаго царства отъ низшихъ формъ къ высшимъ, тѣмъ сложнее становятся организмы, тѣмъ разнообразіе и многочисленнѣе формы ихъ, тѣмъ болѣе обособляются одни индивидуумы отъ другихъ, и въ каждомъ индивидуумѣ органы становятся болѣе совершенными, а жизнь дѣлается болѣе сложной и разнообразной въ проявленіяхъ, качественно болѣе совершенной. Чѣмъ менѣе совершенна тварь, тѣмъ болѣе сливается она съ общею жизнью природы; чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ болѣе обособляется отъ окружающей ее среды и жизни. Такое же соотвѣтствіе степеней совершенства съ степенями индивидуализаціи существуетъ и въ чловѣческомъ родѣ: въ его индивидуумахъ, въ его племенахъ, въ его историческомъ развитіи. Въ низшихъ племенахъ индивидуализація по значительна: дикари одного и того же племени во всемъ очень похожи другъ на друга. Чѣмъ талантаѣе, дѣятельнѣе и образованнѣе племя, тѣмъ больше индивидуумы его отличаются другъ отъ друга. Наконецъ, гении, великіе люди, избранныки Вождя, преобразователи историческихъ судебъ, могучіе двигатели просвѣщенія, всегда и неизбѣжно отличались рѣзко очерченной и далеко выдвигающейся изъ общаго уровня индивидуальностію. Гении всегда и безусловно самобытны. Они никому не подражаютъ, и ему никто не можетъ подражать. Рафаель въ своемъ творчествѣ не похожъ ни на одного другаго гениальнаго художника. Платонъ, Гомеръ, Софоклъ, Дантъ, Шекспиръ, Фидій, Бетховень, Моцартъ — всѣ они великіе гении, но у каждаго творчество самобытное, особое. Сколько бы ни прошло вѣковъ, сколько бы ни явилось новыхъ гениевъ, ни одинъ гении, ни изъ старыхъ, ни изъ новыхъ, не будетъ имѣть и не можетъ имѣть своего alter ego. Кажется, гении и всѣ вообще великіе люди должны бы быть самыми счастливыми людьми на свѣтѣ; на самомъ дѣлѣ ихъ жребій болѣею частію тяжкій: современники либо не понимаютъ и не цѣнятъ ихъ, либо осмѣиваютъ, ненавидятъ и гонятъ. Какъ это ни странно, но люди сильнаго ума, чистой нрав-

створности, съ возвышенными идеалами — часто бываютъ одиноки въ мірѣ, или даже становятся жертвой своего высокаго призванія. Нои остался одинокъ среди до-потопнаго человечества, и проповѣдь его не нашла ни отклика, ни сочувствія. Въ ветхомъ заветѣ живые пророки льстили народу и благодумствовали, не смотря на то, что вели его къ гибели; а объ истинныхъ пророкахъ одинъ изъ нихъ говорить: *Господи! пророковъ Твоихъ убилы...; остался я одинъ, и моеи души ищутъ* (Рим. 11, 3; 3 Цар. 19, 14). И тѣ семь тысячъ, не преклонившихъ своихъ колѣнъ предъ Вааломъ, могли-ли они и смѣли-ли заявить свое сочувствіе ревнителю Иеговы? Даже въ отношеніи къ ученію Иисуса Христа самые близкіе Его послѣдователи оказались *несмысленными и медлительными сердцами* (Лук. 24, 25); прочіе слушали Его съ недоумѣніемъ и отвѣтили клеветами и кровавой враждой. *Тѣ, которыя все міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли* (Евр. 11, 38). Безлюдныя, обитаемыя дикими звѣрями, пустыни были для нихъ гостепримнѣе, нежели многолюдные города. А отъ чего? Отъ того, что они своею жизнію, своимъ ученіемъ, своими идеалами, безгранично возвышались надъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ людей. Они говорили, дѣйствовали, жили совсѣмъ не такъ, какъ прочіе, какъ всѣ. Она не только не отвѣчала духу своего времени, не только не потворствовали укоренившимся предрасудкамъ, не только не поминали въ тонъ и строй жизни своихъ современниковъ, но прямо отрицали пошлость и зло установившагося, обычнаго строя жизни, требовали замѣнить старыя мѣха новыми и старое впно новымъ выномъ. И можетъ-ли быть иначе, когда они являются творцами, представителями и проводниками высшихъ, обновляющихъ и пересозидающихъ жизнь, идеаловъ? Въ томъ и выражается высочайшая степень ихъ индивидуальности и вмѣстѣ съ тѣмъ безграничное величіе, что они — не рабы ни духа времени, или народа, ни общепринятаго строя жизни, ни общественнаго мнѣнія, ни кумировъ толпы, а напротивъ, во имя высшихъ идеаловъ ищутъ могущественную силу духа идти наперекоръ жизни, чтобы обновить жизнь. Но такой протестъ оскорбителенъ для массъ, погруженной въ

тину обычной жизни. И от того въ удѣлъ праведниковъ, избранныхъ людей, часто достается тяжкій жребіе. Однако и въ самомъ страданіи своемъ они, какъ гиганты, далеко возвышаются надъ пошлымъ счастьемъ самодовольной ограниченности. Ни ихъ идеи, ни страдальческій подвигъ ихъ жизни, ни самая смерть не пропадаютъ безслѣдно; только сами они обыкновенно не доживаютъ до торжества своихъ идей. Прошло нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ Греки убѣдились, что Сократъ имѣлъ гениальный разумъ, признавши отечественныхъ народныхъ боговъ не богами, и безсѣрное нравственное мужество, объявивши о томъ своимъ согражданамъ, и что онъ былъ правъ и за правду принесть смерть мученика, а весь народъ и всѣ другіе языческіе народы находились въ ужасномъ заблужденіи.

Между тѣмъ какъ исполнимы имѣли, подвижники нравственнаго долга, провозвѣстники высокихъ истинъ, всегда стоятъ выше и часто вѣв и даже въ отчужденіи отъ современной имъ жизни, непонимаемы или даже гонимы современниками, наоборотъ, чѣмъ ниже умственно и нравственно человѣкъ, тѣмъ меньше чувствуетъ онъ разладъ между сознаниемъ и жизнью, между идеалами и действительностью, между требованиями совѣсти и осуществленіемъ ихъ. Рутинеры, ~~интеллигентные~~ и дурные люди, люди заурядные и пошлые, или эгоистически расчетливые, обыкновенно очень легко мирятся съ своею совѣстью и еще легче уживаются со всякой средой, отчасти потому, что это имъ/выгодно, отчасти потому, что по безличности и бездушію они и не могутъ не сливаться съ окружающей жизнью, отчасти, наконецъ, потому, что рутинность, пошлость, нравственная и умственная апатія и всякаго рода зло — широко распространенныя стихіи, а пропитанные этими стихіями вездѣ и всегда находятъ обширное содружество. Тина жизни часто затигиваетъ и поглощаетъ даже и тѣхъ чистыхъ и поглощенныхъ людей, которые сначала чуждятся ея, но, по слабости характера, не имѣютъ силъ стоять на первоначальной высотѣ и засасываются ею. Въ такихъ людяхъ особенно сильно обнаруживается безсиліе, какъ бы отсутствіе индивидуальности. Но безволіе и безличность ихъ, въ комъ не достигаютъ столь по истинѣ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ людяхъ, потрясенныхъ въ доронахъ и отдавшихся

своими страстями. Тут безсиліе индивидуальности доходить почти до той низкой степени, на которой стоятъ, животныя или люди, зажившіеся, а то и вовсе не имѣющіе разсудка. Они и въ самомъ дѣлѣ недалеко стоятъ отъ границъ кліотизма и безумія.

Съ понятіемъ объ индивидуальности и объ отношеніи ея къ егонизму и нравственности стоитъ въ связи вопросъ о сравнительной важности личной и общественной нравственности. Это—одинъ изъ вопросовъ, выдвинутыхъ въ настоящее время, и возникъ онъ, повидимому, по почину альтруистовъ. Въ послѣдніе годы онъ обсуждался историками, юристами, психологами. Мы коснемся этого вопроса только вскользь.

Подъ вліяніемъ альтруистическихъ идей въ настоящее время принято отдавать предпочтеніе общественной нравственности предъ личной. Мы признаемъ этотъ споръ неразрѣшимымъ. Можно безъ конца и съ одинаковою силой и убѣдительною доказывать превосходство то общественной нравственности предъ личной, то, наоборотъ, личной предъ общественной, приписывать преимущественное значеніе въ дѣлѣ поступательнаго движенія человѣчества то обществу, то личности, и никогда ни одна сторона не возьметъ рѣшительнаго и окончательнаго верха надъ другой. Это споръ пушекъ съ парусами на кораблѣ въ баснѣ дѣдушки Крылова.

Хорошіе законы, дѣлсообразныя государственныя и общественныя учрежденія, нравственная высота и матеріальное благоденствіе народа, благопріятныя международныя отношенія, установившіяся хорошія традиціи, строгость нравовъ, сила хорошо поставленнаго и направленнаго общественнаго мнѣнія, высокій подъемъ народнаго духа, природная даровитость племенн, честность печати, нормальное соотвѣтствіе между требованіями и правами правительства и общества съ одной стороны, личности—съ другой, хорошая постановка воспитанія, сила святости истинной религіи, исповѣдуемой народомъ, сплоченность и единство народа, — племенное, религіозное, достигнутое подвигомъ долгой исторической жизни; отсутствіе противоположныхъ крайностей—скопленія нескѣтныхъ богатствъ и безразсудной роскоши съ одной стороны, и погруженной въ развратъ и

тушевдой ннкетн съ другой, дѣйствующей историческій возрастъ народа, уже перожившаго младенческую неравнотность и внешнюю неустойчивость: бурность, но еще далекая отъ старческой драхдотн,—все этн и многн другн условнн, заключающнхся въ историческомъ, международномъ, племенномъ, государственномъ, общественномъ, духовномъ и материальномъ укладѣ народа, благоприятствуютъ высокому уровню нравственности личностей—членовъ этого народа. Напротивъ, большая или меньшая нахѣйскренность, или положительное отсутствне этихъ условнн, или многнхъ изъ нихъ, доставляютъ затрудненнн для нравственнаго развитнн индивидуумовъ, а противоположныи имъ условнн даже положительно развращаютъ ихъ.

Но, съ другой стороны, самое совершенство государственнаго строя, народнаго быта, общественныхъ учрежденнн и нравовъ, языка и литературы, всего духовнаго и материальнаго уклада жизни народа, достигается усилннми личностей, составляющихъ народъ. Въ особеннотн огромно и продолжнтельно влннне на жизнь народа, оказываемое гелннми и великнми характерамн. Великн религиозные реформаторн, гелнальные писатели, знаменнтые законодательн, великн завоевательн, мудрые цари и правнтели, славыи ученые и изобрѣтательн и другн великн люди своимн высокнми идеями и могучею дѣятельностню нногда сразу нвертываютъ русло жизни народа, образу дѣлаютъ его многоводнмъ, а во всякомъ разѣ оказываютъ на нее сильное и неотразнмое влннне. Жизнь народъ подготовляетъ и рождаетъ такихъ людей, а онн, въ свою очередь, обновляютъ, пересоздаютъ и движутъ впередъ жизнь народа. Но могутъ снла индивидуальной нравственности выступатъ не въ одннхъ только гелнальныхъ, а часто и въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. Такъ, часто среди глубоко развращеннаго общества, подобно райскимъ оазисамъ въ безплотной пустынѣ, являютъся и неутомно проходятъ свой тернмстый жизненнй путь идеально-чнстые, совершенно святые люди, и наоборотъ, въ самомъ просвѣщенномъ и стоящемъ на высотѣ нравственнаго развитнн народѣ не мало нравственнхъ изверговъ. Зло вызываетъ реакцню со оторожи добра, а добро вооружаетъ противъ себя снлу зла.—Но возвратнмся къ ахтрузнму.

Что альтруизмъ только по наружности, обманчиво—возвышенное учение, это обнаруживается изъ сродства его съ противохристіанскими учениями, даже съ учениями противорелигіозными, близкими къ безбожью. Уже одно это—дурная рекомендація.

Альтруизмъ былъ и въ древности. Буддизмъ, уча о непротивленіи злу, понимая любовь, какъ состраданіе, расширяя съ предѣлы на все живущее, признавая индивидуальное бытіе зломъ и несчастіемъ, поставляя идеаломъ человѣческой жизни погруженіе въ небытіе и покой, или сліяніе со всѣмъ бытіемъ чрезъ уничтоженіе своего личнаго существованія, можно сказать, весь состоитъ изъ альтруизма. Въ этомъ—одно изъ существенныхъ отличій буддистской морали отъ христіанскаго нравоученія.

Языческія религіи не располагають къ альтруизму; по собственное нѣкоторымъ языческимъ религіозно-философскимъ системамъ ученіе о душепереселеніи было своеобразнымъ альтруизмомъ, перенесеннымъ за предѣлы гроба. Изъ ученія о душепереселеніи возникъ въ язычествѣ обычай щадить нѣкоторыхъ животныхъ, ухаживать за ними и почитать ихъ.

Изъ ученій Востока альтруистическія понятія, невидимо, проникли и въ христіанство первыхъ вѣковъ, или, по крайней мѣрѣ, были извѣстны христіанамъ того времени. Любопытную замѣтку объ этомъ мы находимъ у Григорія Богослова. Въ своемъ знаменитомъ надгробномъ словѣ Василію Великому, описывая, какъ онъ былъ друженъ съ почившимъ святителемъ во дни юности, онъ говоритъ: „Хотя не заслуживають вѣротія утверждающіе, что все разлито во всехъ, однако же должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго“¹⁾. Такимъ образомъ не смотря даже на благоприятный для признанія альтруизма случай, Григорій Богословъ отвергаетъ его. И, дѣйствительно, какъ ни была искренна, постоянна, чиста, возвышенна и идеальна взаимная дружба Григорія Богослова съ Василіемъ Великимъ, какъ ни восторженно описаніе ея, однако Григорій Богословъ не говоритъ, чтобы онъ любилъ Василія Великаго больше себя, или чтобы Василій Великій

¹⁾ Творенія. Ч. 4-я, стр. 75. Изд. 1-е.

любилъ его больше себя. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что она оба соревновали другъ другу въ достиженіи добродѣтели и учености. Предметъ ихъ любви лежалъ не въ нихъ самихъ, а въ горнѣхъ, стремленіе къ которому и сдружало ихъ,—тѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Въ наше время проповѣдниками альтруизма являются позитивисты, начиная съ Огюста Конта, и въ особенности пессимисты—Шопенгауэръ и Гартманъ.

У насъ въ Россіи самый видный проповѣдникъ альтруизма графъ Л. Н. Толстой. Онъ заимствовалъ это ученіе у Шопенгауэра и Гартмана, а также и у позитивистовъ.

Въ настоящее время сочиненія пессимистовъ очень распространены, и идеи ихъ, ~~какъ~~ отвѣчающія духу времени, имѣютъ большое вліяніе на жизнь. Объ руку съ западнымъ философскимъ пессимизмомъ теперь вторгается въ жизнь христіанскихъ народовъ буддизмъ,—то настоящій азіатскій буддизмъ, то очищенный и преобразованный христіанами, членами Теософическаго Общества, и названный ими нобуддизмомъ. Поэтому настоящее время очень благоприятно для распространенія альтруизма.

Сродство альтруизма съ пантеизмомъ и съ языческимъ ученіемъ о душепереселеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ фальшь и эксцентричность этого ученія обнаруживается въ требованіи преувеличенной любви человѣка къ животнымъ. Буддисты не смѣютъ умерщвлять никакого живаго существа. По ученію новѣйшихъ пессимистовъ сущность человѣка и животныхъ одинакова, а потому и заботиться о животныхъ человѣкъ долженъ не меньше, нежели о людяхъ. Эта послѣдняя мысль высказана и графомъ Толстымъ; проскользнула она и въ тезисы г. Соловьева, та-къ какъ, по его мнѣнію, истинное христіанство перерождаетъ человѣческую и *природную* жизнь.

Не знаемъ въ точности, что г. Соловьевъ разувѣетъ подъ именемъ перерожденія природной жизни. Но какое-бы понятіе ни соединилось съ этимъ словомъ, едва-ли можно признать вѣрной мыслью, будто истинное христіанство перерождаетъ природную жизнь. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ это перерожденіе? и составляетъ-ли оно задачу христіанства? Иисусъ Христосъ и Апостолы требовали, чтобы люди пересоздавали свою жизнь, но никогда не говорили

не только объ обязательности, а хотя-бы даже о жадательности перерождения природной жизни христианами. Правда, по предсказанію пророка Исаи, и́когда *волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и шелекъ, и молодой левъ, и волкъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицей, и дытскыи ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волкъ, будетъ постъ солому. И младенецъ будетъ играть надъ корою аспида, и дитя протянетъ руку на гнѣздо змии* (11, 6—8). И по ученію апостола Павла, *самъ тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣннѣ въ свободу славы днѣтъ Божіихъ* (Римл. 8, 21). По, повидимому, эти предсказанія исполнятся послѣ втораго пришествія Иисуса Христа, когда будетъ нове небо и новая земля, *на которыхъ обитаетъ правда* (2 Петр. 3, 12), когда настанетъ ожидаемое тварію отировеніе сыновъ Божіихъ. И произойдетъ это силой всемогущества Божія, а не отъ дѣятельности людей. Сказано: *тварь освобождена будетъ*. Правда, человекъ, какъ сотворенный по образу Божію (Быт. 1, 27), получилъ отъ Бога власть надъ всѣми животными на землѣ (Быт. 1, 28), а силою благодати она достигаетъ въ немъ такой высоты, что человекъ не могутъ вредить ни ядовитыя змѣи, ни даже злые духи (Лук. 10, 19. 20), что и обнаруживалось въ чудотворцахъ и святыхъ подвижникахъ. Но пересоздать весь строй жизни животнаго царства человекъ не можетъ; власть его надъ животными и вообще надъ всей природой имѣетъ свои предѣлы и довольно незначительна. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что человекство, если бы оно обладало большей силой духа и святостию, приручло бы львовъ, тигровъ, змѣй и другихъ кровожадныхъ животныхъ и могло бы ихъ постепенно преобразовать въ животныхъ травоядныхъ, подобно тому, какъ оно приручло и преобразовало нравы и жизнь собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ. Вѣдь и теперь есть укрощенные и прирученные львы и медвѣди. Но мы не можемъ представить даже возможности того, какими-бы опособами человекъ могъ акулъ, щукъ, сомовъ и безчисленное множество другихъ водныхъ хищниковъ одѣлать не хищниками, или какими-бы образомъ онъ могъ

воспрепятствовать жукамъ, паукамъ, куравьямъ и другимъ насекомымъ пожирать мошекъ; пожирать другъ друга.

Нѣкоторые факты показываютъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей на землѣ едва-ли даже желательнѣе всеобщее, такъ сказать, замиреніе въ животномъ царствѣ. Безъ сомнѣнія, ни намъ, ни всякому вообще человеку не можетъ быть симпатично зрѣлище убійственной войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но при настоящемъ состояніи жизни на землѣ оно, повидимому, въ животномъ царствѣ есть неизбѣжное и непреодолимое зло, которымъ, однако, достигается благо. Поддерживается самая жизнь на землѣ, существованіе устойчиваго строя. Предполагаютъ, что если-бы рыбью икру не клевали птицы, не ѣлъ человекъ, не пожирали животныя, равныя образомъ, если-бы рыбой не кормился человекъ и не питались ею ни рыбы, ни птицы, ни звѣри, то по истеченіи нѣкотораго времени рыбы разножились-бы въ такомъ беззвѣрномъ количествѣ, что океаны выступили бы изъ береговъ и залили бы всю землю. Собирая то, что каждая рыба-самка ежегодно бросаетъ тысячи, даже сотни тысячъ рыбьихъ зародышей (икры), что изъ нихъ выводится только ничтожно малая доля, что беззвѣрное количество икры и рыба поглощаетъ отъ безчисленныхъ хищниковъ, что каждый уничтоженный зародышъ и каждая погибшая рыба произвели бы въ нѣскольке дѣтъ безчисленное потомство, если бы остались цѣлы, припоминая законъ геометрической прогрессіи, по которому единица уже чрезъ нѣсколько рядовъ даетъ милліоны, мы можемъ признать это предположеніе вѣроятнымъ. И какъ рыба переполнила бы океаны воды; такъ саранча, тля, мошки и вообще всякаго рода насекомыхъ, если-бы они не имѣли враговъ, переполнили бы воздушный океанъ, пожрали-бы всю растительность, и отъ голода погибли-бы всѣ животныя и люди; насекомыя распложаются еще быстрѣе рыбъ, потому что, между тѣмъ какъ рыбы въ теченіи года дѣлаютъ только одинъ выводокъ, насекомыя производятъ нѣсколько поколѣній, которые въ свою очередь тотчасъ же распложаются (за исключеніемъ проходящихъ метаморфозы). Даже небольшія, вполнѣ частныя, нарушенія экономіи природы ведутъ къ разстройству. Кролики въ старомъ свѣтѣ самая безпредная животныя. Напротивъ, въ Австраліи, будучи завезены туда европейцами, — конечно,

подавцо, и въ количествѣ самомъ незначительномъ, — размножились до такой степени, что сдѣлались самымъ вреднымъ для насажденій человека животнымъ, и всѣ усилія жителей уничтожить ихъ или даже только приостановить ихъ размноженіе, а равно, и предохранить поля и сады отъ ихъ хищничества, почти вовсе не достигаютъ цѣли. Такое различіе размноженія ихъ въ Старомъ Свѣтѣ и, въ Австраліи объясняется тѣмъ, что въ Старомъ Свѣтѣ у нихъ много естественныхъ враговъ, а въ Австраліи они имѣютъ только одного врага въ лицѣ человека. Въ Америкѣ прежде, воробьевъ не было, а теперь отъ нѣсколькихъ шаръ, привезенныхъ европейцами, меньше, чѣмъ въ столѣтіе, воробья въ Североамериканскихъ Штатахъ размножились такъ, что наносятъ огромный вредъ полямъ и плантаціямъ. Причина излишняго размноженія опять та же: отсутствіе естественныхъ враговъ, такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ ни коршунговъ, ни другихъ хищныхъ птицъ, которыя охотились бы за воробьями.

Повторяемъ опять, что убійственная война, которая идетъ во всемъ животномъ царствѣ на землѣ, начиная съ высшихъ ступеней ея и кончая низшими, представляетъ ~~такого~~ зрѣлище для человека, но при существующемъ строѣ жизни она есть роковая необходимость, есть своего рода законъ, которымъ поддерживается самая жизнь на землѣ, она — безпорядокъ, которымъ, однако, достигается высшій порядокъ, незамѣтная, на первый взглядъ, высшія цѣли, такъ что и этотъ безпорядокъ не можетъ давать повода человеку упрекать Творца въ недостаткѣ благодати или мудрости по отношенію къ твари.

Въ частности и человеку Богъ не воспретилъ вкушать мясо животныхъ, а слѣдовательно и убивать ихъ. *Все движущееся, что живетъ, будетъ вамъ съ ницу* (Быт. 9, 3).

Какъ ветхозавѣтнымъ, такъ и новозавѣтнымъ закономъ воспрещается только вкушать идолежертвенное мясо, крокъ и мясо удавленныхъ животныхъ (Быт. 9, 4. 5; Лев. 17, 10—15; Дѣян. 15, 20. 29). Моисеевъ законъ, кромѣ того, воспрещалъ вкушать мясо нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ, признаваемыхъ нечистыми (Лев. 11 гл.). Но позволяя убивать животныхъ для того, чтобы питаться ихъ мясомъ, Св. Писаніе воспрещаетъ мучить ихъ. *Не сари коз-*

денка съ молокомъ матери съ (Второз. 14, 21). Не прощай убивать животныхъ для употребленія ихъ въ пищу, Отверженіе дама и въ этомъ обнаруживаетъ свою истинность, соотвѣтствіе съ существующими законами природы и превосходство предъ сантиментальнымъ ученіемъ буддистовъ о томъ, что человѣкъ не долженъ убивать никакого живаго существа. Возмашенное по существу своему, это ученіе непримѣнимо къ существующему на землѣ строю жизни, а потому и не можетъ быть признано здравымъ и истиннымъ.

Отрицательный взглядъ г. Соловьева на достоинство Церкви по есть что-либо оригинальное, а заимствованъ имъ изъ сочиненія графа Д. Н. Толстого: „Въ чемъ мой вѣра?“. Изъ того же сочиненія заимствованы и нѣкоторыя другія мысли реферата.

Приведемъ нѣкоторыя относящіяся сюда выдержки изъ втораго изданія этого сочиненія, вышедшаго въ 1888 г., и сдѣлаемъ оцѣнку гуманистическихъ взглядовъ, проведенныхъ въ этомъ сочиненіи.

Въ христіанствѣ „разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни (т. е. между этической и метафизической стороною христіанства), говоритъ графъ Толстой, совершился окончательно во время Константина, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ. Со времени Константина... начинаются соборы и центръ тяжести христіанства переносится на одну метафизическую сторону ученія. И это метафизическое ученіе, съ сопутствующими ему обрядами, все болѣе и болѣе отклоняется отъ основнаго смысла своего, доходить до того, до чего оно дошло теперь: до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму человѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослуженію, но не даетъ *никакого* религіознаго ученія о жизни земной“. „Со времени Константина христіанская церковь признала и освятила все то, что было въ языческомъ мірѣ:

она признала и освятила и разводъ, и рабство, и суды, и всѣхъ влестивъ, которыми были, и войны, и казни. (Филонъ II). Соловьевъ также признаетъ, что истинное и кровное дѣло было только тогда, когда оно было не предопредѣленнымъ, въ тоннажъ религіи, т. е. въ до Константина Великаго, и христианство послѣдующихъ времени, а не считаетъ и пропущеными языческими элементами. «И мысль: Того, кто преобладаніи въ ученіи Церкви, со временемъ предвѣдѣнныхъ оборотовъ, метафизической стороны предвѣдѣнной отразилась у г. Соловьева въ порицаніи христианства и одно-сторонній догматизмъ.

На самомъ же дѣлѣ Церковь никогда не освящала ни развода, ни рабства, ни казней, а только допускала по необходимости въ некоторыхъ случаяхъ эти и другія неурядицы челоуѣческаго общества. Церковь, относительна сходятельно къ некоторымъ проявленіямъ явленіи челоуѣческаго несовершенство, слѣдовала прихвру Иисуса Христа, Который вопреки жестокому ригоризму фарисеевъ, создавшихъ учениковъ Его за то, что она утоляла свой тоходъ въ дуботу, срывая колосья, привелъ слова пророка (Ос. 6, 16): *жмлости хочу, а не жертвы* (Мт. 12, 7). Церковь помнила также, что Иисусъ Христосъ не осудилъ Моисея за то, что онъ дозволилъ разводъ, хотя Самъ Иисусъ Христосъ призналъ разводъ противнымъ первоначальному установленію Бжюю е бракъ, — не осудилъ потому, что истинной виной отступленія отъ первобытнаго закона Божія и закона природы е бракъ, былъ не законодатель и не ваковъ егд; а жестокосердіе людей. *Моисей по жестокосердію ошнему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, вначале не было такъ* (Мт. 19, 8). Постановляя правила, Церковь всегда держалась того духа благоразумія, который ею было выказанъ въ одномъ изъ ея правяль: *да не оставимъ, гласитъ третье правило шестаго всаменскаго собора, ни кротости слабую, ни строгости жестокую.* Относительно преобладанія въ ученіи Церкви метафизической стороны предвѣ правственной, какъ выражается графъ Толстой, или относительно узкаго и односроннаго догматизма, принятая терминологию г. Соловьева, должно ссва-

суться, что Церковь встала, — и для периодъ вселенскихъ соборовъ, и раньше ихъ, и послѣ нихъ, — представляла догматы, выше всего и изъясненіе ихъ, а равно и диспроверженіе неправильныхъ мнѣній о предюгахъ, вѣры признавала порочѣншею и важнѣйшею своею обязанностію. Но это такъ и должно быть. Не могла же Церковь забыть слово Божественнаго Учителя: *Ся есть жизнь вѣчная, да знаешь Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа* (Іоан. 17, 3).

Но издѣлши и утверждая догматы, Церковь отнюдь не забывала этической стороны Христова ученія, никогда не извращала ученія Христа о правдолюбности, и, безъ крайней нужды, безъ уважительныхъ причинъ, никогда не ослабляла смѣлы и строгости заповѣдей Божіихъ. Но крайней дѣль это должно сказать о Церкви въ периодъ вселенскихъ соборовъ. Графъ Толстой, изучивши Евангелія, повидимому, никогда не читалъ, и едва-ли даже видѣлъ „книгу правилъ святыхъ Апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ, и помѣстныхъ, и святыхъ Отецъ“. Судить объ ученіи и дѣятельности Церкви, не читавши этой книги, это все то же, что рассуждать объ ученіи и жизни Христа, не видавши Евангелій.

Что же содержится въ „Книгѣ Правилъ“, выражающей духъ и результаты дѣятельности древне-вселенской, не раздѣленной епсе Церкви? Въ книгѣ Правилъ на первомъ мѣстѣ поставлены символы и прочія догматическія вѣроопредѣленія соборовъ; однако по объѣму они занимаютъ весьма небольшую часть книги. Почти все она наполнена правилами; изданными или вселенскою Церковію, или хотя и помѣстными Церквами и даже частными лицами, но принятыми въ руководство вселенскою Церковію. Правда, большая часть правилъ имѣютъ характеръ обрядовой, административный и судебный, излагая права и обязанности клириковъ, или относясь къ Богослуженію, т. е. это все такіе правила, которые въ глазахъ графа Толстого никакой важности не имѣютъ и даже могутъ ему подать поводъ обвинять Церковь за то, что она, поставшая многочисленныя правила, изъ которыхъ, каждое въ частности не имѣетъ большого значенія, потеряла изъ виду основныя нравственныя заповѣди Христа, которыхъ графъ Толстой

посчитывать всего-то пять¹⁾; но по сдѣдуетъ уискуать изъ вѣду, что богослуженію есть столь-же важная и неотъемлемая принадлежность всякой религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжная потребность духа, какъ и догматическое ученіе и нравоученіе. Если графъ Толстой признаеть религію состоящей только изъ метафизики и морали, то это свѣдѣтельствуеть только о неправильности его взгляда на сущность религіи. Всѣ религіи всегда и вездѣ имѣли культъ, и исторія буддизма показываетъ, что религіи не могутъ обойтись безъ него. И какъ бы прекрадалъ ни доказывалъ графъ Толстой, что для жизни нужны только пять нравственныхъ заповѣдей изъ нагорной проповѣди Христа, люди, къ какой-бы религіи они ни принадлежали, никогда не откажутся ни отъ догматовъ, ни отъ культа; и это по той простой причинѣ, что всѣ люди, хрежъ воли, имѣють умъ и сердце, и не могутъ не имѣть ихъ, пока остаются людьми. А разъ христіанство, какъ и всякая иная религія, имѣеть богослуженіе, послѣднее не можетъ не быть общественнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ нравоученіи своемъ христіанство призываетъ людей къ миру, общенію, братству и взаимной любви. А общественное богослуженіе, чтобы оно было совершенно достойно своей важности, должно быть устроено и подчинено извѣстнымъ правиламъ. И такъ какъ христіанское богослуженіе устроилось именно въ первые вѣка и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, то поэтому тогда и издано было Церковью много правилъ касательно богослуженія и совершаемыхъ его. Впрочемъ и въ административныхъ своихъ правилахъ Церковь устанавливаель не юридическія только формы: вездѣ въ этихъ правилахъ, явно или молчаливо, основой, мотивомъ служить забота Церкви о нравственной чистотѣ тѣхъ, которыхъ правила касались,—забота о томъ, чтобы не возникло соблазновъ, не было поводовъ къ нарушенію мира и т. под.

Другая же, значительная часть правилъ—прямо нравственные предписанія. И они ясно показываютъ, какой нравственной чистоты и чистоты требовала Церковь отъ христіанъ, требовала непорочности не только въ дѣлахъ,

¹⁾ Въ чемъ можъ вѣра? Стр. 87—98; 211 и др.

идеи въ мысляхъ и побужденіяхъ. Изъ нихъ видно, что она нисколько не послабляла строгости нравственныхъ правилъ евангельскаго ученія, что она не только не пренебрегала дѣломъ правоученія, какъ-бы велящимъ, но, напротивъ, истинно преподавала и разъяснила его и требовала строгаго исполненія нравственныхъ правилъ, а за отступленіе отъ нихъ налагала эпитиміи. Такихъ правилъ не десятки, а сотни и потому привести хотя-бы важнѣйшія изъ нихъ нѣтъ возможности. Всякій можетъ прочитать ихъ въ „Книгѣ Правилъ“.

Въ виду этого есть-ли хотя малая доля правды въ словахъ графа: „Христіанская Церковь со временъ Константина не потребовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не завила никакихъ требованій воздержанія отъ чего-бы то ни было... Она требовала, при крещеніи, только словеснаго, и то только сначала, отреченія отъ зла; но потомъ, при крещеніи младенцевъ, перестали требовать даже и этого. Вместо того, чтобы руководить міромъ въ его жизни, Церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекало никакихъ требованій для жизни, такъ что оно не имѣло людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь тутъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя Церкви, какъ она умѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою, во всемъ противную умейю Христа, жизнь, а Церковь придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, а Церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа“¹⁾.

Тутъ что ни слово, то или передержка, или безцеремонная клевета, или же совершенное познаніе предмета рѣчи. Слѣшкомъ уже поздно графъ влезаетъ за изученію богословія; и какъ онъ ни талантливъ, а все-таки и на немъ оправдываются слова басни Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ.

¹⁾ Тамъ же, Стр. 194—195.

Въ особенности любонятка выдумки графа, будто Церковь съ какого-то времени перестала требовать луга крещеніи младенцовъ отреченія отъ зла. Эта выдумка, похожа на сонную грезу, потому что, въ действительности, нѣтъ ничего даже и похожаго на это странное мышленіе.

Совпадая съ графомъ Толстымъ въ мнѣніи объ упадкѣ жизни и ученія Церкви, о мнимомъ превращеніи христіанства въ лже-христіанство, въ полудуизчество, въ Соловьевъ сходятся съ нимъ и въ высокомъ мнѣніи о нравственныхъ принципахъ и жизни повѣрующахъ гуманистовъ, а съ другой стороны, въ мнѣніи о недостаткѣ вліянія Церкви на общество. Вотъ что говоритъ объ этомъ графъ вслѣдъ за вышеприведенными словами объ обмирщеніи Церкви.

„Пришло время, и свѣтъ истиннаго ученія Христа, которое было въ Евангеліяхъ, не смотря на то, что Церковь, чувствуя свою неправду, старалась скрывать его (запрещая переводы Библіи),—пришло время, и свѣтъ этотъ черезъ такъ называемыхъ сектантовъ, даже черезъ волюнтаристовъ міра, проникъ въ народъ, и невѣрность ученія Церкви стала очевидна людямъ, и они стали избѣгать свою прежнюю, оправданную Церковью, жизнь на основаніи этого, помини Церкви дошедшаго до нихъ, ученія Христа... Ученіе о жизни людей эмансипировалось отъ Церкви и установилось независимо отъ нея... И у Церкамъ нисколько не осталось, кромѣ храмовъ, иконъ, парии и словъ... У Церкви не осталось никакого ученія о жизни.

„Церковь пронесла свѣтъ христіанскаго ученія о жизни черезъ 18 вѣковъ и, желая скрыть его въ своихъ одеждахъ, сама сожглась на этомъ свѣтѣ. Міръ съ своимъ устройствомъ, освещеннымъ Церковью, отбросилъ Церковь во имя тѣхъ самыхъ основъ христіанства, которые нехоти пронесла Церковь, и живетъ безъ нея. Фактъ этотъ совершился, и скрывать его уже невозможно. Все, что точно животно, а не умно злобится, не живя, а только мѣшая жить другимъ, все живое въ нашемъ европейскомъ мірѣ отпало отъ Церкви и вслѣдъ церквей и животно своею жизнью, независимо отъ Церкви. И пусть не говорятъ, что это такъ въ гнилой западной Европѣ: наша Россія съ своими милліонами рационалистовъ-христіанъ, образованныхъ

и необразованныхъ, отбросившихъ церковное ученіе, бесспорно доказываетъ, что она, въ смыслѣ отпаденія отъ Церкви, слава Богу, гораздо глубже западной Европы.

„Все живое независимо отъ Церкви.

„Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, но только не на Церкви.

„Войны, отношенія государствъ, устанавливаются на принципѣ народности, равновѣсія, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ.

„Государственными учрежденіями прямо игнорируютъ Церковь: мысль о томъ, чтобы Церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна.

„Наука не только не содѣйствуетъ ученію Церкви, но нечаянно, невольно въ своемъ развитіи враждебна Церкви.

„Искусство, прежде служившее одной Церкви, теперь все ушло изъ нея.

„Мало того, что жизнь вся эмансипировалась отъ Церкви: жизнь эта не имѣетъ другаго отношенія къ Церкви, кромѣ презрѣнія, пока Церковь не влѣзаетъ въ дѣла жизни, и ничего, кромѣ ненависти, какъ только Церковь пытается напомнить ей свои прежнія права. Если еще существуетъ та форма, которую мы называемъ Церковью, то только потому, что люди боятся разбить сосудъ, въ которомъ было когда-то драгоценное содержимое; только этимъ можно объяснить существованіе въ нашъ вѣкъ католичество, православія и разныхъ протестантскихъ церквей.

„Все то, чѣмъ истинно живетъ теперь міръ: социализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода и равенство людей, и сословій, и женщинъ, все нравственныя понятія людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, все, что вращается міромъ и представляется Церкви враждебнымъ, все это части того-же ученія, которое, сама того не зная, принесла съ собою ея ученіемъ Христу та-же Церковь.

„Въ наше время жизнь міра идетъ своимъ ходомъ, совершенно независимо отъ ученія Церкви. Ученіе это осталось такъ далеко позади, что люди міра не слышатъ уже голосовъ учителей Церкви. Да и слушать нечего, потому что Церковь только даетъ объясненія того устройства жиз-

ни, изъ котораго уже выросъ міръ и котораго или уже вовсе нѣтъ, или которое неудержимо разрушается...

„Остановить это движеніе нѣтъ никакой возможности. Всѣ люди неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди, и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые. Передовые-же стоятъ надъ пропастью. Передовые находятся въ ужасномъ положеніи: они дѣлаютъ жизнь для себя, готовятъ жизнь для всѣхъ тѣхъ, которые идутъ за ними, и находятся въ совершенномъ невѣдѣніи того, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Ни одинъ цивилизованный передовой человѣкъ теперь не въ состояніи дать отвѣтъ на прямой вопросъ: зачѣмъ ты являешь тою жизнью, которою ты живешь? Зачѣмъ дѣлаешь все то, что ты дѣлаешь? Я пробовалъ спрашивать объ этомъ и спрашивалъ у сотенъ людей и никогда не получалъ прямого отвѣта... На мѣсто личнаго вопроса подставляютъ общій; и подставляютъ его и вѣрующій, и философъ, и средній человѣкъ потому, что у него нѣтъ никакого отвѣта на личный вопросъ жизни, потому что у него нѣтъ никакого настоящаго ученія о жизни. И ему совѣстно. Онъ чувствуетъ себя въ униженномъ положеніи человѣка, номѣющаго никакого ученія о жизни, тогда какъ человѣкъ никогда не жилъ и не можетъ жить безъ ученія о жизни. Только въ нашемъ христіанскомъ мірѣ на мѣсто ученія о жизни и объясненія, почему жизнь должна быть такая, а не иная, т. е., на мѣсто религіи, подставлялось одно объясненіе того, почему жизнь должна быть такою, какою она была когда-то прежде, а религіей стало называться то, что никому ни на что не нужно; а сама жизнь стала ~~независима~~ отъ всякаго ученія, т. е., безъ всякаго опредѣленія...

„Отсюда произошло то удивительное явленіе, что въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь. Имъ не приходитъ въ голову, что имъ надо же жить какъ-нибудь и что они живутъ же какъ-нибудь, и что именно то, на основаніи чего они живутъ такъ, а не иначе, и есть ихъ религія. Люди эти воображаютъ, что у нихъ есть очень возвышенныя убѣжденія и нѣтъ ника-

кой вѣры. Но каковы-бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если только они совершаютъ какіе нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрою. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо дѣлать всегда только то, что велитъ. Религія людей, не признающихъ религіи, есть религія покорности всему тому, что дѣлаетъ сильное большинство, т. е., короче, религія повиновенія существующей власти...

Тщѣтно искалъ я въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ какихъ-нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни. Ихъ нѣтъ. Нѣтъ даже сознанія, что онѣ нужны. Есть даже странное убѣжденіе, что онѣ не нужны, что религія есть только извѣстные слова о будущей жизни, о Богѣ, извѣстные обряды, очень полезныя для спасенія души по мнѣнію однихъ и ни на что ненужныя по мнѣнію другихъ, а что жизнь идетъ сама собою и что для нея не нужно никакихъ основъ и правилъ; нужно только дѣлать то, что велитъ. Изъ того, что составляетъ сущность вѣры, т. е., ученія о жизни и объясненія смысла ея,—первое считается не важнымъ и не принадлежащимъ къ вѣрѣ, а второе, т. е., объясненіе когда то бывшей жизни, или разсужденія и гаданія объ историческомъ ходѣ жизни, считается самымъ важнымъ и серьезнымъ.

Раздвоеніе между объясненіемъ вѣры, которое названо вѣрою, и какою вѣрою, которая ~~важна~~ общественной, государственной жизни, дошло теперь до послѣдней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни съ одной вѣрою въ городского к урядника.

„Положеніе это было-бы ужасно, если бы оно вполнѣ было таково. Но, къ счастью, въ наше время есть люди, лучшіе люди нашего времени, которые не довольствуются такою вѣрою и нѣмрутъ свою вѣру въ то, какъ должны жить люди.

Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, невѣрующими людьми, а между тѣмъ это единственные вѣрующіе люди нашего времени, и не только вѣрующіе вообще, но вѣрующіе именно въ ученіе Христа,—если не во все ученіе, то хотя въ малую часть его.

„Люди эти часто вовсе не знаютъ ученія Христа, не по-

нимаютъ его, часто не принимаютъ; такъ же; какъ и враги ихъ, главной основы Христовой вѣры—непротивленія злу, часто даже ненавидятъ Христа; но все ихъ вѣра въ то, какова должна быть жизнь, почерпнута изъ ученія Христа. Какъ-бы ни гнали этихъ людей, какъ бы ни клеветали на нихъ, но это единственные люди, не покоряющіеся безрепотно всему, что велятъ, и потому—это единственные люди нашего міра, живущіе не животною; а разумною жизнью,—единственные вѣрующіе люди" ¹⁾).

Только-бы привонить имъ нравственно-практическую благодать! Но Толстой не могъ этого сдѣлать, потому что, какъ мыслитель и односторонній моралистъ, онъ не признаетъ никакой вообще благодати. Христосъ для него только великій правоучитель, но не искупитель, не кодаша, не податель благодати. Впрочемъ ему и не было надобности источника моральной дѣятельности невѣрующахъ, а по его терминологіи вѣры ихъ по Христа, искать въ благодати: гораздо проще и правильнѣе онъ объясняетъ происхожденіе ея у нихъ заимствованіемъ началъ ея изъ ученія Христа, хотя бы и безсознательнымъ и невольнымъ.

Но рассуждая съ этой стороны правильно, графъ Толстой дѣлаетъ иной промахъ. Если эти невѣрующіе, а по его мнѣнію истинно-вѣрующіе, заимствовали свою мораль изъ ученія Христа, не зная его (ученія) и даже ненавидя Самого Христа, то ясно, что они брали основы своей морали не прямо изъ Евангелія. Спрашивается, откуда-же? Больше неоткуда, какъ изъ Церкви, т. е., но изъ церковныхъ книгъ, которыхъ они не читали, какъ не читали и Евангелія, а изъ жизни и ученія того общества, которое называется Церковію и отъ повсемѣстнаго вліанія котораго они не могли отрѣшиться.

Но если это такъ, то оказывается совершенно ложной мысль графа, будто у Церкви не осталось никакого ученія жизни, не осталось ничего, кромѣ внѣшнихъ принадлежностей богослуженія.

Лживость этой мысли сказывается также въ неясности и самопротиворѣчивыя сужденій графа о томъ, съ какого времени Церковь обмирщилась и омертвѣла. По страницѣ 193-й выходить, будто это случилось еще во вре-

¹⁾ Тамъ-же. 195--206.

мена Константина Великаго; послѣ это обмирщеніе и ожертвеніе Церкви только усиливалось еще больше; и Церковь стала „помѣхой“, стала „не нужна“, „отсохла“ только въ наши дни (207—209). Но, съ другой стороны, она же говоритъ: „Посмотрите, какъ рѣшительно, молодо, бодро люди нашего міра дѣлаютъ все, что дѣлать. Искусства, науки, промышленность, общественная, государственная дѣятельность—все полно жизни. Но все это живо только потому, что питалось недавно еще соками матери чрезъ Цирюповину (а матерью она называется здѣсь Церковь). Была Церковь, которая проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра. Каждое явленіе міра питалось имъ, и росло, и выросло. Но Церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Все органы міра живутъ; источникъ ихъ прежняго питанія прекратился; новаго-же они еще не нашли; и они ищутъ его вездѣ, только не у матери, отъ которой они только что освободились. Они, какъ агнеюкъ, пользуются еще прежней пищей, но не пришли еще къ тому, чтобы понять, что эта пища только у матери, во только иначе, чѣмъ прежде, можетъ быть передана имъ... Новый процессъ состоитъ въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде бессознательно вливались въ человечество чрезъ органъ Церкви и которыми теперь живо еще человечество... Прежде у міра были объясненія Церкви, которыя, заслоняя отъ него ученіе (т. е. ученію Христа), все-таки казались ему достаточными для его старой жизни, а теперь настало время, что Церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, и потому и не можетъ теперь не принять ученія Христа“¹⁾. Съ одной стороны выходитъ, что Церковь еще во времена Константина *окончательно* совершила разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни, и всея языческой остроты жизни Церковь приняла и признала христіанскія, а съ другой стороны, до нашихъ дней чрезъ Церковь вливались въ міръ христіанскія истины и ими и доселѣ живо человечество. Церковь почти ожертвила еще полторы тысячи лѣтъ тому назадъ и, чѣмъ дальше шло время, мертвѣла

1) Тамъ-же. Стр. 208—209.

все больше и больше; а между тѣмъ онъ же „проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра“, „сдѣлала свое дѣло“, и этимъ ученіемъ Христа „питалось, росло и выросло каждое явленіе міра“. Видѣ нельзя же думать, что міръ жаль этимъ ученіемъ, а Церковь, влившая это ученіе и соединенную съ нимъ жизнь въ міръ, сама была чужда и этого ученія и этой жизни. Пусть кто-нибудь согласится съ мнѣніемъ Толстаго, что Церковь сообщала міру ученіе Христа, полукрывая его, сообщала нехота и въ превратномъ видѣ; но какъ это согласовать съ другою мыслию самого-же Толстаго, что міръ, доселѣ пытавшійся секами матери (Церкви), жаль подобно младенцу въ утробѣ матери, бессознательно, а теперь вступая въ высшій періодъ своего существованія, какъ новорожденный? Младенецъ? Церковь родила младенца (современный міръ) не мертвого, а исполненнаго жизни и подготовленнаго къ будущей, болѣе совершенной жизни, она привела міръ къ совершенству. Но могла-ли бы это сдѣлать Церковь, еслибы она начала мертвить и вбирать въ себя язычество още съ Константина Великаго и если-бы она теперь была совершенно „отсохшей“?

Кромѣ путаницы въ понятіяхъ и противорѣчій и наличная дѣйствительность изобличаетъ преувеличенія и ложь однихъ достоинствъ Церкви графомъ Толстымъ.

Графъ Толстой совершенно отрицаетъ вліяніе Церкви на политическую и государственную жизнь. Недостаточно приобщить пресловутый Kulturkampf (культурная борьба), воздвигнутый Бисмаркомъ противъ папы и католичества, чтобы признать неосновательность этого положенія Толстаго. Бисмаркъ въ теченіи по одному десятиа лѣтъ былъ всевластнымъ вершителемъ политическихъ судьбъ Европы, и, несмотря на это, затѣянная имъ борьба противъ католичества, хотя сначала склонилась въ его пользу, въ концѣ концовъ доставила побѣду католичеству. Бисмаркъ и его государственная система рухнули, а нападъ не только по преджнему остается дукоувымъ, а отчасти и государственничь владыкой въ католическихъ странахъ, но даже и въ протестантской Пруссіи новые руководители германской политики принуждены были уступить католичеству почти всѣ права и преимущества, отнятыя или ограниченныя Бисмаркомъ.

Графъ Толстой считаетъ даже смѣшной мысль, чтобы въ наше время Церковь могла быть основой суда и ответственности. Мы, напротивъ, думаемъ, что по крайней мѣрѣ въ Россіи главнѣйшій устой правосудія есть присяга, которую графъ вовсе отрицаетъ. Изъ русскихъ крестьянъ и горожанъ развѣ только немногіе, совершенно безсовѣстные, люди не побоятся дать ложныя показанія подъ присягой. Очевѣ много случаевъ, въ которыхъ отъ ложныхъ показаній и еще чаще отъ умолчанія не удержали-бы свидѣтелей ни стыдъ, ни торжественная обстановка суда, ни опасеніе запутаться въ показаніяхъ, но вѣхъ сдерживаетъ страхъ нарушить клятву. Православный-ли русскій чеховѣтъ, раскольникъ-ли—всѣ они боятся страшнаго суда. Конечно, невѣрующіе суда Божія не чаютъ, и потому присяга для нихъ пустой звукъ; но вѣдь невѣрующіе даже и на Западѣ составляютъ незначительное меньшинство. На присягѣ держится правота свидѣтельскихъ показаній, а на этой правотѣ зиждется весь судъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ сомнѣнія вины со стороны подсудимыхъ, т. е., въ огромномъ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ.

Что касается до собственности, то, конечно, отъ незаконнаго присвоенія ея, какого-бы рода оно ни было, людей удерживаетъ страхъ наказанія со стороны закона, но не меньше и не рѣже уздой служитъ страхъ суда Божія, о которомъ вѣщаетъ Церковь.

Несправедлива и та мысль, будто государственная власть заждется на чемъ угодно, только не на Церкви. Достаточно обратить вниманіе на то, что всѣ или почти всѣ злоумышленники, покушавшіеся на жизнь Императора Александра Ц-го были люди невѣрующіе. Врагами государственной власти, въ особенности монархической, въ наши дни являются преимущественно социаллисты; а социаллисты въ огромномъ большинствѣ люди невѣрующіе.

Мысль графа Толстаго объ отношеніи къ Церкви искусства просто нелѣпна. Искусство, во всѣхъ своихъ видахъ, никогда не служило одной только Церкви; а съ другой стороны и теперь оно вовсе не ушло изъ Церкви. Живопись, музыка, поэзія, ораторство, ваяніе и архитектура служатъ ей по-прежнему. И мало того, что служатъ, но и самы получаютъ отъ нея животворную силу и находятъ въ

ней возвышеннѣйшіе идеалы и вдохновеніе для воплощенія ихъ въ прекрасной формѣ. Церковное краснорѣчіе и теперь не ниже судебного и государственнаго. Церковная поэзія въ настоящее время не процвѣтаетъ, но вѣдь и свѣтское поэтическое творчество нынѣшнихъ дней далеко уступаетъ безсмертнымъ твореніямъ прежнихъ вѣковъ. Современная церковная живопись осла и уступаетъ свѣтской въ разнообразіи сюжетовъ, что неизбежно, за то превосходитъ ее величіемъ ихъ замысловъ и возвышенностію предметовъ. Композиціи церковнаго пѣнія и музыки удовлетворяютъ потребностямъ христіанскаго богослуженія, и въ современной церковной музыкѣ во всякомъ случаѣ удержалось больше простоты, серьезности и возвышенности, нежели въ нынѣшней свѣтской музыкѣ, которую за ея пошлую легкость и техническую вычурность не высоко цѣнить сама же выдающіеся творцы теперешней свѣтской музыки, напр. А. Рубинштейнъ.

Наука, дѣйствительно, большею частью враждебна Церкви, но все-таки не вся и не всегда враждебна. А главное, она враждебна не одной Церкви, но и Евангелію; и враждуетъ она противъ Церкви вовсе не изъ за того, что Церковь обмірилась и утратила или извратила ученіе Христа, а напротивъ, потому, что Церковь содержитъ его и проповѣдуетъ, и вмѣстѣ съ нимъ содержитъ и все вообще библейское ученіе. Разныя философскія и естественно-научныя направленія мысли, дававшія въ свое время тонъ наукъ, непріязненны пражде всего Библии, а отсюда враждебны и Церкви. Таковы: матеріализмъ, пантеизмъ, деизмъ, позитивизмъ, дарвинизмъ. Ученія же, вражда которыхъ исключительно направлена противъ Церкви, а не противъ Библии, суть сектантскія и раскольническія. Но вѣдь они, если и имѣютъ нѣчто общее съ наукой, то только съ наукой богословской, а вовсе не съ той свѣтской наукой, о которой говоритъ Толстой.

Но если-бы и дѣйствительно „вся жизнь эмалсипиролась, какъ выражается графъ Толстой, отъ Церкви“ и не имѣла къ ней никакого иного отношенія, кромѣ презрѣнія и ненависти, что было-бы въ этомъ неожиданнаго и удивительнаго и слѣдовало-ли бы за это винить Церковь? Напомнамъ графу Толстому слова Иисуса Христа, сказанныя Имъ своимъ ученикамъ: *если міръ васъ ненавидитъ, знай-*

те, что Меня прежде васъ ознаменовалъ. Если-бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы васъ; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Если Меня знали, будутъ знать и васъ: если Моё слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Но все то сдѣлаютъ вамъ за имя Моё (Іоан. 15, 18—21). И описываемое Толстымъ страшное раздѣленіе между міромъ и Церковію дѣйствительно нѣкогда наступитъ. Это будетъ предъ кончиной міра, по предсказанію пророковъ, Иисуса Христа и апостоловъ. Тогда міръ не только отдѣлится отъ Церкви, но во главѣ съ антихристомъ, руководимымъ діаволомъ, водворитъ страшное гоненіе на Церковь, всемірную войну противъ нея, чтобы, если можно, уничтожить ее окончательно (Апокал. 12, 13—17). Это будетъ окончательная борьба зла противъ добра. Но въ меньшихъ размѣрахъ эта борьба всегда существовала, то ослабѣвая, то усиливалась. Она была и до Константина Великаго, только характеръ ея въ то время былъ иной, нежели послѣ него, какъ и вообще характеръ борьбы между добромъ и зломъ безконечно измѣняется въ зависимости отъ времени, мѣста, историческихъ обстоятельствъ и другихъ разнообразныхъ условій. Конецъ прошлаго вѣка и вторая половина истекающаго столѣтія, по широтѣ распространенія безбожія, могутъ быть рассматриваемы какъ подготовительныя къ послѣднимъ временамъ эпохи. Быть можетъ и еще будутъ подобныя же эпохи невѣрія въ перемѣжку съ эпохами противоположнаго характера, какъ какъ глубокое и широкое разращеніе правды и необычайное распространеніе безбожія въ послѣднія времена, несомнѣнно, будутъ подготовляемы предшествующимъ ходомъ исторіи человѣчества. Предотвратить несчастный конецъ ея никто не въ силахъ. Ни пророки, ни апостолы, ни Иисусъ Христосъ, говоря о враждѣ міра, который *весь лежитъ во злѣ* (1 Іоан. 5, 19), къ своимъ послѣдователямъ и о чрезвычайномъ распространеніи и господствѣ зла въ послѣднюю годину, не обвиняютъ въ этомъ Церковь, а признаютъ эту вражду и борьбу міра противъ Церкви неизбѣжной и, при томъ состояніи человѣческаго рода, въ которое онъ самъ поставилъ себя, естественной.

Преувеличивая малозначительность Церкви и ея винов-

ность въ этомъ, графъ Толстой слишкомъ пессимистически смотритъ и на религіозно-нравственное состояніе современнаго міра. „Всѣ люди, говоритъ онъ, неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди, и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые; передовые же стоятъ надъ пропастью“. По мнѣнію его, міръ въ наши дни переживаетъ опасный и сильный переворотъ, — такой же, какой бываеетъ у члвчвѣка при переходѣ его изъ утробнаго періода жизни на свѣтъ Божій.

Правда, невѣріе въ области религіозной, легкость и развращенія нравовъ въ жизни нравственной и въ особенностяхъ социализмъ и анархизмъ въ жизни политическо-общественной въ настоящее время внушаютъ серьезныя опасенія за ближайшее будущее.]

Припомнимъ, какой паническій ужасъ въ послѣдніе два года напалъ на жителей большихъ городовъ Западной Европы и Америки въ началѣ мая. Соціализмъ на Западѣ усиливается и распространяется не по днямъ, а по часамъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всякое общественное движеніе, въ пору своего роста и молодой свѣжести, особенно если оно подвергается преслѣдованію со стороны большинства, могущественно единодушнѣмъ его сторонниковъ, идеалистическимъ воодушевленіемъ ихъ, имѣетъ пріятельность новизны, дѣятельность и самыя неудачи его приверженцевъ бывають окружены ореоломъ безкорыстія, самоотверженности и героизма. Но съ теченіемъ времени самая сила движенія, особенно если она дѣйствуетъ сокрушительно, становится источникомъ безсилія и упадка: энтузіазмъ ослабѣваетъ, являются враждующія одна противъ другой партіи, а вмѣстѣ съ ними и разложеніе. Начатки разложенія уже и теперь стали обнаруживаться среди социалистовъ, а анархисты-динамитчики, безъ сомнѣнія, уронить дѣло социализма. Впрочемъ, съ точки зрѣнія Толстого, социализмъ — не зло; онъ самъ сочувствуетъ социализму.

Еще внушаютъ опасенія распространеніе безбожія и развращенія нравовъ. Но, съ другой стороны, вотъ уже не менѣе двадцати лѣтъ дѣйствуетъ сильная реакція противъ невѣрія и развращенія нравовъ. Въ личности и жизни самаго графа Толстого ясно обнаружилось дѣйствіе этой переживаемой современнымъ міромъ реакціи: въ пятидеся-

тысяч, шестидесятых и семидесятых годах графъ былъ невѣрующимъ, а въ восьмидесятыхъ и девидесятыхъ онъ блудаетъ поѣрѣи, материализмъ, безвѣрностью. Базаровыхъ теорѣи налицо; встрѣтились среди отживающихъ своей вѣки оцонъ, наемли среди вичинающихъ жить дѣтвей, а это показывается, что (направление теперешней жизни) со-всѣмъ иное, нежели въ десятидесятыхъ годахъ. Указываютъ на два событія, которыя если не перевернули, то по крайней мѣрѣ значительно измѣнили русло теченія жизни: это — возобразила братоубиственная рѣзня коммунаровъ въ Парижѣ въ 1871 г. и убиваніе Александра II. Но эти событія только ускорили поворотъ изъ духа времени, а порождѣнъ онъ внутренними силами, которыя поэтому и нельзя признать истощенными; а само челоуѣчество стоящимъ на краю пропасти. Храмы не пусты даже и на Западѣ, за исключеніемъ развѣ храмовъ въ тамошнихъ большихъ городахъ.

Впрочемъ, какъ и моральность, графъ Толстой главное зло теороннаго цивилизованнаго міра видитъ не въ поѣрѣи и безрелигіозности, а въ отсутствіи въ немъ нравственныхъ основъ для жизни. Но словакъ графа Толстого, къ кому изъ образованныхъ хрдей онъ ни обращался съ вопросомъ, для него онъ живетъ и почему живетъ такъ, а не иначе, онъ не получалъ прамаго отвѣта на вопросъ.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ этотъ упрекъ приложимъ къ западному цивилизованному міру, но въ отношеніи въ русскому свѣтскому интеллигентному обществу онъ, къ несчастью, справедливъ. Наши свѣтские писатели, юристы, естествоиспытатели, врачи, техники, чиновники всѣхъ ранговъ, недоучки, въ значительной своей части, а быть можетъ и въ большинствѣ, къ Церкви равнодушны, Библию не читаютъ, въ богословіи — крупные невѣжды, и потому едва знаютъ, мн. и сорѣшны, не знаютъ даже основнѣхъ истинъ христіанской вѣры и христіанскаго проповѣданія, а нѣмѣ даже прямо относятся съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ церковности и богословской наукѣ. Богословіе они и наукой не считаютъ и безапелляционно обзываютъ его схоластикой^{*)}, хотя въ своемъ вѣку не читаю ни одной

^{*)} Такъ ч. Словакъ въ одной изъ своихъ лекцій Восточнаго Крестнаго въ 1891 г. въ статьѣ, издѣренной проткѣ учебна графа Толстого,

богословской книги и слѣдовательно о богословіи и судить не могутъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ отношеніи нашего свѣтскаго образованнаго, полуобразованнаго и недоучившагося общества къ религіи, Церкви и богословію это общество не можетъ относиться сознательно ни къ вѣроученію, ни къ правоученію Христову и только по привычкѣ, традиціонно, изъ подражанія всѣмъ, исполняетъ иногда церковные обряды.

Однако и эти, жалкіе съ религіозной точки зрѣнія, люди правила нравственности, по крайней мѣрѣ, основныя, знаютъ. Они знаютъ ихъ частію съ голоса совѣсти, частію изъ книгъ, частію по наслышкѣ отъ людей, они почерпываютъ ихъ изъ жизни общества и цѣлаго народа, которая какъ-бы низко ни думалъ о ней графъ, построена на началахъ христіанскѣхъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, что воровать, убивать чужовѣка, обманывать, лгать, клеветать, ненавидѣть, мстить и т. п. дурно, не должно, не „честно“, есть зло, а любить людей, помогать бѣднымъ и беспомощнымъ, сажать гонимыхъ и невинно страдающихъ, трудиться, платить долги, кормить и покорить престарѣлыхъ родителей, воспитывать дѣтей, должно, хорошо, есть добро. Тѣ изъ нихъ, которые не окончательно потеряли вѣру въ Бога, кромѣ того, не могутъ не признать, что нужно молиться Богу и каяться, что зло Богъ наказываетъ, а за добро награждаетъ. Не утверждаемъ, чтобы нравственныя понятія нашего свѣтскаго цивилизованнаго общества отличались твердостью, ясностью и опредѣленностью, но все-таки они есть. Мы думаемъ, что ему менѣе извѣстны догматическія истины, нежели нравственныя, а графъ Толстой полагаетъ, что нашимъ интеллигентамъ всего менѣе извѣстны нравственныя истины.

Изъ всѣхъ нравственныхъ понятій нашего свѣтскаго цивилизованнаго общества наибольшей темнотой, запутанностью, неустойчивостью, даже дикостью отличаются понятія о половыхъ отношеніяхъ. Признавая чувство половой

равнодушіе свѣтскаго образованнаго общества къ богословію, объявляютъ схоластичностью послѣдняго. Какъ будто г. Слюняковъ читалъ русскіе богословскіе книги и журналы! Какъ будто онъ знаетъ различіе между схоластическимъ и не схоластическимъ богословіемъ!

любви естественным и притомъ непреодолимым и окружающаго его ореоломъ красоты по тѣсной связи его съ эстетическимъ чувствомъ, иные думаютъ, что и состоящимъ и неосознающимъ въ бракѣ не предосудительно отдаваться влечению естественнаго чувства. Это—природа, говорятъ они; нельзя противъ воли любить; нельзя и не нужно и противодействовать любви, когда она есть; чувство любви не только естественно, но и благородно. Такимъ способомъ оправдываются блудъ и прелюбодѣііе. Блудъ врачи и тѣ, которые имъ вѣрятъ, оправдываютъ еще тѣмъ, что онъ, если люди не преступаютъ мѣру силъ, предохраняетъ отъ истерика и другихъ болѣзней и расстройствъ нервной системы. Бываетъ и хуже того: праздные и пустыя жужры изъ свѣтскаго общества даже ~~летоловельски~~ хвастаются своими побѣдами надъ тѣжными сердцами. Иные даже въ похищеніе публичныхъ домовъ считаютъ дѣломъ не безопаснымъ, но не особенно дурнымъ въ нравственномъ отношеніи, судя по тому, что они не стыдятся признаваться въ этомъ не однимъ короткимъ пріятелямъ. Найдутся и такіе, которые самую седьмую заповѣдь признаютъ ненужной и нецѣлесообразной. Намъ явилось на пароходѣ слышать, какъ студентъ, чуть-ли не еврей, объяснилъ дѣвицѣ не первой молодости, что седьмая заповѣдь—заповѣдь странная. Если мужчина желаетъ сойтись съ женщиной, а она не желаетъ, или, наоборотъ, домогается этого женщина, но мужчина не рѣшается, то заповѣдь не нарушается ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ; а если они сходятся по взаимному добровольному согласію, то какое дѣло до этого Господу Богу. Въ виду всего этого мы полагаемъ, что „Крейцера Соната“ и „Послѣсловіе“ къ ней написаны благовременно и не могли не оказать хорошаго дѣйствія на тѣ слои нашего общества, въ которыхъ слишкомъ логкоммысленно, или равнодушно, или превратно относятся къ преступленіямъ противъ седьмой заповѣди.

И все-таки мы не видимъ достаточныхъ оснований считать нравственное состояніе русскаго общества почти ужаснымъ и общество лишеннымъ нравственныхъ основъ. Да и самъ графъ Толстой какъ-то путается и проигнорировать себя въ отнѣкъ нравственнаго уровня этого общества. Съ одной стороны онъ признаетъ его настолько низкимъ, что

даже будто-бы переходные люди общества, готовясь ту, пропасть, ступая съ другой стороны; находят современную некоей чуждость, пренебреженныиъ жизни и кипучаиъ дѣятельности. И стоящими на переднемъ отъ періода покусавшагося жизни, подобной утробной жизни младенца, къ жизни высшей, сознательной. Самъ же онъ говоритъ, что все-таки, какъ истинно живетъ теперь миръ и что влорачаетъ миромъ—та часть учения самой Церкви, это— „социализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода, и равенство людей, всѣ нравственныя понятія, святость труда, святость разума, науки, искусства“. Съ общепринятой точки зрѣнія изъ всего перечисленнаго только социализмъ и коммунизмъ признаются не желательными и опасными, но самъ графъ Толстой, какъ извѣстно, имъ сочувствуетъ, а все прочее почти всими признается возвышенными. Выходитъ, что современныиъ цивилизованныиъ миръ живетъ по самымъ возвышеннымъ началамъ. Но въ такомъ случаѣ можно-ли говорить, что „все цивилизованное большинство людей отсталось для жизни съ одной вѣрой въ городоваго и урядника“, что „въ напосѣ цивилизованномъ мирѣ нѣтъ какихъ нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни“ и что „переходные стоятъ надъ пропастью“? Положеніе переходныхъ графъ находитъ ужаснымъ, потому что они дѣлаютъ жизнь для себя и готовятъ жизнь своимъ послѣдователямъ, а между тѣмъ не знаютъ, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Вѣримъ, что не знаютъ, а самъ графъ знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ? Онъ не знаетъ настоящей цѣли своей дѣятельности не потому, что въ немъ нѣтъ нравственныхъ основъ; а потому, что они не имѣютъ основъ религиозныхъ.

О жизни и дѣятельности человѣка возможны два вопроса: почему и для чего онѣ совершаются; третій вопросъ о томъ, каковы онѣ и какъ совершаются, насъ теперь не касается.

На вопросъ, почему человѣкъ дѣлаетъ то, а не это, могутъ быть разные отвѣты, но въ концѣ концовъ они сводятся къ одному основному: онъ дѣлаетъ то, что не это по требованіямъ, по законамъ своей физической и духовной природы, какъ фактически существующей: со всѣми достоинствами и недостатками въ индивидуумѣ; такъ и идеаль-

ной. Напр., почему человек есть и шьет? Потому, что этого требует его физическая природа, требует закон, по которому он устроен. Почему человек приобретает познания, помогает ближним и т. п.? Потому, что эти действия вытекают из потребностей его духа: стремлений к истине, к добру, к совершенству, в нравственном и кумовстве, — вытекают из требований законов человеческого и Божеского, которые согласны с требованиями человеческой природы, с ее нормами, определяют и формулируют понятия.

Труднее ответить на вопрос: для чего человек дышит, ест, а не это, и для чего живет. Ближайшие цели его действий, и жизни ему известны. Но в вопросе о жизни он не удовлетворяется указанием на то, а желает знать цели конечные; но эти то несведены, самые важные, именно и скрыты от него. Для чего человек есть и шьет? Для того, чтобы поддержать свою жизнь. Для чего размножается? Для того, чтобы продолжить жизнь рода. Но для чего нужно поддерживать свою личную жизнь и жизнь рода, для чего нужна и к чему предназначена жизнь рода; на этот вопрос отвечать очень трудно, — настолько трудно, что натуральное человечество не дало на него никакого ответа. Ни индусы и персы, ни вавилоняне и ассирийцы, ни арабы и финикийцы, ни греки и римляне, ничего не сказали на вопрос: для чего живет человек, для чего существует человечество? Египтяне, кажется, больше всего народом создавали важность этого вопроса и мысли, как они должны быть ответ на него. По их памятникам можно догадываться, что они прилежно устремляли взоры на земную жизнь и, повидному, одшнюю жизнь считали приготовлением к той жизни. Положительное, определенное и истинное слово о том, для чего живет человек, дает только христианство, а в меньшей мере давала его восточные религии. Оно дает его отчасти и в ирамоучении, напр. в заповедях о блаженствах, но преимущественно в вброучении, в догматической своей стороне. Граф Толстой, незаметно для себя и вопреки самому себе, доходя к необычайной важности метафизической или догматической стороны христианства, потому что именно она дает ответ на вопрос: для чего живет человек? а этот вопрос по оценкам графа есть главный из

всѣхъ вопросовъ,—подошелъ, но не дошелъ. Призываетъ графъ положеніе передовыхъ людей нашего времени ужаснымъ, потому что они не знаютъ, для чего живутъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, а не замѣчаютъ, что и самъ находится въ такомъ же положеніи. Для чего онъ живетъ и дѣлаетъ то, что дѣлаетъ? Держась альтруистическаго ученія позитивистовъ и пессимистовъ, онъ можетъ дать только тотъ отвѣтъ, что онъ живетъ для блага и жизни рода. Хорошо. Но для чего и для кого нужны жизнь и благо рода? для чего живетъ все человѣчество? Чистые моралисты и альтруисты предъ этимъ вопросомъ безотвѣтны, безотвѣтны предъ нимъ все, которые не признаютъ религіи, или всю ее сводятъ къ нравоученію и нравственности. Если нѣтъ личного Бога и личного загробнаго существованія человѣка, то на вопросъ, для чего живетъ человѣкъ и весь родъ человѣческій, отвѣта нѣтъ. Истина бытія личного Бога и истина личного безсмертія человѣка—это два устоя религіозной метафизики, или догматики. Принимая ихъ, мы говоримъ: человѣкъ живетъ на землѣ для того, чтобы чрезъ усовершенствованіе себя и другихъ людей приготовить себя и ихъ къ высшей загробной жизни. Это религіозное ученіе включаетъ въ себя, какъ часть, и свѣтское ученіе о прогрессѣ человѣка и человѣческаго рода, но оно безусловно превосходитъ послѣднее тѣмъ, что даетъ цѣль, и притомъ возвышенную, жизни и индивидуума, и рода.

Но признавая истину бытія личного Бога и личного безсмертія человѣка, понимая религію, какъ нравоученіе и нравственность, ~~склоняясь~~ къ социализму, графъ хотѣлъ придти къ убѣжденію, что въ настоящее время истинно-вѣрующіе христіане суть социалисты и что безъ нихъ нравственное состояніе современнаго цивилизованнаго міра было-бы ужасно. Истинными христіанами ~~считаются~~ тѣ, которые, по собственному признанію графа, принимаютъ только малую часть ученія Христа, которые Самого Христа не хотятъ знать или даже ненавидятъ, которые стоятъ у пропасти и находятся въ ужасномъ положеніи, которые, наконецъ, и въ Бога-то не вѣруютъ. Можно-ли дойти до большей путаницы въ понятіяхъ? Конечно, графъ не первый и не онъ послѣдній по требованію догматической доктрины говорить несообразности.

Обликаясь съ графомъ Толстымъ въ сужденіяхъ о вѣд-
статкахъ христіанства прошедшихъ вѣковъ, г. Соловьевъ
раздѣляетъ и его мечты о будущемъ христіанствѣ. Графъ
Толстой призналъ доселѣшнее церковное христіанство полу-
языческимъ, неевангельскимъ, слишкомъ мірскимъ, пре-
исполненнымъ догматизма, но лишеннымъ высокой еван-
гельской морали: г. Соловьевъ призналъ его тоже полу-
языческимъ, неистиннымъ, исполненнымъ односторонняго и
нетерпимаго догматизма. Графъ Толстой полагаетъ, что Цер-
ковь окончила свое дѣло, теперь стала не-нужна, „отсохла“,
вся ея жизнь пережилась въ мірѣ: г. Соловьевъ такъ не
выражается, однако и онъ утверждаетъ, что доселѣшнее
неистинное христіанство кончаетъ свой вѣкъ и должно усту-
пить мѣсто истинному христіанству. Такимъ образомъ оба
они въ настоящей эпохѣ видятъ коренной переворотъ въ
духовной жизни христіанскаго чловѣка, — переворотъ отъ
худшаго къ лучшему. Оба они главными дѣателями въ
этомъ переворотѣ признаютъ невѣрующихъ въ Бога и Христа,
по одаренныхъ особою благодатью—по мнѣнію г. Соловьева,
принимающихъ малую долю ученія Христа — по сужденію
графа Толстаго. И тотъ и другой возлагаютъ живѣйшія
надежды на будущее христіанство, нарождающееся будто-бы
въ настоящее время, и прямо противопоставляютъ его хри-
стіанству отжившему или отживающему, какъ религію не-
сравненно болѣе совершенную мѣтѣ совершенной, какъ
религію истинную религіи извращенной, какъ живую и живо-
творящую омертвѣвшей и омертвѣвшей. А именно, графъ
Толстой сравниваетъ жизнь доселѣшняго христіанскаго міра
съ жизнью утробнаго младенца, а наступающую жизнь съ
жизнію новорожденнаго; та была жизнь полухристіанская и
подубесознательная, а теперь нарождается жизнь чисто-
христіанская; доселѣ христіанство было церковное, т. е.,
по мнѣнію Толстаго, только полубиблейское, а по дру-
гимъ его выраженіямъ, даже и совсѣмъ неевангельское,
полужыческое, мірское, а отселѣ люди будутъ черпать
истинное ученіе и истинную жизнь прямо изъ Евангелія.
И это должно произойти съ такою же неизбѣжностію, съ
какою новорожденный младенецъ питается чрезъ ротъ и
логкія, а не чрезъ пуповину; и какъ не возможно и безумно
заставлять новорожденнаго питаться чрезъ пуповину: столь-же

безрассудно теперешній новорожденный міръ принудить воспринимать ученіе и жизнь у Церкви, а не прямо изъ Евангелія. Подобнымъ образомъ и г. Соловьевъ будущее христіанство называетъ истиннымъ, живымъ, общественнымъ, универсальнымъ, не отрицающимъ, а перерождающимъ человеческую и природную жизнь, тогда какъ доселѣшнее христіанство этихъ свойствъ будто бы не имѣло, или по крайней мѣрѣ они не обнаруживались и не имѣли силы.

Въ общемъ выводѣ и графъ Толстой и г. Соловьевъ приводятъ въ близкомъ будущемъ наступленіе золотого вѣка для христіанства и христіанскихъ народовъ.

Эти розовыя ожиданія понятны въ людяхъ, недовольныхъ ни прошедшимъ, ни настоящимъ. Какъ надежды и мечты они вполнѣ безвредны и невинны. Но графъ Толстой и г. Соловьевъ не только не считаютъ ихъ мечтами, но и не относятъ ихъ осуществленіе къ области возможностей или вѣроятностей, а имѣютъ твердую увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ христіанство таково и будетъ, какого они желаютъ.

Въ нессинистическія эпохи, подобныя настоящей, люди вообще склонны или вздыхать о прошедшемъ, называя его „добрымъ старымъ временемъ“, или мечтать о будущемъ, которое они представляютъ себѣ свободнымъ отъ тасоты и золь современной жизни. Но приходитъ желанное будущее и приноситъ рядъ разочарованій мечтателямъ. Жизнь измѣняется, но зло и бѣдствія остаются, мѣняются только по наружности.

Свои мечты о будущемъ христіанствѣ графъ Толстой выражаетъ такъ: „Теперь настало время, что Церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни, и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а потому и не можетъ теперь не принять учопія Христа.... Ученіе Христа не можетъ не быть принято людьми не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объясненіе жизни, которое оно даетъ (отрицать все можно), но потому, что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жилось и не можетъ жить челоовѣчество, по жилось и не можетъ жить ни одинъ челоовѣкъ, если онъ хочетъ жить, какъ челоовѣкъ, т. е., разумною жизнью.“

Сила ученія Христа не въ его объясненіи смысла жизни,

а въ томъ, что вытекаетъ изъ него — въ ученіи о жизни. Метафизическое ученіе Христа — не новое. Это все одно и то же ученіе человѣческое, которое написано въ сердцахъ людей и которое проповѣдуютъ всѣ истинные мудрецы міра. Но сила ученія Христа въ приложеніи этого метафизическаго ученія къ жизни...

Ученіе Христа не спорить съ людьми нашего міра объ ихъ міросозерцаніи, оно впередъ соглашается съ нимъ и, включая его въ себя, даетъ имъ то, что имъ необходимо и чего они ищутъ: оно даетъ имъ путь жизни, и притомъ не новый, а давно знакомый и родной имъ всемъ¹⁾.

Даже графъ Толстой частіе разъясняетъ, что ученіе Христа можетъ принять, не поступаясь своими доктринами, христіанинъ всякаго толка, невѣрующій философъ, средній человѣкъ — индифферентистъ.

Изъ другихъ мѣстъ книги и изъ всего вообще богословскаго ученія графа Толстаго видно, что путемъ жизни онъ называетъ нравственныя заповѣди, которыя Иисусъ Христосъ раскрылъ въ нагорной проповѣди и которыхъ Толстой насчитываетъ пять: 1) Живи въ мирѣ со всеми; 2) не любодѣйствуй; 3) не кляпись; 4) не противься злу или злому; 5) никого не считай своимъ врагомъ, всѣхъ признавай своими братьями²⁾. Въ 5 и 6-й гл. Толстой подробно и своеобразно истолковываетъ эти заповѣди; но формулируетъ ихъ на стр. 97 и 98 довольно спутанно. А въ остальныхъ главахъ съ 7 по 12, до самаго конца книги, онъ съ талантомъ и въ яркихъ краскахъ изображаетъ великое значеніе этихъ заповѣдей для жизни и необходимость исполненія ихъ, чтобы жить истинно человѣчною и истинно счастливою жизнью. Тѣмъ не менѣе увѣренность Толстаго, что эти заповѣди отымаѣ въ всеми людьми будутъ приняты, и всѣ люди будутъ исполнять ихъ — только прекрасная мечта. Безспорно, тѣмъ меньше требованій и тѣмъ общіе они, тѣмъ большее число людей можетъ подписаться подъ ними, предполагая, разумѣется, что эти требованія истинны и согласны съ человѣческой природой. Графъ Толстой, сводя христіанство къ одной морали и всю христіанскую этику

¹⁾ Въ чехъ моя віра. Стр. 209—212.

²⁾ Тамъ же. Гл. 5 и 6, стр. 46—96.

включая въ пять краткихъ заповѣдей, надѣется этимъ способомъ объединить не только христіанъ всѣхъ исповѣданій и сектъ, но и равнодушныхъ къ религіи и даже невѣрующихъ. Но мы не думаемъ, чтобы такое „универсальное“ христіанство могло осуществиться даже и на столь общедоступной и общепріемлемой почвѣ, какую представляютъ пять вышеприведенныхъ заповѣдей Христа.

По мнѣнію графа Толстаго міръ не можетъ теперь не принять ученія Христа потому, что онъ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности. — Но развѣ скудные духомъ чувствуютъ свою безпомощность? Очень рѣдко, а ослы и чувствуютъ, то по самолюбію и гордости не признаются въ этомъ. Требуется высокое совершенство, котораго достигаютъ весьма немногіе, чтобы человѣкъ самъ признался въ своемъ духовномъ ничтожествѣ.

По мнѣнію графа Толстаго, люди нашего времени неизбежно должны обратиться къ ученію Христа, потому что только оно одно даетъ тѣ правила, безъ которыхъ человѣкъ и человечество жить не могутъ, т. е., жить разумною жизнью. Дѣйствительно, нѣкогда Симонъ Петръ сказалъ Христу: *Господи! азъ кому мамзъ идни? Ты имѣешь глаголы вечной жизни* (Іоан. 6, 68). Но почему графъ Толстой полагаетъ, что въ настоящее время всѣ люди, подобно Апостолу Петру, сознаютъ необходимость разумной, моткиной жизни и что они станутъ искать ее именно въ ученіи Христа? Повидному, онъ склоненъ думать, что теперь весь міръ переживаетъ то, что онъ самъ пережилъ въ послѣдніе годы. А на самомъ дѣлѣ очень немногіе чувствуютъ потребность въ осмысленіи своей жизни. Масса живетъ такъ, какъ жилали наши дѣды и отцы, какъ живутъ всѣ.

Но и относительно тѣхъ, которые жаждутъ разумной жизни, можно-ли быть увѣреннымъ, что всѣ они будутъ утолять эту жажду евангельскимъ ученіемъ? Развѣ у нихъ нѣтъ своего разума, измышленія котораго, хотя бы они имѣли только призракъ истины, люди охотнѣе слѣдуютъ, чѣмъ чуждому авторитету, даже Божественному? Развѣ въ наше время, какъ и всегда, нѣтъ философовъ и джефилософовъ, ученыхъ и джеученыхъ, предъ авторитетомъ и

сомнительною мудростию и ученостию которыхъ люди поклоняются больше, чѣмъ предъ испытанною мудростию древнихъ мудрецовъ и божественною мудростию Самого Иисуса Христа? Что касается до самихъ ученыхъ и философовъ, то это только одна фантазія, будто даже невѣрующіе изъ нихъ примутъ ученіе Христа. Опять-таки здѣсь графъ Толстой принимаетъ свою личную точку зрѣнія ко всѣмъ людямъ. Онъ пантеистъ и въ то же время принимаетъ и даже горячо проповѣдуетъ ученіе Христа. Въ исторіи философіи— это не первый примѣръ: Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ, сдѣлали опыты соединенія своихъ пантеистическихъ философемъ съ христіанствомъ. Но эти опыты оказались неудачными и не могли имѣть прочнаго успѣха, потому что нельзя соединять въ одно разнородное, — пантеизмъ съ вѣрой въ личнаго Бога. Приходилось жертвовать то философией въ пользу христіанскаго ученія, то этимъ послѣднимъ въ пользу философіи, а отъ этого страдали цѣльность и философіи и христіанства... Эти мыслители были и христіане и нехристіане, хромали на оба колѣна. А ихъ послѣдователи, какъ и нужно было ожидать, предпочитали хромать на одно колѣно, т. е., рѣшительно переходили на сторону пантеизма, или же, болѣе очастливые, исцѣлялись отъ хромоты и принимали церковное христіанство. То же будетъ и съ „толстовцами“: одни изъ нихъ окончательно перейдутъ къ вѣрѣ, а другіе сдѣлаются невѣрующими. Самъ же Толстой гораздо болѣе Шеллинга и Гегеля и самымъ жалкимъ образомъ хромаетъ на оба ноги. Онъ — пантеистъ и не признаетъ Христа Богочеловѣкомъ и Сыномъ Божиимъ, а между тѣмъ Его ученіе признаетъ вѣчнымъ и безусловно истиннымъ, какъ будто простой человѣкъ, хотя бы онъ былъ и величайшимъ мудрецомъ, можетъ избѣгать ошибокъ. Онъ ревностный поклонникъ Христа, убѣжденный и пламенный глашатай Его ученія, и въ то же время съ свойственныкъ только русскимъ барамъ-крѣпостникамъ въ русскимъ купцамъ произволомъ („нашему и праву не препятствуй“) выкраиваетъ изъ евангелія Христа свое „Толстовское“ евангеліе. Нечего и говорить о томъ, какъ мало „Толстовское“ евангеліе похоже на Евангеліе Христа. Такимъ образомъ самъ Толстой представляетъ живѣйшій образецъ того, какъ трудно, а лучше сказать, невозможно по-

лугвѣрующему или неправовѣрующему философу принять *esse* и *цѣльное* ученіе Христа. О невѣрующихъ же философахъ и говорить нечего. Не слѣдуетъ забывать, что Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ и Толстой въ области философіи составляютъ исключеніе, оказывая пѣкоторую милость Евангелію и христіанству въ своихъ попыткахъ согласовать съ ними свое міросозрѣаніе. А другіе философы, хотя и были христіанами по происхожденію, мало думали о томъ, согласно-ли ихъ ученіе съ Евангеліемъ, или даже относились къ послѣднему непріязненно и прамедленно; разубѣемъ не матеріалистовъ и атеистовъ, — о нихъ и говорить нечего, — а пантеистовъ, деистовъ, позитивистовъ и современныхъ эволюционистовъ и пессимистовъ.

О томъ-то я и говорю, скажетъ графъ Толстой, что для примиренія съ христіанствомъ и привлеченія къ нему всѣхъ этихъ и многихъ иныхъ разномыслящихъ людей нужно устранить, или сдѣлать безразличными догматическое ученіе Христа, — кто желаетъ, пусть принимаетъ его, а кому оно не нравится или не кажется важнымъ, тотъ можетъ отвергнуть его, — и сущность христіанства положить только въ нравственномъ ученіи Христа, именно, въ пяти вышеприведенныхъ заповѣдяхъ. Кто приметъ и будетъ исполнять эти заповѣды, тотъ и будетъ истинный христіанинъ, хотя бы онъ при этомъ не вѣровалъ въ Бога, въ Св. Троицу, въ Божество Іисуса Христа, въ искушеніе Имъ, челоуфеемскаго рода, въ таинства и благодать, въ воскресеніе мертвыхъ для вѣчной жизни, и вообще въ своей вѣрѣ и міросозрѣаніи былъ чѣмъ угодно: скептикомъ, матеріалистомъ, атеистомъ и т. п.

Но спрашивается, кто же уполномочилъ графа, или какое разумное основаніе имѣетъ онъ одинъ пунктъ въ ученіи Христа признавать безусловно важными, общеобязательными и для жизни совершенно необходимыми, а другіе неважными, безразличными, бесполезными, даже вредными ¹⁾? Онъ даже прямо отвергаетъ то, что Самъ Іисусъ Христосъ ясно призналъ очень важнымъ и безусловно необходимымъ. Напр., ни графъ Толстой, ни всѣ невѣрующіе и джевѣ-

¹⁾ Напр., ученіе о благодати онъ считаетъ вреднымъ для нравственной жизни, расхлебывающимъ энергію воли, распозлажившимъ къ безпечности.

рущие философы и ученые не вѣрять въ благодать и таинство не принимаютъ. А между тѣмъ Иисусъ Христосъ необходимымъ условіемъ вступленія въ царство Божіе поставяетъ рожденіе свыше, которое совершается чрезъ крещеніе. *Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царства Божія. Если кто не родился отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царство Божіе* (Іоан. 3, 3. 5), сказать Иисусъ Христосъ Никодиму: *Итакъ, повѣдѣвъ Онь ученикамъ, началъ имъ говорить, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ* (Мат. 28, 19—20). Или, по изложенію другаго Евангелиста: *идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ креститься, осужденъ будетъ.* (Мар. 16, 15. 16).

Графъ Толстой, горячо и не безплодно убѣждая другихъ исполнять заповѣди Христа, самъ отвергаетъ первоосновную Его заповѣдь. Не говоритъ не исполнять: и многіе другіе по слабости человѣческой часто сами не исполняютъ того, чему побуждаютъ другихъ; но онъ отрицаетъ заповѣдь Христа о крещеніи въ принципѣ, по духу своего міросозерцанія. Отрицаніе оя онъ не можетъ оправдать даже ссылкой на основное начало своего богословія, что въ ученіи Христа важна не метафизическая сторона, не объясненіе ученія о жизни, а важно нравственіе или самое ученіе о жизни; потому что заповѣдь о крещеніи есть ученіе о жизни, о рожденіи въ новую, истинно-духовную жизнь. Если онъ отрицаетъ заповѣдь о крещеніи потому, что сущность ея не понятна разуму и потому неудобопріемлема, что возрождающая сила крещенія есть непостижимая тайна, то напередъ нужно бы доказать, что истинная религія не должна имѣть, и дѣйствительно не имѣетъ, никакихъ тайнъ, непостижимыхъ для человѣческаго разума; но Толстой этого не доказалъ и не можетъ доказать. И *какая же религія можетъ быть безъ тайнъ? Только тотъ имѣетъ религію, кто вѣруетъ въ Бога, а Богъ — непостижимая для разума тайна.* Послѣдователю Христа не только нельзя отвергать заповѣдь о крещеніи, но нельзя даже признать ее неважною, нельзя напр. поставить ее ниже тѣхъ пяти заповѣдей, въ которыхъ, по мнѣнію графа Толстого, содержится вся сила

ученія Христа; потому что самая рѣчь, въ которой она выражена, показываетъ, какую великую, лучше сказать, величайшую, исключительную важность придавалъ Иисусъ Христосъ крещенію. Оно совершенно необходимо для того, чтобы сдѣлаться христіаниномъ, чтобы начать новую жизнь, жизнь духовную, жизнь во Христа. Принятіе его столь же необходимо, какъ принятіе Евангелія, какъ вѣра во Христа, какъ исполненіе всего, что заповѣдано Христомъ, и потому оно для всѣхъ обязательно и необходимо.

Отвергая совершенно произвольно эту заповѣдь Христа, равно какъ и многіе другіе важнѣйшіе догматы, проповѣданные Христомъ, графъ Толстой тѣмъ самымъ подкапывается подъ авторитетъ Христа и Евангелія и подрываетъ свою собственную проповѣдь о евангельской морали, заключающейся будто-бы въ пяти заповѣдяхъ, о жизни во Христѣ, противоположной жизни міра. Какъ онъ не замѣчаетъ, что онъ одной рукой созидаетъ, а другой свое же дѣло разрушаетъ? Чѣмъ и какъ убѣдить онъ своихъ послѣдователей въ безусловной истинности и необходимости для жизни человѣка этихъ пяти заповѣдей Христа, когда другія, то же важныя, заповѣди и ученія Христа онъ отвергаетъ, или извращаетъ, или признаетъ непущными для жизни?

Свои надежды на принятіе всѣми людьми этихъ пяти заповѣдей или правилъ жизни графъ Толстой основываетъ на томъ, что безъ нихъ нельзя жить разумною жизнью, что они, только одни и даютъ нуть жизни, и притомъ не новой, а давно знакомый и родной всѣмъ людямъ. Это прекрасно сказано. Но родственны, знакомы и являются важными они для какой природы человѣка? Для неспорченной, или и испорченной, но не глубоко, слѣдовательно далеко не для всѣхъ людей. И догматическое ученіе, содержащееся въ Евангеліяхъ, истинно, а потому сродно человеческой природѣ, и графъ Толстой признаетъ его даже написаннымъ въ сердцахъ людей; а между тѣмъ самъ же онъ обвиняетъ это ученіе за то, что оно возжигало раздоры между людьми, порождало партіи и секты, чрезъ взаимную борьбу которыхъ много пролито человеческой крови. Фактъ вѣренъ, но упрекъ не справедливъ. Истина не есть зло, а благо, и не можетъ производить ни зла, ни бѣдствій. Причина религіознаго разномыслія и фанатизма, произво-

дищихъ въ свою очередь раздѣленіе религіи на секты и кровавую борьбу между ними, лежать въ ограниченности человѣческаго ума, въ невѣжествѣ, въ безсердечіи, въ самомнѣніи, въ нравственной неустойчивости и разращеніи, въ упорствѣ произвола, вообще въ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и страстяхъ.

Правда, нравственные правила проще и общедоступнѣе нѣтъфизическихъ могучъ; однако и относительно ихъ между людьми никогда не было единогласія. Негры воспринимали отъ миссіонеровъ евангельскія догматическія и нравственныя истины, но никакъ не могутъ взять въ толкъ, почему безнравственно имѣть нѣсколько женъ. Англійскій миссіонеръ Мофа, двадцать лѣтъ проповѣдывавшій христіанство южно-африканскимъ племенамъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, рассказываетъ, какъ однажды во время его проповѣди туземцы подвели къ нему одну изъ дѣвицъ, предлагая взять ее себѣ въ жены. Что при этомъ почувствовала г-жа Мофа? восклицаютъ съ англійскою чопорностію миссіонеръ. Но и не дикаря-магометанины вы не убѣдите въ безнравственности многоженства. На мои слова одному мелкому торгашу татарину, что если онъ имѣетъ двухъ женъ, то и каждая жена его имѣетъ право имѣть двухъ мужей, онъ, хотя и не вполнѣ, но дѣльно отвѣтилъ, что отъ одной жены у него дѣтей нѣтъ, а отъ другой есть. Бездѣтные супруги чувствуютъ сердцемя, а вои вообще не могутъ не признать нѣкотораго значенія такой защитѣ многожанства. Совершенно безплодные браки, не скажемъ, не достигаютъ цѣли брака, но достигаютъ ее не вполнѣ. Любопытно, смоготъ-ли графъ Толстой убѣдить хотя одного татарина въ томъ, что каждый долженъ жить только съ той одной женщиной, съ которой онъ разѣ сошелся. Воровство—грѣхъ, а у Кавказскихъ горцевъ оно—удаль. Кровавая месть—тяжкій грѣхъ, а у многихъ низшихъ и даже полуобразованныхъ народовъ она—первѣйшій общественный долгъ и личная обязанность каждаго, уклоненіе отъ которой не мыслимо, позорно. Приношеніе въ жертву богамъ людей и служеніе имъ же нарушеніемъ дѣвства для насъ отвратительно, а между тѣмъ эти странныя жертвы существовали даже у образованныхъ народовъ—Вавилонянъ, Ассиріянъ,* Финикіянъ, у древнихъ средно-

американских племенъ и у другихъ народовъ. Бракъ брата съ сестрой въ насъ можетъ возбуждать только отвращеніе; но онъ—обычное явленіе у вытѣшскихъ Персовъ, существовать также у древнихъ Египтянъ. Война по нашимъ понятіямъ—величайшее зло: у многихъ древнихъ и у многихъ современныхъ народовъ она—постоянное дѣло жизни и благороднѣйшее, рыцарское занятіе. У христіанъ любовь къ врагамъ и самоотверженіе—величайшія добродѣтели: для язычниковъ они—безуміе. Безъ сомнѣнія, не возможно перечислить всѣхъ различій и даже контрастовъ въ проявленіяхъ нравственнаго чувства въ человѣческомъ родѣ. Они столь же разнообразны и многочисленны, какъ и различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Люди не согласны въ пониманіи даже основныхъ требованій нравственнаго закона. Ни совѣсть, которая, безъ сомнѣнія, есть у всѣхъ людей, ни средоточіе съ нашей природой нравственнаго закона, ни вѣковая опытъ, ни здравый смыслъ, которымъ одарены если не всѣ люди, то по крайней мѣрѣ всѣ народы, ни авторитетъ великихъ мудрецовъ, изреченія которыхъ распространялись за предѣлы ихъ отечественныхъ странъ, ни практическая польза отъ исполненія нравственнаго закона и вредъ отъ нарушеній его—ничто не могло предохранить людей отъ забвенія, непониманія и совершеннаго извращенія даже коренныхъ требованій нравственнаго закона. Совѣсть, конечно, есть гласъ Божій въ человѣкѣ; но этотъ гласъ, хотя самъ въ себѣ всегда и безусловно истиненъ и неподкупенъ, къ несчастію, естественному человѣку плохо слышится и превратно имъ понимается; этотъ гласъ подавленъ и заглушенъ вѣковыми предрассудками, порочностью и страстями, не внятнъ темному и слабому, или, что не лучше, извращенному уму, не чувствителенъ грубому сердцу, не двигаетъ кесной, или же развращенной воли. Не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы доходятъ до такого нравственнаго отупѣнія и умственнаго одичанія, что ихъ можно назвать *сожженными въ совѣсти своей* (1 Тим. 4; 2). Въ такомъ случаѣ они, подобно тѣмъ оретикамъ, которыхъ Апостолъ ~~называлъ~~ сожженными въ совѣсти за то, что они *запрещали наступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ* (1 Тим. 4; 3), естественно признають вреднымъ, должное венуж-

нымъ, а неестественное и беззаконное объявляютъ закономъ; нравственное имъ кажется безнравственнымъ, а безнравственное позволительнымъ, или даже священнымъ.

Правда, графъ Толстой, кромѣ невнятнаго голоса совѣсти, для руководства въ нравственной жизни беретъ готовые евангельскія заповѣди. Но вѣдь онъ надѣется послѣдователями и исполнителями этихъ заповѣдей сдѣлать даже невѣрующихъ философовъ. А для такихъ философовъ въ лучшемъ разѣ ученіе евангельское—обыкновенная человѣческая мудрость, въ худшемъ случаѣ оно—непріятная имъ проповѣдь. И въ оцѣнкѣ достоинства и примѣнимости къ жизни нравственныхъ евангельскихъ правилъ судьями опять таки будутъ ихъ собственная совѣсть, ихъ разумъ, ихъ личные вкусы, а еще авторитетные для нихъ голоса другихъ философовъ, господствующихъ въ данное время ученія и т. п.

Впрочемъ и христіане, вѣрующіе въ Божество Христа и въ божественное происхожденіе и достоинство Евангелія, не согласны въ пониманіи и оцѣнкѣ евангельскихъ заповѣдей. Напр., заповѣдь о непротивленіи злу графъ Толстой считаетъ главной евангельской заповѣдью; но христіане всѣхъ исповѣданій вовсе не придаютъ ей и никогда не придавали первостепеннаго значенія. Даже изъ послѣдователей Толстаго, кажется, не всѣ согласны съ его взглядомъ на нее. Взгляды расходятся не только въ пониманіи ея значенія въ ряду другихъ заповѣдей, но и относительно ея сущности. Если бы всѣ люди признали ее и всѣ люди исполняли ее, тогда она не вызвала бы прореканій. Но достигнуть этого не возможно. Признаніе же и исполненіе ея только частью людей будетъ сопровождаться недовольствомъ другой части, и она сдѣлается такимъ же явловкомъ раздора между людьми, какъ любая изъ метафизическихъ идей, изъ за которыхъ люди боролись между собой и не переставали бороться,—то словомъ и перомъ, а то и оружіемъ. По мнѣнію графа Толстаго, Иисусъ Христосъ воспретилъ разводъ безусловно. Допустимъ, что это такъ. Тѣмъ не менѣе въ христіанскихъ обществахъ вращается очень много разнообразныхъ мнѣній о пользѣ и вредѣ развода, о позволительности и непозволительности его, о достаточности и недостаточности тѣхъ или другихъ причинъ для

развода и т. п., и разными церковными и гражданскими законодателями выработаны правила развода, которые и осуществляются на практикѣ. Мы не говоримъ, хорошо это, или дурно: мы только приводимъ примѣръ, какъ люди, принимаящiе Евангелiе, расходятся въ пониманiи его нравственныхъ правилъ и въ примѣненiи ихъ къ жизни. Високая въ этомъ вовсе не Церковь. Если бы и не было Церкви, все равно графъ Толстой не приобрѣлъ бы многихъ послѣдователей своему ученiю о безусловной неразржимости брака. — Въ христiанствѣ были и есть даже такiя секты, которые явно и грубо извращали нравственные требованiя Евангелiи, или же подъ маловажными предлогами отвергали ихъ, или, наконецъ, самочинно подмѣнили вмѣсто нихъ измышленные, иногда совсѣмъ безумныя, правила. Мы уже упоминали о еретикахъ, запрещавшихъ бракъ, какъ злое дѣло. Въ наше время скопцы, основываясь на словахъ Христа о скопцахъ (Мт. 19, 12), не только уродуютъ себя, но и фанатически оскопляютъ другихъ людей. Американскiе Мормоны—христiане, и въ то же время многожонство признають чуть не главною своею обязанностию. Но бывало пѣчто и худшее: древнiе еретикантиномисты (одна изъ гностическихъ сектъ) считали нравственнымъ подвигомъ изможденiе своего тѣла развратомъ. Въ пѣкоторыхъ мистическихъ сектахъ были подираемы здравый смыслъ и логика и практической нравственности придавалось не ~~видное~~ значенiе. Въ православной и католической Церквяхъ монашество признается высшимъ путемъ и подвигомъ жизни, а въ протестантствѣ оно совсѣмъ отвергается.

Даже въ предѣлахъ одной и той же Церкви или исповѣданiя мнѣнiя членовъ Церкви по многимъ вопросамъ о нравственности различны. Даже самые законы, въ которыхъ выражаются нравственные требованiя не частныхъ лицъ, а большинства, или правящихъ обществомъ людей, не всегда одинаковы, но измѣняются по духу времени, по характеру народа, по историческимъ обстоятельствамъ, опредѣляются личностiю правителей народа или руководителей Церкви. Быть и жизнь, мѣсто и время, степени развитiя народа и историческiя судьбы его, одни законы упраздняють, другiе вводятъ. Напр., мнѣнiя по разнымъ вопросамъ

о бракѣ, безбрачїи, разводѣ въ нашемъ русскомъ православиѣмъ народѣ очень разнообразны, и самое законодательство касательно брака и развода не всегда было одинаково. Конечно, измѣненїя касались не существа предмета, а частности его, но всетаки они были. — Далѣе, въ настоящее время среди русскихъ ученыхъ возникли оживленныя разсужденїя объ отношенїи общественной нравственности къ личной, объ относительныхъ преимуществахъ той и другой. Предметъ спора оказался очень темнымъ и труднымъ; нельзя сказать, чтобы ученые рѣшили его, и еще менѣе можно надѣяться на то, что они когда нибудь придутъ къ единогласному рѣшенїю. — Заповѣдь о непротавленїи злу, безъ сомнѣнїя, можетъ вызвать еще болѣе недоумѣнїя, вопросовъ, споровъ и разногласїя, нежели вопросъ объ отношенїи личной нравственности и личного блага къ общественной нравственности и къ общественному благу.

Взятая сама въ себя, in abstracto, нравственная правила просты, общепонятны и крайне не сложны; *ибо всѣ законы, т. е., законъ нравственный, въ слогѣ заключаются: любви ближняго твоего, какъ самого себя.* (Галат. 5, 14; Лев. 19, 18) ¹⁾. Но въ дряхлостїи ихъ къ жизни, особенно столь сложной, какова жизнь современныхъ образованныхъ народовъ, являются многочисленныя столкновенїя обязанностей и разнообразныя затрудненїя, простой и ясный смыслъ ихъ въ умахъ и сердцахъ людей затмѣвается, въ пониманїи ихъ возникаютъ разногласїя и несообразности, а въ осуществленїи послабленїя, уклоненїя и прямыя нарушенїя. Было это прежде, есть теперь и всегда будетъ. Церковь повинна въ этомъ по столько, по скольку она члены и руководители не обладаютъ пышечеловѣческимъ совершенствомъ, и по скольку она не можетъ всѣхъ людей сразу довести до идеальнаго совершенства. Можно, должно и полезно указывать свойственные христіанскимъ обществамъ недо-

¹⁾ Первая и наибольшая заповѣдь: Господь Богъ нашъ есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего вселю сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всею разумнїемъ твоимъ, и есть крутичю твоею. (Мр 12, 29. 30; Мат. 22, 36 — 38; Втор. 6, 4 — 5), заключать въ себя законъ и нравственный и религиозный, а потому-то она главнѣе второй, исключительно нравственной, заповѣди о любви къ ближнимъ.

статки, слѣдуетъ указывать способы для ихъ исправленія, намѣчать лучшіе пути для жизни, давать совѣты и предъ-
 являть требованія; но при этомъ не должно упускать изъ
 виду границъ возможнаго для человѣка и христіанина, а
 также различія между идеаломъ и дѣйствительностію, между
 закопомъ и его пониманіемъ людьми, прижвненіемъ къ жизни
 и осуществленіемъ въ жизни и дѣятельности. Нельзя не
 позавидовать графу Толстому въ томъ, что онъ, имѣя
 свыше 60 лѣтъ отъ роду, когда люди, наученные горькимъ
 опытомъ жизни, обыкновенно теряютъ вѣру въ людей, въ
 бытіе добра и счастья, имѣютъ чисто внѣшнюю вѣру въ
 нравственное совершенство человѣчества въ будущемъ.
 Такая вѣра не можетъ не приносить нравственнаго доволь-
 ства и счастья имѣющему ее; а если она держится не въ
 головахъ только, а живетъ въ сердцѣ и пронизываетъ жизнь,
 то она свидѣтельствуетъ о высотѣ нравственныхъ началъ
 и добродѣтельности человѣка. Но когда Толстой полагаетъ,
 что отсюда люди, какъ бы убѣжденіи они ни держались,
 прямо обратятся къ евангельскому ученію о жизни, без-
 прекословно примутъ и не могутъ не принять пяти запо-
 вѣдей Христа изъ нагорной проповѣди, будутъ исполнять
 ихъ, и начнется золотой вѣкъ въ жизни человѣчества; то
 какъ не подумать, что такъ рассуждаетъ не здравый мы-
 слятель, не талантливый писатель, не мудрецъ, а мечта-
 тель, фантазеръ.

Конечно, крайнія извращенія смысла и требованія нрав-
 ственнаго закона въ значительной мѣрѣ происходятъ отъ
 ложнаго міросозерцанія, опредѣляются ложной метафизикой,
 или извращенной и невѣрной догматикой. Напр., безраз-
 судное ученіе виттиномистовъ объ обязанности человѣка
 измодять свое тѣло распутствомъ вытекаетъ изъ дуали-
 стическаго воззрѣнія на матерію, какъ злую сущность. А
 графъ Толстой, скажутъ намъ, именно и предлагаетъ устра-
 нить метафизику и догматику, такъ какъ онѣ рассуждаютъ
 о томъ, что не понятно и потому никому не нужно и даже
 вредно, вызывая раздоры; нужно ученіе о жизни, а теоре-
 тическія объясненія этого ученія не имѣютъ важности.

Допустимъ на минуту, что метафизика и догматика, т. е.,
 философское и религіозное ученіе о Богѣ, мірѣ и чело-
 вѣкѣ, о бытіи и его познаніи, не важны, бесполезны, даже

предны. Но кто же въ силахъ упразднить ихъ? Кто можетъ вытравить изъ человѣка присущую ему потребность задаваться высшими вопросами о происхожденіи, бытіи, смыслѣ и цѣли всего существующаго, о происхожденіи и назначеніи человѣка, о Первопричинѣ міра и т. п.? Кто можетъ искоренить въ немъ склонность и способность искать отвѣтовъ на эти неотступные вопросы въ изслѣдованіи природы, въ изученіи исторіи, въ проникновеніи въ глубины своего духа, въ размышленіи надъ ученіемъ мудрецовъ, въ созерцаніи красоты въ твореніяхъ природы и искусства, наконецъ, въ освященіи и просвѣщеніи себя изслѣдованіемъ мудрости Божіей, открытой въ Словѣ Божіемъ? Да и полезно-ли не только искоренять, а даже ослаблять или ограничивать эту потребность и способность человѣческаго духа къ изслѣдованію высшихъ вопросовъ, къ возможному проникновенію въ тайны бытія? Эта потребность и эта способность столько же возвышенны, сколько не искоренимы. Онѣ то особенно, въ безграничной степени, возвышаютъ человѣка надъ животными. Разумъ есть высшая, по истинѣ божественная, часть человѣческаго существа. Препятствовать ему въ своей дѣятельности, или ограничивать ее, — совсѣмъ искоренить ее не возможно, — значитъ парализовать его, подобно тому, какъ каждый членъ нашего тѣла слабѣетъ и парализуется при отсутствіи соответствующей ему дѣятельности; а парализовать разумъ — это лучшее средство низвести человѣка въ низменности матеріализма и животности. Не думаемъ, чтобы такой человѣкъ былъ способенъ проводить высоко-нравственную жизнь. Для его прозаическаго и низменнаго ума высшіе подвиги самоотверженія и безкорыстной любви не могутъ быть понятны, онъ для него безразсудство, заслуживающее снисходительнаго сожалѣнія, или даже смѣшное донкихотство. Гдѣ разумъ усмысленъ или бездѣйствуетъ, тамъ не можетъ быть идеаловъ; а гдѣ нѣтъ идеаловъ, тамъ нравственность укладывается въ рамки пользы. Такой человѣкъ считаетъ нужнымъ исполнять изъ нравственнаго закона только то, что, по его соображеніямъ, необходимо для поддержанія чести, достоинства, духовнаго и матеріальнаго благосостоянія.

Скажутъ: разумъ ошибается; философскія и религіозныя метафизика держатъ въ оковахъ заблужденія въ точеніи

сотенъ и тысячъ лѣтъ цѣлые народы; религиозныя заблужденія возматили религиозный фанатизмъ, а фанатизмъ пролилъ потоки человеческой крови.

Но не опробовать чуждыя не можетъ. Заблужденія — неизбежное зло. Есть много средствъ противъ него; но и лучшія изъ нихъ мало помогаютъ. Быть можетъ, наилучшее изъ нихъ — умѣть сознать своя заблужденія, имѣть рѣшимость покидать ихъ и путемъ ошибокъ доходить до истины; но именно этимъ средствомъ люди пользуются не часто. Предлагаемый же графомъ Толстымъ рецептъ леченія метафизическихъ и догматическихъ заблужденій и происходящихъ отъ нихъ бѣдствій устраниемъ метафизики и догматики не можетъ имѣть ни примѣненія, ни настоящаго дѣйствія; онъ столько же не возможенъ, сколько вреденъ. Предлагающій это средство похожъ на врача, который, не умѣя вылѣчить тяжкаго недуга, посоветовалъ бы больному покончить жизнь самоубійствомъ.

Во первыхъ, изгнать метафизику и догматику изъ человеческого обихода, или убѣдить людей совсѣмъ не заниматься метафизическими и догматическими вопросами не возможно. Можно только, да и то на краткое время, ослабить интересъ къ нимъ общества, направивъ вниманіе послѣдняго исключительно на такъ называемыя положительныя науки и сосредоточивая силы, духа на дробномъ изученіи явленій видимой природы и на заботахъ о достиженіи матеріальнаго благосостоянія. Такія эпохи, когда ослабѣваетъ интересъ къ изслѣдованію высшихъ вопросовъ, и метафизика становится смѣшнымъ, или брашнымъ словомъ, дѣйствительно бывають, возникая въ силу законовъ историческаго хода и развитія мысли. Такова именно была пережитая нами эпоха пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Но эти эпохи имѣютъ свой конецъ, и вольѣ за ними обыкновенно философскія и религиозныя науки опять, всегда съ особенной силой, раздвѣгають, подобно тому, какъ жизнь пышно раздвѣгаетъ весной послѣ зимняго сна.

Во вторыхъ, ограниченіе, такъ сказать, правъ метафизики и догматики не можетъ вести къ предположенной графомъ Толстымъ цѣли, — къ годворенію между людьми мира и единодушія. Освободите, если можете, людей отъ мета-

физическихъ и догматическихъ споровъ, они будутъ разногласить въ области морали; ихъ будутъ раздѣлять различия въ пониманіи и примѣненіи права; государственные, экономическіе, социальныя и международныя интересы и отношенія будутъ служить для нихъ всегдашнимъ яблокомъ раздора. Люди и народы раздѣляютъ не философскія только и религиозныя ученія, мнѣнія и убѣжденія: ихъ раздѣляютъ больше всего различія въ характерахъ и вкусахъ, племенные, національныя и личныя особенности, исторически, вѣками сложившіяся традиціи, вѣковые и потому законченныя предрассудки, бытовыя различія, неравенство въ природныя дарованія и въ распредѣленіи богатствъ между народами и индивидуумами, различія родовыя и сословныя, различія въ степени власти и въ другихъ правахъ. Но въ особенности и больше всего людей и народы вооружаютъ другъ противъ друга страсти; эгоизмъ— вотъ главный и никогда не иссякающій источникъ раздоровъ между людьми.

Въ третьихъ, ослабленіе интереса къ метафизическимъ и догматическимъ вопросамъ почти всегда бываетъ признакомъ усталости мысли и пониженія умственнаго уровня среди образованныхъ народовъ. Правда, презрѣніе къ метафизикѣ въ третью четверть нашего столѣтія было вызвано слишкомъ большими, не удавшимися претензіями философіи Гегеля и было естественной реакціей противъ излишняго увлеченія этой и вообще идеалистической философіей; ученые того времени оправдывали свое отвращеніе отъ метафизики обнаруженіемъ будто бы ея неспособностію рѣшить тѣ вопросы, за которые она берется. Это обвиненіе было отчасти справедливо. Но разъ изъ за недостатковъ метафизики отвергали ее совсѣмъ, ненавидѣли ее и гнушались ею, это-то всего болѣе и говорило объ ограниченности умственнаго кругозора обвинителей метафизики, о неспособности ихъ понять даже того простаго факта, что вопросы, рѣшаемые метафизикой и догматикой, — вопросы высшіе, вѣчные, всегда и неизбѣжно живущіе въ умѣ и сердцѣ человѣка, и что насмѣшками надъ метафизикой нельзя принудить человѣка забыть то, чего забыть онъ не можетъ, не переставши быть человѣкомъ. О фактѣ этомъ говоритъ чуть не каждая страница исторіи мысли и вѣрованій чело-

вѣчества, и онъ же обнаруживается въ душѣ и въ жизни
каждаго мыслящаго, или вѣрующаго человѣка, а между
тѣмъ ученые того времени не могли его ни понять, ни
признать. Въ ослѣпленіи они не хотѣли видѣть и того
общезвѣстнаго факта, что сами эмпирическія науки, ко-
торыя ими признаются единственно истиннымъ и полезнымъ
знаніемъ, ростомъ своимъ много обязаны метафизикѣ. Не
могли они понять и того, что изученіе явленій природы и
человѣческой жизни почти не имѣетъ смысла и не можетъ
быть даже названо наукой, если въ концѣ концовъ не при-
ведетъ къ лучшему пониманію основъ и цѣлей бытія и
жизни, т. е.; къ уясненію все тѣхъ же неотступныхъ ме-
тафизическихъ вопросовъ. Уже одно нежеланіе или отказъ
ислѣдывать высшіе, метафизическіе вопросы по той при-
чинѣ, что они трудны, или неразрѣшимы, есть признакъ
низменности, ограниченности, односторонности, слабосилія
и легкомыслія ума. Люди съ неповерхностнымъ, но глибо-
кимъ умомъ, и съ широкимъ кругозоромъ, люди соединяв-
шіе съ пронизательностію ума широту воображенія и жи-
вость чувства, какъ религіознаго, такъ и эстетическаго,
серьезные мыслители и гении, никогда не чуждались этихъ
вопросовъ, а, напротивъ, послѣдніе и были настоящей
стакіей, въ которой парила ихъ мысль и жило сердце.
Если, такимъ образомъ, есть средство возвышенныхъ и
сильныхъ умовъ съ метафизическими вопросами, тогда
какъ, напротивъ, равнодушіе и пренебреженіе къ нимъ,
обыкновенно предполагають низменность и ограниченность
духа, то не безразсудно-ли вооружаться противъ метафи-
зики и догматики и стараться изгнать изъ науки и ~~жизни~~
содержащіеся въ нихъ вопросы и истины? Полезно-ли, не
говоримъ, изгонять, а хотя бы только равнодушно забывать,
или удалять на задній планъ то, что питаетъ и возвышаетъ
духъ, просвѣщаетъ его и освящаетъ, заразы служитъ че-
ловѣку и медомъ, услаждающимъ его жизнь, и солью, пред-
охраняющей его отъ нравственнаго глѣнія. Пусть многіе
зablуждаются въ исканіи истины, и никто не достигаетъ
полнаго пониманія ея; но самый процессъ исканія истины
не менѣе полезенъ, чѣмъ обладаніе ею. Онъ спасаетъ
человѣка отъ лѣни, душевной пустоты и нравственнаго
порочія; чрезъ него растетъ и крѣпнеть внутренній чело-

вѣкъ; онъ бываетъ иногда для человѣка той драгоценною жемчужиной, ради которой человѣкъ жертвуетъ всѣми земными благами; онъ, если не всегда возводитъ, то по крайней мѣрѣ можетъ возводить разумъ, весь духъ и всю жизнь человѣка на такую высоту, до которой трудно достигнуть даже и хорошиѣмъ, но исключительно практическимъ людямъ.

Въ четвертыхъ, для самого ученія о жизни, т. е., для ученія о нравственности, на которое графъ Толстой возлагаетъ всѣ свои надежды, догматика и метафизика необходимы. Самъ же онъ говоритъ, что всѣ религіи состоятъ изъ ученія о жизни, т. е., изъ нравученія, и изъ метафизическаго объясненія ученія о жизни. Это такъ и есть и не можетъ быть иначе. Такой составъ всѣхъ религій изъ догматической и этической сторонъ, не исключая и религій безусловно истинной, христіанской, уже самъ по себѣ говоритъ о существенной важности обѣихъ ихъ. И самъ Толстой усматриваетъ коренную порчу церковнаго христіанства въ томъ, что въ немъ будто бы эти двѣ стороны раздѣлились, и одна сторона, именно ученіе о жизни, подверглась извращенію и какъ бы забвенію, такъ что осталось только одно объясненіе ученія о жизни, сторона догматическая. Это было-бы дѣйствительно большое зло, если бы нравучительная сторона религій была совсѣмъ затоплена или отстранена догматической. Но Толстой преувеличилъ фактъ: въ церковномъ ученіи есть только нѣкоторое преобладаніе догматической стороны религій предъ нравучительной, а не поглощеніе первой второй. Быть можетъ, въ христіанствѣ это преобладаніе иногда превышало мѣру должнаго; но это — недостатокъ не столько самой Церкви, сколько богословскихъ школъ, или же неправославныхъ исповѣданій и сектъ. Закономѣрно же преобладаніе догматической стороны предъ нравучительной не есть недостатокъ. Графъ Толстой отдаетъ рѣшительное преимущество нравученію предъ догматической стороной религій; но съ нимъ можно спорить. Догматъ не есть только объясненіе нравственнаго правила, чѣмъ считаетъ его Толстой: онъ — основа нравственнаго правила, и въ этомъ его преимущество предъ послѣднимъ, его право на первенство предъ нимъ.

По мнѣнію графа Толстаго, философское ученіе объ

альтруизмъ есть только перифразъ христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ. На самомъ же дѣлѣ между ними глубокое различіе, и оно вытекаетъ именно изъ отличія догматической основы христіанской любви къ ближнимъ отъ метафизическаго основанія альтруизма. Смыслъ, характеръ и цѣль христіанской любви къ ближнимъ опредѣляются любовью къ личному Богу, какъ общему воіхъ отцу и спасителю, какъ существу совершеннѣйшему, какъ благому промыслителю, святому и милосердому издознавателю. Напротивъ, альтруизмъ держится на пантеистическомъ ученіи, что человѣкъ—часть вселенной, принадлежитъ ей и долженъ любить другихъ людей потому, что они—это онъ же самъ. Для христіанина образецъ въ его любви къ ближнимъ—Богъ; но кому подражаетъ пантеистъ—альтруистъ? Мотивами христіанской любви къ ближнимъ служатъ любовь и благодарность къ Богу, потребность спасенія и надежда на вѣчную жизнь; мотивомъ пантеистическаго альтруизма является туманная мысль о сродствѣ, сличіи и тождествѣ интересовъ человѣка со всѣмъ существующимъ, хотя видимая дѣйствительность мало оправдываетъ ее. Христіанская любовь къ людямъ есть истинная, самоотверженная любовь: альтруизмъ въ сущности есть замаскированный эгоизмъ, утонченный расчетъ на то, что любовь къ людямъ натуральнѣе и полезнѣе, какъ воіхъ, такъ и самому человѣку, нежели личный эгоизмъ. Въ своихъ основахъ и по существу альтруизмъ есть любовь къ людямъ натуралистическая, хотя и не въ грубомъ смыслѣ этого слова: христіанская любовь, къ ближнимъ, какъ любовь человѣческая, также содержитъ въ собѣ натуралистическіе элементы, но она осанщадается вѣрой въ Бога и любовью къ Нему и благодатию.

Если основы нравственнаго правила лежать въ догматѣ, то и все вообще правоученіе основывается на догмативѣ. Христіанская догматика—наука основоположительная.

Точно такое же отношеніе наблюдается и между метафизикой, какъ теоретическимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и философской этикой или философской системой правоученія: первая являющаяся опредѣляющимъ началомъ, послѣдняя—вытекающимъ изъ нея выводомъ. Такъ бываетъ по крайней мѣрѣ въ сложившемся, готовомъ и цѣломъ міросозерцаніи. Но ~~мы~~ не отрицаемъ того, что въ процессѣ

образования его, психологически, нравственным и умственным элементам взаимно переплетаются и друг друга определяют, так что даже самому, переживающему этот процесс, человеку не легко уяснить себе взаимную относительную силу тех и других ~~элементов~~. Степень влияния тех и других на жизнь и склад мирозерцания является в зависимости от воспитания, характера лица, духа времени и других условий; она изменяется даже в одном и том же лице в разные периоды его жизни и по разным случаям последняя. Но в целой жизни человека и особенно в жизни народов главной, определяющей силой является их теоретическое мирозерцание.

В пятых, пренебреженье к догматам и метафизик привело Толстого к извращенному взгляду на христианство. Он полагает, будто „учение Христа не спорить с людьми нашего мира об их мирозерцании, оно вперед соглашается с ним и, включая его в себя, дает им то, что им необходимо и чего они ищут; оно дает им путь жизни“. Такой взгляд на отношение христианства к всякому бы то ни было мирозерцанию — совершенный парадокс, чистая ложь. Христианство — религия единобожная: неужели же оно не будет бороться против многобожного извращения и будет включать в себя политеизм, лишь бы приверженцы последнего исполнили пять заповедей Христа? Иисус Христос учил о личном Боге, Отце Своем и Отце всех людей: неужели же христианство может помириться с пантеизмом и признать пантеистов истинными христианами, как бы им была высока их нравственность? Нравственными людьми могут быть и бывали даже материалисты, и это потому, что, как мы выше сказали, деятельность, направленная к изысканию истины и особенно к изследованию высших вопросов, предохраняет человека от нравственной порчи: но неужели христианство не должно спорить с материализмом и нравственных материалистов считать своими сторонниками. Думать так о христианах, значит признавать его равнодушным к истине. Такого рода индифферентизм не только жалок, но он безпримирен, не возможен. Неужели христианство в целях привлечения к себе всех разномыслящих с ним может и должно пощадить основ-

ные законы логики, законы тождества и противорѣчія, говорить объ одномъ и томъ же предметѣ да и нѣтъ? Если я единобожникъ, то я уже не могу и не долженъ называть своими единовѣрцами многобожниковъ; если я признаю единобожіе истиной, то я не могу не считать многобожія ложью и, изъ уваженія къ истинѣ и ради блага заблуждающихся, обязать учить ихъ истинѣ, доказывать и изобличать ихъ заблужденіе, а вовсе не соглашаться съ нимъ. Можно и должно любить и враговъ, но нельзя называть друзьями христіанства враговъ его, какъ напр. матеріалистовъ. Распаденіе христіанства на многочисленныя и взаимно-враждебныя исповѣданія и секты — величайшее зло. Но нельзя же для его урочеванія обезличивать христіанство, вытряхивать изъ него самую его сущность, однимъ словомъ, налагать на него руку? Люди отъ этого не станутъ единоклубнѣе и дружелюбнѣе, а чистота христіанства замутится больше прежняго; христіанства даже вовсе не останется: выйдетъ какое-то невозможное смѣшеніе разнородныхъ религій и философій, и связью между ними будутъ служить только нѣсколько нравственныхъ правилъ, да и эти, при различіи міросозерцаній, будутъ понимаемы не одинаково. Истинное христіанство утратится, а единеніе между частными мнѣніями христіанства не достигнется.

Въ послѣднихъ, Толстой, отрицая метафизику, самъ однако въ нее. Онъ самымъ дѣломъ показываетъ невозможность мыслящему человѣку, хотя бы онъ былъ исключительнымъ моралистомъ, удовольствоваться готовыми правилами морали и удержаться отъ размысленій о метафизическихъ вопросахъ, отъ стремленія уяснить себѣ и выработать свое міросозерцаніе. Въ сочиненіи его „О жизни“ ¹⁾ есть много утопченныхъ метафизическихъ размысленій, по духу — пантеистическихъ. Не даромъ говорить пословица: природу выгони въ дверь, она влетитъ въ окно.

Наконецъ, самый источникъ неуваженія графа Толстаго

¹⁾ Мы читали только послѣднія главы въ книгѣ „О жизни“, помѣщенной въ 13-й части сочиненій Толстаго, и еще выдержки изъ нея въ сочиненіи профессора Гусева: „Любовь къ людямъ въ ученіи графа Л. Толстаго и его руководителей“. Полнаго сочиненія, вышедшаго изъ лейпцигскаго изданія подъ заглавіемъ: „Ueber Leben“. Leipzig 1889 г., мы пока не имѣли.

къ догматикѣ и метафизикѣ нельзя признать ни безузори-
тельно чистымъ, ни неизсякающимъ. Этотъ источникъ—
склонность его къ исключительному, одностороннему мора-
лизму. Какъ крайность и односторонность, исключительный
морализмъ есть недостатокъ, подобно тому, какъ и противо-
положная крайность—односторонній интеллектуализмъ—тоже
есть недостатокъ; потому что и тотъ и другой въ отдѣль-
ности не обезпечиваютъ обладанія полнотою истины и жизни.
Они должны быть соединены и взаимно уравновѣшены, а
не должны исключать другъ друга. Какъ для полноты,
цѣльности и вообще нормальности жизни человѣка тре-
буется соединеніе интеллектуальной силы и зрѣлости съ
нравственной энергіей воли, такъ и для плодотворности
самой проповѣди о жизни необходимо, чтобы она совмѣ-
щала въ себѣ истинныя понятія о предметахъ съ духомъ
чистѣйшей нравственности. Къ сожалѣнію, очень часто въ
человѣкѣ излишнее преобладаніе умственной дѣятельности
ослабляетъ склонность и способность къ практической дѣя-
тельности, и, наоборотъ, привычка къ практической дѣя-
тельности не даетъ времени и лишаетъ охоты къ созерца-
нію и самоуглубленію. Подобная неравномѣрность умст-
венныхъ и волевыхъ силъ замѣчается и въ дѣлахъ наро-
дахъ: одни, какъ Нѣмцы, больше склонны къ интеллекту-
ализму, а другіе, какъ Англичане, отличаются практическимъ
характеромъ. Но и въ жизни однихъ и тѣхъ же народовъ
въ однѣ эпохи преобладаетъ интеллектуализмъ, а въ дру-
гіе—морализмъ. Въ слѣдъ за эпохою Кантовскаго морализма
господствовалъ интеллектуализмъ идеалистической фило-
софіи, который, въ свою очередь, въ послѣднее полуто-
лѣтіе уступалъ мѣсто сначала научному эмпиризму, а въ
самое послѣднее время философскому морализму. Въ на-
стоящее время господство морализма обнаруживается: въ
возрожденіи кантіанства у такъ называемыхъ новокантіан-
цевъ; дагѣе, въ пессимистической философій, которая ави-
лась въ лицѣ Шопенгауера еще въ эпоху Гегеля, но была
тогда въ совершенномъ пренебреженіи и господствующей
сдѣлалась только въ послѣднюю четверть вѣка; наконецъ,
въ позитивизмъ, провозвѣстниками котораго явились Англи-
чане и Французы. Графъ Толстой съ своимъ морализмомъ
выражаетъ духъ нашего времени. Его морализмъ эклекти-

ческий, собирательный. Въ его нравственномъ ученіи со-
вмѣщены евангельскія заповѣди, пантеистическо-натурали-
стическая мораль пессимизма и практическая, утилитарная
мораль позитивизма. Вотъ почему мы и назвали источникъ
его нравственнаго ученія не совсѣмъ чистымъ. Недостатокъ
чистоты въ правоученіи пессимистовъ и позитивистовъ и
въ правоученіи графа Толстаго, а также и излишокъ въ
увлеченіи морализмомъ не общающъ этому увлеченію долго-
вѣчности. Если бы графъ Толстой не былъ теперь старя-
комъ, то, быть можетъ, онъ дожилъ бы до того времени,
когда многіа его изреченія, почитаемыя теперь словами
мудреца, будутъ называть непонятными парадоксами, а все
вообще его ученіе забудутъ. Толстаго, какъ художествен-
наго писателя, будутъ помнить очень долго, а его же,
какъ философа — моралиста, забудутъ очень скоро. Дѣти
тѣхъ, которые теперь увекажуютъ его ученіемъ, будутъ
называть ихъ сумасбродами. Философія его останется, во
вліяніе-то оя прекратится. Она слишкомъ одностороння и
легковѣсна для того, чтобы могла противостоять закону
постоянной смѣны направлений мысли.

Какъ различны взгляды интеллектуалистовъ и морали-
стовъ на одніа и тѣ же вещи, это можно видѣть изъ слѣ-
дующаго пригѣра. Въ свое время интеллектуалистъ Бокль
писалъ, что нравственное ученіе, выражающееся въ не-
многихъ правилахъ, всегда было одно и то же, какъ во
времена Моисея, такъ и теперь, что нравственность — сила
не прогрессивная, и что человѣчество развивается исключи-
тельно чрезъ развитіе умственное, чрезъ умноженіе позна-
ній. Тогда такой взглядъ отвѣчалъ духу времени, и никто
не думалъ его оспаривать; онъ казался совершенно есте-
ственнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ. — Теперь графъ Тол-
стой, какъ моралистъ, высказываетъ изгядъ совершенно
противоположный. По его мнѣнію, метафизическое ученіе
Христа — не новое, оно написано въ сердцахъ людей и его
проповѣдывали всѣ истинные мудрецы міра; сила ученія
Христа не въ объясненіи смысла жизни, а въ ученія о жизни,
въ приложеніи метафизическаго ученія къ жизни. И этотъ
изгядъ теперь не всѣмъ покажется страннымъ. На самомъ
же дѣлѣ оба изгяда — крайности и не вѣрны. Противъ
изгяда Бокля достаточно указать на слова Иисуса Христа:

заплатить новую даю вам, да любите друг друга (Иоан. 13, 34); даѣе, сослаться на тотъ фактъ, что нравственность необразованной черни христіанскихъ народовъ гораздо выше образованныхъ азіатическихъ народовъ; наконецъ, упомянуть о томъ, что и въ средѣ христіанскихъ народовъ уровень нравственности не всегда повышается пропорционально подъему культуры и развитію знаній. Графу Толстому можемъ возразить: неужели до-христіанскіе мудрецы міра имѣли истинныя понятія о Богѣ, о происхожденіи міра и человѣка, о загробной участи послѣдняго, о взаимныхъ отношеніяхъ Бога и человѣка, объ искупленіи и о многомъ другомъ? Столько лѣтъ графъ проводитъ свою жизнь среди русскихъ мужиковъ, а не знаетъ того, что даже величайшіе азіатскіе мудрецы ощупью и въ потьмахъ касались тѣхъ предметовъ, а объ иныхъ и вовсе не знали, которые въ христіанствѣ и безграмотные пророцы видятъ освѣщенными, и о „божественномъ“, какъ они выражаются, могутъ знать твердо и съ увѣренностію то, относительно чего терзались въ догадкахъ и сомнѣніяхъ древніе мудрецы.

Впрочемъ, въ настоящее собственно время моральнымъ графа Толстаго, отвѣчая потребностямъ времени, не бесполезенъ. Его горячія и сильныя обличенія плотоугодія и легкости нравовъ, развращающей роскоши и погони за удовольствіями въ современномъ цивилизованномъ обществѣ достигаютъ своей цѣли. Онъ съ поражающею очевидностію доказываетъ, какъ жалки и мизерны блага, къ которымъ стремятся люди, живущіе по правиламъ міра, и какой цѣной тяжелей жертвы они покупаются и тяжелыхъ страданій вознаграждаются. Мѣтко описываетъ онъ крайнюю искусственность и ненормальность воспитанія и всей жизни жителей большихъ городовъ, лишенныхъ живительнаго общенія съ природой. Людямъ сего міра, большаю частію равнодушнымъ ко всему божественному, или вовсе отрицающимъ его, онъ внушительнымъ жестомъ указываетъ на Евангеліе, какъ на источникъ истинной жизни. Важно уже и то, что онъ напоминаетъ о несравненной важности этого источника истины и счастья яко-бы образованнымъ людямъ нашего времени, которые, къ стыду нашего вѣка, дѣйствительно, забыли о немъ, а иные либо стыдятся, либо не любятъ говорить о немъ. Но еще важнѣе проповѣдь его

о томъ, что только жизнь по евангельскимъ заповѣдямъ есть истинно счастливая и достойная человѣка жизнь и что жизнь по правиламъ міра противоположна ей. Онъ доказываетъ разумность, жизненность и исполнимость евангельскихъ заповѣдей. Онъ призываетъ легкомысленныхъ къ серьезной жизни, порочныхъ къ исправленію, невѣрующихъ къ религіи. Онъ научаетъ любовно и человѣчно относиться къ людямъ, кто-бы и каковы бы они ни были. Его мысль о необходимости и полезности для каждаго человѣка проводить черную работу хотя и привела къ сумасброднымъ затѣямъ толстовцевъ-колонистовъ, но, съ другой стороны, она нанесла новый ударъ господствовавшему у насъ во время крѣпостнаго права и ослабѣвшему только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе предрассудку, будто „благороднымъ“ стыдно и не должно заниматься чернымъ трудомъ. По многимъ причинамъ его прязнь общества къ правоученному перерожденію имѣетъ особенную дѣйственность: его проповѣдь изложена талантливо; онъ давно заслужилъ славу первокласнаго писателя, и потому ученіе его имѣетъ большой авторитетъ; наконецъ, онъ самъ былъ нѣкогда невѣрующимъ, да и теперь онъ не церковно-вѣрующій, а потому его правоученіе никто не можетъ заподозрить въ официальности и неискренности, и оно тѣмъ внушительнѣе должно дѣйствовать на тѣхъ, которые и доселѣ остаются въ невѣрїи. Замѣчательно, что наши либералы, полемизируютъ противъ Толстаго, и ихъ полемика, думаемъ, вызвана не парадоксами въ его ученїи, а сознаніемъ, что онъ только одной ногой стоитъ въ ихъ лагерьѣ, а другой—во враждебномъ. Странное явленіе, что противъ него борятся церковные и антицерковные люди; только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ двойтсся въ своемъ ученїи, принадлежитъ двумъ противоположнымъ лагерямъ, онъ въ одно и то же время и вѣрующій и скептикъ. Отъ того и плоды его ученїа двойны—хорошіе и дурные. Пожелаемъ, чтобы онъ, ставши одной ногой на камнѣ вѣры, вылезилъ и другую ногу изъ тины сомнѣній и заблужденій. Какъ писателя свѣтскаго, талантливаго и авторитетнаго и какъ бывшаго невѣрующаго его читаютъ и правоученію его слѣдуютъ даже такіе люди, до которыхъ церковная проповѣдь или совсѣмъ не достигаетъ, потому что они въ храмъ не

ходить, или выслушивается ими съ совершеннымъ равнодушіемъ и никакому дѣйствию на нихъ не оказывается. Къ числу безусловно полезныхъ и свободныхъ отъ преувеличеній и парадоксовъ принадлежитъ его статья: „Праздникъ просвѣщенія 12 января“¹⁾. Эта очень маленькая, но образцовая статья бичуетъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ русскомъ народѣ, отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ его слоевъ, пороковъ—склонность къ пьянству и кутежамъ. Въ этой статьѣ графъ Толстой деликатно, но очень больно высѣкъ „людей просвѣщенія“, и многихъ изъ нихъ, читая эту статью, или слыша разговоры о ней, приходится *faire bonne mine au mauvais jeu* (сладко улыбаться при дурной игрѣ).

Но опять повторимъ, мы не вѣримъ въ продолжительность вліянія его проповѣди на улучшение нравовъ. А его надежды на то, что отнынѣ начинается новая блестящая эра въ нравственной жизни христіанскихъ народовъ, мы признаемъ мечтами, которымъ не суждено сбыться въ той мѣрѣ, какъ онъ ожидаетъ. Мечта то, будто отнынѣ христіане и даже невѣрующіе будутъ черпать нравственныя правила только изъ Евангелія. Самъ Толстой своими сочиненіями обнаруживаетъ несбыточность этой мечты, потому что содержащееся въ нихъ нравоученіе заимствовано не изъ Евангелія только, а и изъ философскихъ системъ, и по существу своему и духу есть не чисто евангельское нравоученіе. Мечта и то, будто отсѣль, послѣ сдѣланныхъ графомъ Толстымъ разъясненій смысла евангельскихъ заповѣдей, люди будутъ понимать ихъ именно въ томъ смыслѣ, какой въ нихъ содержится. Если само Евангеліе не можетъ предохранить всѣхъ исповѣдующихъ его отъ заблужденій, то могутъ-ли достигнуть этого слабыя человѣческія разъясненія его содержанія? Нужно отнести на счетъ непомѣрянаго авторскаго самомнѣнія графа то, будто онъ первый открылъ и объяснилъ истинный смыслъ евангельскаго нравоученія, будто его разъясненія безусловно правильны и будто всѣ должны согласиться и согласятся съ ними. Еще болѣе несбыточно ожиданіе, будто люди, разъ они начнутъ почерпать нравственныя правила прямо изъ Евангелія и

¹⁾ Она помѣщена въ 13-й части сочиненій графа Толстаго.

будутъ знать ихъ истинный смыслъ, едѣлаются праведниками. Главная бѣда не въ томъ, что люди не знаютъ евангельскихъ заповѣдей, или неправильно понимаютъ ихъ, а въ томъ, что они имѣютъ слабость не исполнять ихъ, не имѣютъ силъ исполнять. Никакая философія, никакое правоученіе, или заповѣди не могутъ излѣчить отъ этого недуга: онъ неискоренимъ. Не только знаніе добра, но и желаніе добра не всегда сопровождается осуществленіемъ его. Нравственный законъ даетъ знать, что должно и чего не должно дѣлать, но не даетъ силъ дѣлать. Разслабленный ногами видитъ, куда идти, но онъ не имѣетъ силъ идти. *Заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти... Законъ духовенъ, а я плотникъ, продавъ грѣху. Ибо не покидаю, что дѣлаю: потому что, не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ; а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живу въ мнѣ, то есть, въ плоти моей, добро; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать добро, принадлежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие въ законъ Божию; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня пленникомъ закона грѣховнаго, находившагося въ членахъ моихъ. Итакъ тотъ же самый я умомъ моимъ служу закону Божию, а плотію закону грѣха (Рим. 7, 10—25).* Приводя эти слова, нѣтъ даже нужды сослаться на авторитетъ Апостола, потому что каждый постоянно переживаетъ изображаемое въ нихъ состояніе борьбы двухъ законовъ: закона Божія и закона грѣха, закона ума и закона плоти, и каждый знаетъ, что сила грѣха въ человѣкѣ неискоренима и всегда дѣйствуетъ, а потому Апостолъ и называетъ ее закономъ; и не только грѣхъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, но часто и господствуетъ въ немъ. Не забудамъ, что Апостолъ говоритъ это не объ естественномъ человѣкѣ, не знающемъ Еванге-

ли и не возрожденномъ благодатию, а именно о христіанахъ, даже о самомъ себѣ, слѣдовательно примѣняетъ свои слова къ истиннымъ христіанамъ, знающимъ Евангеліе, и желающимъ жить по немъ. А графъ Толстой съ какою-то наивною самоуверенностію полагаетъ; что отънынѣ люди міра не могутъ не чувствовать своей беспомощности и не могутъ не принять ученія Христа. Допустимъ, что прижмутъ, но исполнить-ли? Слѣдуя закону ума, будутъ исполнять заповѣди Христа, а подчиняясь закону плоти или грѣха исполнить не будутъ, т. е., будетъ то же, что было доселѣ и есть теперь. Можно, конечно, ожидать правдиваго подъема въ народѣ и даже у всѣхъ христіанскихъ народовъ, но нельзя рассчитывать ни на какую-то необыкновенную, никогда бывавшую высоту его; ни на продолжительность его. Можно, если угодно, мечтать о скоромъ и необходимомъ водвореніи на землѣ рая, можно пускаться въ праздныя разглагольствія о томъ, что для достиженія этого желаннаго состоянія найдено ирреальное и дѣйствительное средство, вполне надежный путь къ нему; можно утѣшать себя приятнымъ сознаніемъ, что именно мы открыли въ первый разъ это средство и показываемъ міру этотъ путь; можно хвастаться этимъ открытіемъ; но не слѣдуетъ терять изъ виду различія между фантастическимъ міромъ сказокъ и дѣйствительною жизнью, между несбыточными мечтами и осуществимыми, серьезно задуманными планами, между приятными разглагольствіями о томъ, какъ было бы хорошо, если бы молочныя рѣки текли въ кисельныхъ бѣрегахъ, и основанными на глубокомъ изученіи человѣческой природы и жизни скромными предположеніями о способахъ улучшенія и преобразованія жизни. Толстой вовсе не первый выступаетъ съ мечтой водворенія на землѣ рая. Волѣ двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ философъ Платонъ въ своемъ сочиненіи *Государство* создалъ полнѣйшую теорію идеальнаго общества, построеннаго на социалистическихъ началахъ; но онъ писалъ на столько мудрости, чтобы не мечтать объ осуществленіи идеальнаго государства при своей жизни, или въ ближайшемъ будущемъ. Въ новѣйшее время Фурье и Сенъ Симонъ выступили съ подобными же проектами идеальнаго социалистическаго строя жизни, но, конечно, проекты такъ и остались проектами. Наконецъ, въ наши

дни социальности замышляютъ распредѣлить равномерно и правомѣрно трудъ и капиталъ между всѣми людьми и этикъ способомъ доставить всѣмъ и каждому благосостояніе и очастіе. Чѣмъ кончится социалистическое движеніе нашего времени, не извѣстно; но пока оно производитъ только волненія, а въ будущемъ во всякомъ случаѣ не осуществитъ мечтаній о благосостояніи всѣхъ людей. Съ боязнію ожидаютъ, что социализмъ можетъ испровергнуть существующій строй жизни, и притомъ насильственнымъ, посредствомъ ужаснаго кровопролитія. Но кто можетъ поручиться, что строй жизни, измѣняющійся на развалинахъ современной цивилизаціи, будетъ лучше настоящихъ порядковъ? Да если бы онъ и оказался лучше теперешняго строя жизни, всетаки про него должно будетъ сказать: это—цѣна крови. Не чуждый социалистической тенденціи, графъ Толстой отличается отъ социалистовъ тѣмъ, что онъ надѣется счастье человечества воздвигнуть не столько на уравненіи труда и капитала и вообще не на экономическомъ благосостояніи, а на осуществленіи всѣми людьми нравственнаго закона, на исполненіи всѣми людьми возвышенныхъ евангельскихъ заповѣдей, на усвоеніи всѣми людьми евангельскаго правоученія. Въ этомъ отношеніи ученіе графа Толстаго далеко возвышается надъ ученіемъ социалистовъ, которые забываютъ, что матеріальное благосостояніе даетъ человѣку счастье изкопробное, мало превышающее благополучіе животныхъ, когда ихъ хорошо кормятъ и не обременяютъ непосильной работой, что само матеріальное благосостояніе не можетъ быть прочнымъ, если оно не сопровождается добродѣтелью; что безъ добродѣтели оно располагаетъ человѣка къ извѣженности, разращенію и одичанію, ускоряетъ вырожденіе и пымираніе цѣлыхъ народовъ. Графъ Толстой своею энергическою и талантливою рѣчью о томъ, что человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, долженъ жить нравственно, а чтобы жить нравственно, долженъ исполнять евангельскія заповѣди, что жизнь по ученію міра, а не по ученію Христа, не достойна человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ, — принесъ много пользы. Но онъ напрасно обольщаетъ себя мыслию, будто ему первому выпала честь говорить это, а раньше или совсѣмъ не говорили объ этомъ, или и говорили, но не

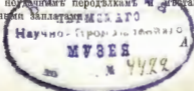
такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ забывалъ, что проповѣдники и правоучители всѣхъ вѣковъ и во всѣхъ странахъ говорили то же самое. И проповѣдь ихъ, безъ сомнѣнія, не оставалась безъ добраго вліянія на людей. А святые самою своею жизнію, и, конечно, оцѣнѣе, чѣмъ словомъ, учили, что чрезъ исполненіе евангельскихъ заповѣдей человекъ достигаетъ и нравственнаго совершенства и высшаго счастья. Но никто изъ возвыщавшихъ евангельскую истину и словомъ и дѣломъ не мнилъ, будто только онъ одинъ истинный провозвѣстникъ Евангелія. Еще меньше кто нибудь изъ нихъ мечталъ о томъ, что скоро, особенно благодаря его проповѣди, всѣ люди не только примутъ евангельскія заповѣди, но и будутъ исполнять ихъ. Укажемъ въ примѣръ: даже глн такихъ правоучителей, съ которыми равняться никто изъ людей не можетъ.

Чрезъ Моисея Богъ далъ законъ своему избранному народу. Именемъ Бога Моисей ублаждалъ народъ, что если онъ будетъ исполнять законъ, то будетъ: за это пользоваться всеми благами, а если будетъ нарушать его, то поднергнется всевозможнымъ бѣдствіямъ. Но Моисей отнюдь не обольщалъ себя надеждой, что весь народъ и во всѣ времена будетъ помнить его увѣщанія и будетъ неуклонно исполнять законъ Божій. Время показало, что народъ еврейскій, какъ ни высоко онъ цѣнилъ своего славнаго вождя и освободителя отъ египетскаго рабства, своего великаго законодателя и пророка, говорившаго лицемъ къ лицу съ Богомъ, однако мало помнилъ его заветы и дурно исполнялъ данный чрезъ него законъ Божій, и даже всонародныя бѣдствія, которыми обыкновенно сопровождалось нарушеніе основныхъ законовъ Божіихъ, не на долго ослабляли невѣріе и безнравственность народа. Впрочемъ Моисей все-таки былъ человекъ. Но вотъ пришелъ на землю Самъ Богъ во плоти человѣческой. Онъ принесъ не только законъ, и законъ совершеннѣйшій, Онъ пришесть людямъ свѣтъ и жизнь, благодать и истину (Іоан. 1, 1—18), далъ имъ въ Себѣ самою путь къ Богу (Іоан. 14, 6), просвѣтилъ ихъ Духомъ Святымъ (Іоан. 16, 13—15). Дѣйствительно, благодать и истина евангельскія широко распространились по землѣ, возродили челоѣчество, просвѣтили народы, поставили ихъ на высоту недостижимаго прежде нравственнаго

совершенства, возвысили и матеріальное благосостояніе ихъ, умножили на землѣ счастье и возвысили достоинство его, возвысили, какъ идеалы мысли и жизни, такъ и самую жизнь и мысль, дали наукамъ и искусствамъ, общественной и семейной жизни то важнѣйшее, чѣмъ они прежде были бѣдны,—идеалы не земной, а небесной жизни. Но въ то же время Богочеловѣкъ предупреждалъ своихъ послѣдователей, что міръ будетъ ненавидѣть ихъ и убивать и даже будетъ дѣлать это во имя Божіе, будетъ преслѣдовать ихъ за имя Его (Мѣ. 10, 22; Іоан. 15 и 16 гл.), что имъ придется нить чашу страданій, подобно Своему Учителю (Марк. 10, 38, 39), что Онъ принесъ на землю не миръ, а раздѣленіе, мечъ и огонь (Мѣ. 10, 34—40; Лук. 12, 49—53). Онъ ободрилъ ихъ только гѣмъ, что Его благо и Его бремя легко (Мѣ. 11, 30) и что за отраданія за имя Его они получаютъ награду стократную въ этой жизни, а въ будущемъ вѣкѣ жизнь вѣчную (Марк. 10, 29—31; Мѣ. 10, 41, 42). Исторія христіанства въ теченіи всѣхъ девятнадцати вѣковъ оправдала эти предсказанія Іисуса Христа. А по другимъ предсказаніямъ Іисуса Христа и Апостоловъ предъ концомъ міра наступитъ времена тяжкія: страшныя бѣдствія будутъ поражать человечество и будетъ такая сморбъ, какой не было отъ начала міра и не будетъ; нравственное развращеніе людей достигнетъ наивысшей степени; умножатся лживыя ученія джехристовъ и женороковъ; богоотступничество распространится столь широко, что Сынъ человѣчскій, пришедши, найдетъ-ли вѣру на землѣ (Мѣ. 24 гл.; Марк. 13 гл.; Лук. 18, 1—8; 21, 9—36; 2 Фессал. 2 гл.; 1 Тим. 4, 1—3; 2 Тим. 3, 1—8; 4, 3, 4; и многія главы Апокалипсиса). Нужно ждать водворенія на землѣ не раа, а ада, царства діавола (Апок. 12, 12—17). Правда, концомъ нечестія человѣческаго рода будетъ преобразование теперешнихъ неба и земли посредствомъ огня, и затѣмъ явятся новое небо и новая земля, въ которыхъ живетъ правда (2 Петр. 3 гл.; Исв. 65, 17; 66, 22; Апок. 21, 1). Но такое преобразование будетъ дѣйствіемъ всемогущества Божія, а сами люди не могутъ достигнуть того, чтобы на землѣ обитала правда, не могутъ долину грѣха и плача превратить въ райскій садъ святости и ликующей радости.

И графъ Толстой меньше, чѣмъ кто бы то ни было, можетъ надѣяться на водвореніе на землѣ святости и счастья. Онъ—пессимистъ; онъ находитъ много темныхъ и мало свѣтлыхъ сторонъ въ христіанствѣ прошедшихъ вѣковъ и настоящаго времени. Но если христіане до нашихъ дней въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ не жили ни такъ свято, ни такъ счастливо, какъ они могли бы и должны бы были жить, если, по суду графа Толстаго, они жили даже очень дурно и несчастно; то въ чемъ же порука, что отнынь они будутъ жить и свято и счастливо? Неужели въ ученіи Толстаго? Неужели его разъясненія смысла евангельскаго нравоученія, если бы даже они были во сто разъ превосходише, чѣмъ каковы они теперь, могутъ произвести болѣе коренной переворотъ въ жизни человѣчества, чѣмъ какой произведенъ самимъ Евангелиемъ? Неужели послѣдопачатель Христа, кто бы онъ ни былъ, можетъ мечтать превзойти своего Учителя въ могуществѣ и благотворности своего вліянія на человѣчество? *Раба не больше господина своего* (Іоан. 15, 20). Надежды Толстаго на то, что все люди теперь же примутъ и исполнятъ евангельскія заповѣди,—наивность; его совѣты облегчить людямъ усвоеніе евангельскаго нравоученія чрезъ устраненіе евангельскаго вѣроученія или чрезъ признаніе его необязательности свидѣлствуютъ объ односторонности его религіозно-нравственнаго міросозерцанія, о непониманіи и коренномъ извращеніи ученія Христа; наконецъ, его мечты о скоромъ наступленіи золотого вѣка, пожимъ своей несбыточности, противорѣчатъ его пессимистическому взгляду на людей, на жизнь и на само христіанство и Церковь, не согласуются съ его міросозерцаніемъ, мрачнымъ и не свободнымъ отъ разочарованія въ жизни, отъ унынія и какой-то растерянности. Міросозерцаніе графа Толстаго отражаетъ разнообразныя вліянія, которымъ онъ подчинялся, разнообразныя ученія, которымъ онъ то сочувствовалъ, то не сочувствовалъ въ теченіи своей жизни, и потому оно не имѣетъ ни устойчивости и твердости, ни цѣлостности и единства. Оно похоже на платье, дурно кроенное, похабравшееся въ разное время подпачанымъ перодѣлками и мѣстами покрытое разноцвѣтными заплатками.

А. Булгаков.

2-я типография А. И. Смирновой, въ Сарнелавъ Пасъга М. г.

Оттиски изъ Библіовъ паво Восточнаго въ 1898 и 1895 г.
Печатать повелѣется Губернатору Александрѣ Архиповичу Антонову.

